ЭДУАРД БЛОХ
ЭРИХ ФРОММ
ВАЛЬТЕР ЛАНГЕР
МОЙ ПАЦИЕНТ – ГИТЛЕР
ПСИХОАНАЛИЗ ФЮРЕРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"…Нельзя ли добавить, что я могу каждому сердечно рекомендовать гестапо?" (З. Фрейд) Эту фразу отец психоанализа небрежно бросил, навсегда покидая Австрию. Буквально за несколько дней до того, как отправиться в концлагерь, знаменитый врач все же смог добиться разрешения на выезд. Вот только от него потребовали подписать бумагу, в которой он признавал, что в гестапо с ним обращались прекрасно. За несколько десятилетий до этого семейный врач четы Гитлер Э. Блох обращался за консультацией к З. Фрейду. Гуру психоанализа был весьма обеспокоен состоянием ребенка по имени Адольф и настаивал на помещении его в психиатрическую клинику. К сожалению, Блох не внял советам мастера, а в 1940-х, равно как и З. Фрейд, вынужден был бежать из Европы. Кем был фюрер? Что творилось в душе самого жестокого человека XX века? Об этом рассказывает его личный лечащий врач Э. Блох, комментарии к заключению дает З. Фрейд, а полный психоаналитический портрет дает классик неопсихоанализа Э. Фромм.

- Эдуард Блох, Эрих Фромм, Вальтер Лангер
  - «Мой пациент, Гитлер». Воспоминания врача Гитлера
    -
    - Часть I
      - Когда Адольфу Гитлеру было тринадцать
      - Работа для фрау Гитлер
      - Замечательная материнская любовь
      - Семья решает
      - Худший момент Гитлера
    - Часть II
      -
      - «На хранении»
      - Может ли это быть Адольф?
      - Пока умерла Австрия
      - Герой возвращается
      - Больше никаких одолжений
      - Гитлер восстанавливает свой родной город
  - Мышление Адольфа Гитлера
    - Часть I
    - Часть II
    - Часть III
  - Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии[3]
    -

        - Клара Гитлер[5]
        - Алоис Гитлер
        - Раннее детство Адольфа Гитлера (до шести лет: 1889–1895)
        - Детство Гитлера (с шести до одиннадцати лет: 1895–1900)
        - Отрочество и юность (с одиннадцати до семнадцати лет: 1900–1906)
        - Вена (1907–1913)
        - Мюнхен
        - Методологические замечания
        - Деструктивность Гитлера[20]
        - Вытеснение деструктивности
        - Другие аспекты личности Гитлера
        - Отношения с женщинами
        - Таланты и способности
        - Маскировка
        - Недостаток воли и реализма
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57

Эдуард Блох, Эрих Фромм, Вальтер Лангер
Мой пациент – Гитлер. Психоанализ фюрера

…Нельзя ли добавить, что я могу каждому сердечно рекомендовать гестапо?

(З. Фрейд)

«Мой пациент, Гитлер». Воспоминания врача Гитлера Эдуард Блох

«Мой пациент, Гитлер» доктора Эдуарда Блоха, «как рассказано Дж. Д. Рэтклиффу», первоначально появился в двух частях в выпусках журнала Collier's от 15 и 22 марта 1941 года. В те дотелевизионные дни Collier's был одним из самых влиятельных и читаемых периодических изданий в Соединенных Штатах. Рассматриваемый серьезными историками как важный первоисточник о юности Гитлера, это эссе цитируется, например, в библиографии и справочных материалах знаменитой биографии Джона Толанда «Адольф Гитлер» (Doubleday, 1976). Он также цитируется как источник в исследовании Роберта Пейна «Жизнь и смерть Адольфа Гитлера» (Praeger, 1973) и в Энциклопедии Луи Снайдера Третьего рейха. (Макгроу Хилл, 1976). Откровенно описывая разрушительное воздействие антиеврейских мер Гитлера на свою жизнь и карьеру, доктор Блох также пишет о Гитлере-подростке с честностью и деликатностью, которые сегодня почти немыслимы в любом крупнотиражном американском журнале. Полный текст оригинального сочинения, состоящего из двух частей, включая оригинальные субтитры, перепечатывается здесь с небольшими дополнениями в скобках.

Мы были в трех днях езды от Лиссабона и направлялись на запад в Нью-Йорк. Шторм в субботу был сильным, но в воскресенье море утихло. Незадолго до одиннадцати часов ночи наш корабль, небольшой испанский лайнер Marques de Comillas, получил приказ остановиться. Британские офицеры контроля на борту траулера хотели досмотреть пассажиров. Всем было сказано выстроиться в очередь в главном зале.

Вошли четверо британских офицеров в спасательных жилетах. Без комментариев они прошли по очереди, внимательно изучая паспорта. Было ощущение напряжения. Многие из находившихся на борту корабля бежали; они думали, что благополучно покинули Европу, когда якорь был поднят в Лиссабоне. Сейчас? Никто не знал. Возможно, кого-нибудь из нас заберут с корабля.

Наконец настала моя очередь. Офицер взял мой паспорт, взглянул на него и с улыбкой поднял глаза. «Вы были врачом Гитлера, не так ли?» он спросил. Это было правильно. Также было

бы правильно, если бы он добавил, что я еврей.

Я знал Адольфа Гитлера мальчиком и молодым человеком. Я лечил его много раз и был хорошо знаком со скромным окружением, в котором он рос. Во время ее последней болезни я сопровождал человека, который был ему ближе и дороже всех остальных – его мать.

Большинство биографов – как симпатичных, так и несимпатичных – избегали юности Адольфа Гитлера. Несочувствующие сделали это по необходимости. Они могли достать только самые скудные факты. Официальные партийные биографии пропустили этот период по желанию диктатора. Откуда такая ненормальная чувствительность к его молодости? Я не знаю. Нет скандальных глав, которые Гитлер хотел бы скрыть, если только не вернуться более чем на сто лет назад к рождению его отца. Некоторые биографы говорят, что Алоис Гитлер был внебрачным ребенком. Я не могу говорить о точности этого утверждения.

А как насчет тех первых лет в Линце, Австрия, где Гитлер провел годы своего становления? Что это был за мальчик? Какую жизнь он вел? Об этом мы и поговорим здесь.

Часть I

Когда Адольфу Гитлеру было тринадцать

Для начала нужно представиться. Я родился во Фрауэнбурге, крошечной деревушке на юге Чехии, которая на протяжении моей жизни была под тремя флагами: австрийским, чехословацким и немецким. Сейчас мне шестьдесят девять лет. Я изучал медицину в Праге, затем пошел в австрийскую армию в качестве военного врача. В 1899 году меня отправили в Линц, столицу Верхней Австрии и третий по величине город страны. Когда я закончил службу в армии в 1901 году, я решил остаться в Линце и заниматься медициной.

Как город, Линц всегда был таким же тихим и сдержанным, как Вена была веселой и шумной. В тот период, о котором мы собираемся поговорить, – когда Адольф Гитлер был 13-летним [на самом деле 14-летним] – Линц был городом с населением 80 000 человек. Мои консультационные комнаты и дом находились в одном доме, старинном здании в стиле барокко на Ландштрассе, главной улице города.

Семья Гитлеров переехала в Линц в 1903 году, потому что, как мне кажется, там хорошие школы. Семейное прошлое хорошо известно. Алоис Шикльгрубер Гитлер был сыном бедной крестьянской девушки. Когда он стал достаточно взрослым, чтобы работать, он устроился учеником сапожника, пошел на государственную службу и стал таможенным инспектором в Браунау, крошечном приграничном городке между Баварией и Австрией. Браунау находится в пятидесяти милях от Линца. В пятьдесят шесть лет Алоис Гитлер получил право на пенсию и ушел с работы. Гордясь собственными успехами, он очень хотел, чтобы его сын поступил на государственную службу. Молодой Адольф яростно воспротивился этой идее. Он был бы художником. Отец и сын ссорились из-за этого, а мать, Клара Гитлер, пыталась всех примирить.

Пока он жил, Алоис Гитлер упорно пытался приспособить судьбу своего сына к своим собственным желаниям. Его сын получит образование, в котором ему было отказано; образование, которое обеспечило бы ему хорошую работу в правительстве. Итак, отец Алоис приготовился покинуть деревню Браунау и отправиться в город Линц. Из-за его государственной службы ему не нужно было оплачивать полное обучение своего сына в Realschule. С учетом всего этого он купил небольшую ферму в

Леондинге, пригороде Линца.

Семья была довольно большая. В более зрелой жизни Адольф настолько затмил остальных, что о них по большей части забыли. Был сводный брат Алоис, которого я никогда не встречал. Он рано ушел из дома, устроился официантом в Лондон, а позже открыл свой ресторан в Берлине. Он никогда не был дружен со своим младшим братом.

Потом была Паула, старшая из девочек. Позже она вышла замуж за герра Рубала, чиновника налогового управления в Линце. Еще позже, после смерти мужа и прихода к власти брата, она поехала в Берхтесгаден, чтобы работать экономом на вилле Гитлера. Сестра Клара какое-то время управляла рестораном для еврейских студентов в Венском университете; а сестра Анжела, младшая из девочек, вышла замуж за профессора Хамича в Дрездене, где живет до сих пор.

Работа для фрау Гитлер

Семья едва поселилась в своем новом доме за пределами Линца, как Алоис, отец, внезапно скончался от инсульта.

В то время фрау Гитлер было за сорок. Она была простой, скромной, доброй женщиной. Она была высокой, с коричневатыми волосами, аккуратно заплетенными в косу, и с длинным овальным лицом с красивыми, выразительными серо-голубыми глазами. Ее отчаянно беспокоила ответственность, возложенная на нее смертью мужа. Алоис, который был на двадцать три года старше ее, всегда руководил семьей. Теперь эта ноша легла на ее плечи.

Было очевидно, что сын Адольф был слишком молод и слишком хрупок, чтобы стать фермером. Поэтому ее лучшим решением, кажется, было продать это место и снять небольшую квартирку. Она сделала это вскоре после смерти мужа. На доходы от этой продажи и небольшую пенсию, которая была назначена ей из-за того, что ее муж занимал должность в правительстве, ей удалось сохранить свою семью.

В маленьком городке в Австрии бедность не навязывает тех унижений, как в большом городе. Здесь нет трущоб и большой перенаселенности. Я не знаю точного дохода семьи Гитлера, но, представляя размер государственных пенсий, я могу оценить его приблизительно в 25 долларов в месяц. Эта небольшая сумма позволяла им жить тихо и прилично – незамеченными человечками в глухом городке.

Их квартира состояла из трех небольших комнат в двухэтажном доме на Блутенштрассе № 9, который находится

через Дунай от основной части Линца. Из его окон открывался прекрасный вид на горы.

Мое главное впечатление от простой меблированной квартиры – это чистота. Он блестел. Ни пылинки на стульях или столах, ни пятнышка грязи на вымытом полу, ни пятнышка на стеклах окон. Фрау Гитлер была превосходной хозяйкой.

У Адольфа Гитлера было всего несколько друзей. Один выделялся над другими; вдова почтмейстера, жившая в том же доме.

Ограниченный бюджет не позволял ни малейшей расточительности. У нас в Линце была обычная провинциальная опера: и неплохо, и неплохо. Те, кто хотел слышать лучше всех, отправились в Вену. Места в галерее нашего театра, Schauspielhaus, были проданы за 10–15 центов в американских деньгах. Тем не менее, занятие одного из этих мест, чтобы услышать, как равнодушная труппа поет «Лоэнгрин», было таким памятным событием, что Гитлер записал его в «Майн кампф»!

По большей части развлечения мальчика ограничивались тем, что было бесплатно: прогулками по горам, купанием в Дунае, бесплатным концертом музыкального коллектива. Он много читал и был особенно очарован рассказами об американских индейцах. Он проглотил книги Джеймса Фенимора Купера и немецкого писателя Карла Мэя, которые никогда не были в Америке и никогда не видели индейцев.

Семейная диета по необходимости была простой и суровой. Еда в Линце была дешевой и в изобилии; и семья Гитлера придерживалась той же диеты, что и другие люди в их обстоятельствах. Мясо подавали два раза в неделю. Большая часть еды, за которую они сели, состояла из капустного или картофельного супа, хлеба, клецок и кувшина груши и яблочного сидра.

В качестве одежды они использовали грубую шерстяную ткань, которую мы называем Лоден. Адольф, конечно же, был одет в форму всех маленьких мальчиков: кожаные шорты, вышитые подтяжки, небольшую зеленую шляпку с перышком на повязке.

Замечательная материнская любовь

Каким мальчиком был Адольф Гитлер? Многие биографы считают его резким, вызывающим, неопрятным; как молодой хулиган, олицетворяющий все непривлекательное. Это просто неправда. В юности он был тихим, хорошо воспитанным и аккуратно одетым.

Он пишет, что в возрасте пятнадцати лет считал себя политическим революционером. Возможно. Но давайте посмотрим на Адольфа Гитлера так, как он произвел впечатление на окружающих, а не как он произвел впечатление на себя.

Он был высоким, землистым, старым для своего возраста. Он не был ни крепким, ни болезненным. Возможно, «хилый на вид» лучше всего описал бы его. Его глаза, унаследованные от матери, были большими, меланхоличными и задумчивыми. В значительной степени этот мальчик жил внутри себя. Какие сны ему снились, я не знаю.

Внешне его самой яркой чертой была любовь к матери. Хотя он не был «материнским сыном» в обычном смысле этого слова, я никогда не видел более тесной привязанности. Некоторые утверждают, что эта любовь граничила с патологией. Как бывший близкий родственник семьи, я не верю, что это правда.

Клара Гитлер обожала сына, младшего в семье. Она позволяла ему идти своим путем везде, где это было возможно. Его отец настоял на том, чтобы он стал чиновником. Он восстал и привлек на свою сторону мать. Вскоре он устал от школы, поэтому мать разрешила ему бросить учебу.

Все друзья семьи знают, как фрау Гитлер поощряла его мальчишеские попытки стать художником; какой ценой для себя можно догадываться. Несмотря на их бедность, она позволила ему отказаться от предложенной работы на почте, чтобы он мог продолжить рисовать. Она восхищалась его акварелями и его зарисовками сельской местности. Я не знаю, было ли это искренним восхищением или просто попыткой поощрить его талант.

Она изо всех сил старалась хорошо вырастить своего мальчика. Она увидела, что он опрятен, опрятен и накормлен настолько, насколько позволяла ее сумочка. Когда бы он ни приходил в мою консультационную комнату, этот странный мальчик сидел среди других пациентов, ожидая своей очереди.

Никогда не было ничего серьезного. Возможно, воспаляются миндалины. Он будет стоять послушно и непоколебимо, пока я вдавливаю его язык и вытираю проблемные места. Или, возможно, он простудился. Я угощу его и отправлю в путь. Как любой воспитанный мальчик четырнадцати или пятнадцати лет, он кланялся и вежливо благодарил меня.

Я, конечно, знаю о проблемах с желудком, которые преследовали его в более позднем возрасте, в основном из-за плохой диеты, когда он работал обычным разнорабочим в Вене. Я не могу понять многочисленные упоминания о его болезни легких в молодости. Я был единственным врачом, лечившим его в

тот период, когда он предположительно страдал от этого. В моих записях ничего подобного нет. Безусловно, у него не было румяных щек и крепкого здоровья, как у большинства других молодых людей; но в то же время он не был болезненным.

В Realschule юный Адольф работал далеко не блестяще. В качестве подтверждения у меня есть слова его бывшего учителя, доктора Карла Хьюмера, моего старого знакомого. Я был врачом фрау Хьюмер. В «Майн кампф» Гитлер пишет, что он был равнодушным учеником по большинству предметов, но любил историю. Это согласуется с воспоминаниями профессора Хьюмера.

Желая получить дополнительное образование в живописи, Гитлер решил, что поедет в Вену учиться в Академии. Это было судьбоносное решение для члена бедной семьи. Его мать беспокоилась о том, как он будет ладить. Я понимаю, что она даже предложила немного урезать семейный бюджет, чтобы она могла послать ему крошечное пособие. Кредитовать мальчика он отказался. Он пошел еще дальше: передал сестрам свое минутное наследство. Ему тогда было восемнадцать.

Я не уверен в точных деталях того, что произошло во время той поездки в Вену. Некоторые утверждают, что его не приняли в Академию из-за неудовлетворительной художественной работы. Другие принимают заявление Гитлера о том, что его отказ был вызван тем, что он не смог окончить Realschule – эквивалент американской средней школы. В любом случае через несколько недель он снова был дома. Позднее в этом году – 1908 [1907, по некоторым источникам] – моим долгом стало сообщить Гитлеру, возможно, самую печальную новость в его жизни.

Однажды фрау Гитлер пришла ко мне в утренние часы работы. Она жаловалась на боль в груди. Она говорила тихим, приглушенным голосом; почти шепотом. По ее словам, боль была сильной; достаточно, чтобы не спать по ночам напролет. Она была занята домашним хозяйством, поэтому не обращалась за медицинской помощью. Кроме того, она думала, что боль пройдет. Когда врач слышит такую историю, он почти автоматически думает о раке. Обследование показало, что у фрау Гитлер была обширная опухоль груди. Я не сказал ей о своем диагнозе.

Семья решает

На следующий день я вызвал детей к себе в офис и откровенно изложил ситуацию. Я сказал им, что их мать была тяжело больной. Злокачественная опухоль сегодня достаточно

серьезна, но тридцать лет назад она была еще серьезнее. Хирургические методы были не столь развиты, а знания о раке не столь обширны.

Я объяснил, что без операции на выздоровление нет никакой надежды. Даже после операции был малейший шанс, что она выживет. На семейном совете они должны решить, что делать.

Реакция Адольфа Гитлера на эту новость была трогательной. Его длинное желтоватое лицо исказилось. Слезы текли из его глаз. Он спросил, неужели у его матери нет шансов? Только тогда я осознал масштабы привязанности, существовавшей между матерью и сыном. Я объяснил, что у нее был шанс; но маленький. Даже этот клочок надежды успокаивал его.

Дети передали моё послание своей матери. Она приняла приговор так, как я был уверен, – стойко. Глубоко религиозная, она полагала, что ее судьба была волей Бога. Ей и в голову не пришло бы жаловаться. Она согласится на операцию, как только я смогу подготовиться.

Я объяснил этот случай доктору Карлу Урбану, начальнику хирургического персонала больницы сестер милосердия в Линце. Урбан был одним из самых известных хирургов в Верхней Австрии. Он был и остается щедрым человеком, что делает честь его профессии. Он охотно согласился провести операцию на любом предложенном мной основании. После обследования он согласился с моим мнением о том, что у фрау Гитлер очень мало шансов выжить, но эта операция давала единственную надежду.

Интересно отметить, что случилось с этим щедрым человеком почти три десятилетия спустя – после *аншлюса* [союза] с Германией. Из-за своих политических связей он был вынужден отказаться от работы в больнице. Его сын, который был пионером в хирургии головного мозга, также был вынужден покинуть несколько кабинетов.

Однажды вечером в начале лета 1908 года [1907?] Фрау Гитлер прибыла в больницу. У меня нет точной даты, поскольку мои записи по делу были помещены в архив нацистской партии в Мюнхене. В любом случае фрау Гитлер провела ночь в больнице, а на следующее утро ей сделали операцию. По просьбе этой нежной, измученной души я остался возле операционного стола, пока доктор Урбан и его ассистент проводили операцию.

Два часа спустя я поехал в своей карете через Дунай к маленькому домику на Блутенштрассе № 9, в районе города, известном как Урфар. Там меня ждали дети.

Девочки приняли слово, которое я принес, спокойно и сдержанно. Лицо мальчика было залито слезами, а глаза его были усталыми и красными. Он слушал, пока я не закончил говорить. У

него есть только один вопрос. Сдавленным голосом он спросил: «Моя мама страдает?»

Худший момент Гитлера

По прошествии недель и месяцев после операции силы фрау Гитлер стали заметно падать. Максимум, она могла вставать с постели час или два в день. В этот период Адольф большую часть времени проводил в доме, в который вернулась его мать.

Он спал в крошечной спальне, примыкающей к спальне его матери, чтобы его можно было вызвать в любое время ночи. Днем он парил около большой кровати, на которой она лежала.

При болезни, подобной той, от которой страдает фрау Гитлер, обычно бывает сильная боль. Она хорошо несла свое бремя; непоколебимый и безропотный. Но это, казалось, мучило ее сына. Мучительная гримаса охватила его, когда он увидел, как боль сжала ее лицо. Мало что можно было сделать. Время от времени инъекции морфина приносили временное облегчение; но ничего длительного. И все же Адольф казался чрезвычайно благодарным даже за эти короткие периоды освобождения.

Я никогда не забуду Клару Гитлер в те дни. Ей тогда было сорок восемь лет; высокий, стройный и довольно красивый, но истощенный болезнью. Она была тихой, терпеливой; больше беспокоилась о том, что случится с ее семьей, чем о приближающейся смерти. Она не скрывала своих опасений; или о том, что большинство ее мыслей было о сыне. «Адольф еще так молод», – неоднократно повторяла она.

В день 20 декабря 1908 [или 1907] я сделал два звонка. Приближался конец, и я хотел, чтобы эта хорошая женщина чувствовала себя комфортно, насколько это возможно. Я не знал, проживет ли она еще неделю или еще месяц; или смерть наступит в считанные часы.

То, что Ангела Гитлер принесла мне на следующее утро, не стало неожиданностью. Ее мать тихо умерла ночью. Дети решили не беспокоить меня, зная, что их матери не оказывают никакой медицинской помощи. Но, спросила она, могу я прийти сейчас? Свидетельство о смерти должен был подписать кто-то на официальном посту. Я надел пальто и поехал с ней в убитый горем коттедж.

Вдова почтмейстера, их ближайшая подруга, была с детьми, более или менее взяв на себя все заботы. Адольф, лицо которого выражало усталость от бессонной ночи, сидел рядом с матерью. Чтобы сохранить последнее впечатление, он зарисовал ее лежащую на смертном одре.

Некоторое время я сидел с семьей, пытаясь облегчить их горе. Я объяснил, что в этом случае смерть была спасителем. Они поняли.

В моей профессиональной практике естественно, что я был свидетелем многих сцен, подобных этой, но ни одна из них не оставила у меня такого же впечатления. За всю свою карьеру я никогда не видел никого более падшего от горя, чем Адольф Гитлер.

Я не был на похоронах Клары Гитлер, которые проходили в канун Рождества. Тело было доставлено из Урфара в Леондинг, всего в нескольких милях от него. Клару Гитлер похоронили рядом с мужем на католическом кладбище, за маленькой желтой лепной церковью. После того, как остальные – девушки и вдова почтмейстера – ушли, Адольф остался; не в силах оторваться от только что засыпанной могилы.

И вот этот изможденный, бледный молодой человек стоял один на холоде. Наедине со своими мыслями в канун Рождества, в то время как остальной мир был весел и счастлив.

Через несколько дней после похорон семья пришла ко мне в офис. Они хотели поблагодарить меня за помощь, которую я им оказал. Там была Паула, хорошенькая и коренастая; Анжела, стройная, красивая, но анемичная; Клара и Адольф. Девочки говорили то, что было в их сердцах, а Адольф хранил молчание. Я вспоминаю эту конкретную сцену так же ярко, как могу вспомнить то, что произошло на прошлой неделе.

Адольф был одет в темный костюм и галстук со свободным узлом. Тогда, как и сейчас, прядь волос упала ему на лоб. Его глаза были устремлены в пол, пока его сестры разговаривали. Затем настала его очередь. Он шагнул вперед и взял меня за руку. Посмотрев мне в глаза, он сказал: «Я буду вечно вам благодарен». Это все. Затем он поклонился. Интересно, вспоминает ли он сегодня эту сцену? Я совершенно уверен, что да, поскольку в некотором смысле Адольф Гитлер сдержал свое обещание благодарности. Мне были оказаны милости, которые, я уверен, не оказывались ни одному еврею во всей Германии или Австрии.

Часть II

Почти сразу после похорон матери Гитлер уехал в Вену, чтобы попытаться снова сделать карьеру художника. Его взросление было болезненным опытом для мальчика, который жил внутри себя. Но приближались еще более тяжелые дни. Как бы ни была бедна семья, ему, по крайней мере, гарантировали еду и кров, пока он жил дома. Этого нельзя было сказать о днях в Вене. Гитлер был полностью поглощен делом по сохранению тела и души вместе.

Мы все кое-что знаем о его жизни там – о том, как он работал носильщиком на строительных работах, пока рабочие не стали угрожать столкнуть его с эшафота. И мы знаем, что он разгребал снег и брался за любую другую работу, какую только мог найти. В течение этого периода, фактически в течение трех лет, Гитлер жил в мужском общежитии, эквивалентном ночлежке в любом большом американском городе. Именно здесь он начал мечтать о мире, переделанном по его образцу.

Живя в общежитии в окружении человеческих отбросов большого города, Гитлер говорит: «Впервые в жизни я стал недоволен собой». За этим недовольством собой последовало недовольство всем в нем – и желание изменить вещи по своему вкусу.

Купол ненависти начал ползать по его телу. Мрачные реалии его жизни побуждали его ненавидеть правительство, профсоюзы и тех самых людей, с которыми он жил. Но он еще не начал ненавидеть евреев.

В этот период он взял тайм-аут, чтобы отправить мне открытку за пенни. На обороте было сообщение: «Из Вены я передаю вам привет. С уважением, всегда искренне, Адольф Гитлер». Это была мелочь, но я это оценила. Я потратил много времени на лечение семьи Гитлера, и было приятно знать, что эти усилия с моей стороны не были забыты.

Официальные нацистские издания также сообщают, что я получил одну из картин Гитлера – небольшой пейзаж. Если бы я знал, то я этого не осознавал. Но вполне возможно, что он прислал мне один, а я забыл об этом. В Австрии пациенты часто посылают своим врачам картины или другие подарки в знак благодарности. Даже сейчас у меня есть полдюжины этих масел и акварелей, которые я сохранил; но среди них не было ни одного нарисованного Гитлером.

Однако я сохранил одно произведение искусства Гитлера. Это произошло в то время, когда он в Вене рисовал открытки,

плакаты и т. д., зарабатывая достаточно денег, чтобы содержать себя. Это был единственный раз в жизни, когда Гитлер смог успешно использовать свой талант.

Он раскрашивал эти открытки и сушил их перед горячим огнем, что придавало им довольно приятное старинное качество. Потом их продавали другие обитатели общежития. Сегодня в Германии немногие оставшиеся образцы этой работы ценятся и пользуются большим спросом, чем работы Пикассо, Гогена и Сезанна!

Гитлер прислал мне одну из этих карточек. На нем был изображен монах-капуцин в капюшоне, поднимающий бокал пузырящегося шампанского. Под картинкой была подпись: «Prosit Neujahr – тост за Новый год». На обратной стороне он написал сообщение: «Семья Гитлера шлёт вам наилучшие пожелания счастливого Нового года. С вечной благодарностью, Адольф Гитлер».

Почему я откладываю эти карточки, чтобы спастись, я не знаю. Возможно, это было из-за того впечатления, которое произвел на меня тот несчастный мальчик. Даже сегодня я не могу не думать о нем с точки зрения его горя, а не с точки зрения того, что он сделал с миром.

У этих почтовых открыток любопытная история. Они показали, насколько Гитлер захватил воображение некоторых людей. Богатый венский промышленник – я не знаю его имени, потому что он работал через посредника – позже сделал мне удивительное предложение. Он хотел купить эти две карты и был готов заплатить за них 20 000 марок! Я отклонил предложение на том основании, что не могу совершить такую продажу с этической точки зрения.

В этих двух картах есть еще одна история. Через семнадцать дней после краха правительства Шушнигга и оккупации Австрии немецкими войсками ко мне домой зашел агент гестапо. В то время я делал профессиональный звонок, но моя жена приняла его.

«На хранении»

«Мне сообщили, – сказал он, – что у вас есть сувениры фюрера. Я хотел бы их увидеть». Моя жена поступила разумно, но не протестовала. Она не хотела, чтобы ее дом развалили на части, как это было во многих еврейских домах. Она нашла две карточки и передала их. Агент нацарапал квитанцию, которая гласила: «Свидетельство о хранении двух почтовых открыток (одна из них нарисована рукой Адольфа Гитлера), конфискованных в доме

доктора Эдуарда Блоха». Его подписал неизвестный нам агент по имени Громер. Он сказал, что я должен приехать в штаб на следующее утро.

Почти сразу после того, как нацисты вошли в город, гестапо захватило небольшую гостиницу на Гезелленхаусштрассе, которой официально покровительствовали разъездные священнослужители. Я пошел в это место, и меня приняли почти сразу. Меня любезно встретил доктор Раш, глава местного бюро. Я спросил его, почему были отобраны эти клочки собственности.

Это были тяжелые дни для гестапо. В городе с населением 120 000 человек нужно было о многом позаботиться. Выяснилось, что доктор Раш не был знаком с моим случаем. Он спросил, не подозреваю ли меня в какой-либо политической деятельности, неблагоприятной для нацистов. Я ответил, что нет; что я профессиональный человек без политических связей.

Видимо, запоздало, он спросил, не арийец ли я. Я ответил бескомпромиссно: «Я стопроцентный еврей». Перемена, которая произошла с ним, была мгновенной. Раньше он был деловит, но вежлив. Теперь он стал отстраненным.

По его словам, карты будут оставлены на хранение. Затем он отпустил меня, не вставая и не пожимая руки, как когда я вошел. Насколько мне известно, карты все еще находятся в руках гестапо. Больше я их не видел.

Когда он уехал в Вену, Адольфу Гитлеру суждено было исчезнуть из нашей жизни на долгие годы. У него не было друзей в Линце, к которым он мог бы вернуться в гости, и немногих, с которыми он мог бы обмениваться перепиской. Итак, гораздо позже мы узнали о его ужасной бедности в те дни и о его последующем переезде в Мюнхен в 1912 году (точнее, в мае 1913 года).

Никаких новостей не поступало о том, как он упал на колени и благодарил Бога, когда в 1914 году была объявлена война; и никаких новостей о его военной службе в качестве капрала 16-го баварского пехотного полка. Мы ничего не слышали о его ранении и отравлении газом. Только в начале его политической карьеры в 1920 году мы снова узнали об этом тихом, вежливом мальчике, выросшем среди нас.

Может ли это быть Адольф?

Иногда в местных газетах появлялись статьи о группе политических сторонников, которую Гитлер собирал вокруг себя в Мюнхене; рассказы об их ненависти к евреям, к Версальскому миру и почти ко всему остальному. Но особого значения этой

деятельности не придавали. Только после того, как в пивном путче 8 ноября 1923 года погибло двадцать человек, Гитлер получил известность среди местных жителей. «Возможно ли, – спросил я себя, – что за всем этим стоит тихий мальчик, которого я знал – сын нежной Клары Гитлер?»

В конце концов даже упоминание имени Гитлера в австрийской прессе было запрещено; тем не менее, мы продолжали получать молву из уст в уста нашего бывшего горожанина: рассказы о преследованиях, которые он начал; перевооружения Германии; грядущей войны. Эта контрабандная новость достигла чутких ушей. Возникла местная нацистская партия.

Теоретически такой партии не могло быть; оно было объявлено вне закона правительством. На практике власти дали на это свое благословение. Местные нацисты, которым отказали в униформе, применили методы идентификации себя для всех. На них были белые чулки. На пальто они носили небольшой полевой цветок, очень похожий на американскую ромашку, а на Рождество они зажигали в своих домах голубые свечи.

Мы все это знали, но ничего не было сделано. Время от времени местные власти находили на могиле Клары Гитлер в Леондинге нацистский флаг и снимали его без всяких церемоний. Тем не менее, надвигающаяся буря в Германии казалась далекой. Прошло довольно много времени, прежде чем я получил известие из первых рук от Адольфа Гитлера. Затем, в 1937 году, несколько местных нацистов посетили партийную конференцию в Нюрнберге. После конференции Гитлер пригласил нескольких из этих людей поехать с ним на свою горную виллу в Берхтесгадене. Фюрер спросил новости о Линце. Как город? Поддерживали ли его там люди? Он попросил новости обо мне. Был ли я еще жив, все еще практикуюсь? Затем он сделал заявление, раздражающее местных нацистов. «Доктор Блох, – сказал Гитлер, – это Эдельджуд», – благородный еврей. Если бы все евреи были похожи на него, не было бы еврейского вопроса». Было странно и в некотором роде лестно, что Адольф Гитлер видел хорошее хотя бы в одном представителе моей расы.

Теперь любопытно оглянуться назад на то чувство безопасности, которое мы испытывали благодаря тому, что жили по правую сторону от воображаемой линии, международной границы. Конечно, Германия не могла бы случайно вторгнуться в Австрию. Франция была дружелюбной. Оккупация Австрии противоречила бы интересам Италии. О, но в те дни мы были слепы! Затем нас захватил захватывающий поток событий. С надеждой мы читаем о поездке [канцлера Австрии] Шушнига в

Берхтесгаден; его плебисцит; включение Зейсс-Инкварта в свой кабинет. Возможно, мы переживем этот кризис нетронутыми. Но надежда была обречена на смерть в считанные часы. Как только Зейсс-Инкварт вошел в кабинет, на каждом лацкане росли пуговицы: «Один народ, одно царство, один лидер».

Пока умерла Австрия

В пятницу, 11 марта 1938 года, Венское радио транслировало лёгкую передачу. Было 7:45 ночи. Внезапно вмешался диктор. Канцлер заговорил. Шушниг вышел в эфир и сказал, что для предотвращения кровопролития он капитулирует перед желанием Гитлера. Границы будут открыты, он закончил свое обращение словами: «Gott schütze Oesterreich» – да защитит Бог Австрию. Гитлер возвращался домой в Линц.

В последующие бессонные дни мы цеплялись за радио. Войска хлынули через границу в Пассау, Куфштайне, Миттенвальде и в других местах. Сам Гитлер переходил реку Инн в Браунау, на своей родине. Диктор, затаив дыхание, рассказал нам историю марша. Сам фюрер останавливался в Линце. Город сошел с ума от радости. У читателя не должно быть сомнений в популярности аншлюса с Германией. Народ одобрил это. Они приветствовали натиск немецких войск цветами, приветствиями и песнями. Звонили церковные колокола. Австрийские войска и полиция братались с захватчиками, и все это ликовало.

На общественной площади Линца, в квартале от моего дома, царила суматоха. Весь день он звенел песней Хорста Весселя и Deutschland über Alles. Над головами гудели самолеты, и передовые части немецкой армии приветствовали их громкими возгласами. Наконец радио объявило, что Гитлер находится в Линце.

Горожанам были даны предварительные инструкции. Все окна по маршруту шествия должны были быть закрыты. Каждый должен быть зажжен. Я стоял у окна своего дома, выходящего на Ландштрассе. Гитлер пройдет раньше меня.

Герой возвращается

Вскоре прибыла процессия – большой черный автомобиль «Мерседес», шестиколесный мотор, по бокам стояли мотоциклы. Хрупкий мальчик, которого я так часто лечил и которого не видел тридцать лет, стоял в машине. Я оказал ему только доброту; что ему теперь делать с людьми, которых я любил? Я посмотрел поверх голов толпы на Адольфа Гитлера.

Это был момент напряженного возбуждения. В течение многих лет Гитлеру отказывали в праве посетить страну, в которой он родился. Теперь эта страна принадлежала ему. Восторг, который он чувствовал, был написан на его лице. Он улыбался, махал рукой, отдавал нацистское приветствие людям, заполнившим улицу. Затем на мгновение он взглянул на мое окно. Я сомневаюсь, что он видел меня, но у него, должно быть, была минута размышлений. Здесь был дом Эдельджуда, который диагностировал смертельный рак своей матери; здесь была приемная человека, лечившего его сестер; вот то место, куда он ходил мальчиком лечить свои легкие недуги.

Это был короткий момент. Затем процессия исчезла. Он медленно двинулся на городскую площадь – некогда площадь Франца-Иосифа, которая вскоре будет переименована в площадь Адольфа Гитлера. Он говорил с балкона ратуши. Я слушал радио.

Исторические слова: Германия и Австрия теперь были одним целым.

Гитлер обосновался в отеле Weinzinger, в частности просил квартиру с видом на гору Поэстлинг. Эта сцена была видна из окон скромной квартирки, где он провел свое детство.

На следующий день он позвонил нескольким старым знакомым: Оберхаммеру, местному партийному функционеру; Кубичек [Кубичек], музыкант; Лидель, часовщик; Доктор Хьюмер, его бывший учитель истории. Было понятно, что он не мог пригласить меня, еврея, на такую встречу; все же он справился обо мне. Некоторое время я думал попросить об аудиенции, но потом решил, что это будет неразумно.

Гитлер прибыл в субботу вечером. В воскресенье он посетил могилу своей матери и оглядел местных нацистов, марширующих перед ним. Не облаченные в форму, они носили трусики, лыжные штаны или кожаные шорты. В понедельник Гитлер отбыл в Вену.

Вскоре мы пришли к острому осознанию того, какими должны быть другие вещи. В Линце было 700 евреев. Магазины, дома и офисы всех этих людей были отмечены знаменами из желтой бумаги, которые теперь видны по всей Германии, JUDE – еврей.

Первое предложение о том, чтобы мне оказали особые услуги, поступило однажды, когда позвонило из местного гестапо. Я должен был убрать желтые знаки со своего офиса и дома. Затем произошло второе: мой домовладелец, ариец, пошел в штаб-квартиру гестапо, чтобы спросить, можно ли мне остаться в моей квартире. «Мы бы не посмели коснуться этого вопроса», – сказали ему. «Этим займется Берлин». Гитлер, видимо, вспомнил. Затем случилось то, что заставило меня усомниться.

Без всякой причины посадили в тюрьму моего зятя, молодого врача. Никому не разрешалось видеться с ним, и мы не получали о нем никаких известий. Моя дочь пошла в гестапо. «Хотел бы Вождь узнать, что зять его старого врача был отправлен в тюрьму?» она спросила. С ней обращались грубо и резко за ее безрассудство. Разве вывески с отцовского дома не убрали? Этого было мало? И все же ее визит, должно быть, произвел какой-то эффект. Через три недели ее мужа отпустили.

Моя практика, которая, как мне кажется, была одной из крупнейших в Линце, начала сокращаться еще за год до прихода Гитлера. В этом я мог видеть предзнаменование грядущих событий. Верные пациенты старшего возраста были довольно откровенны в своих объяснениях. Ненависть, которую проповедовали нацисты, охватила молодежь. Они больше не будут опекать еврея.

По указу моя активная практика была ограничена пациентами-евреями. Это был еще один способ сказать, что я должен вообще прекратить работу. Разрабатывались планы избавления города от всех евреев. 10 ноября 1938 года было вынесено постановление, согласно которому все евреи должны были покинуть Линц в течение 48 часов. Им предстояло отправиться в Вену. Можно представить себе потрясение, вызванное этим указом. Люди, всю жизнь прожившие в Линце, должны были продать свою собственность, упаковать вещи и уехать в течение двух дней.

Я позвонил в гестапо. Я должен был уйти? Мне сообщили, что в моем случае сделано исключение. Я мог остаться. Моя дочь и ее муж? Поскольку они уже заявили о своем намерении эмигрировать в Америку, они также могут остаться. Но им придется покинуть свой дом. Если бы в моей квартире была комната, им разрешили бы туда переехать.

Больше никаких одолжений

После тридцати семи лет активной работы моя практика подошла к концу. Мне разрешили лечить только евреев. После приказа об эвакуации в Линце осталось всего семь участников этой расы. Всем было больше восьмидесяти лет.

Понятно, что моя дочь и ее муж захотят забрать с собой свои сбережения, когда уезжают в Америку. Я бы тоже, когда подошла моя очередь уходить. О вынесении какого-либо местного решения по этому поводу не могло быть и речи. Я знал, что не могу видеть Адольфа Гитлера. Тем не менее, я чувствовал, что если я смогу передать ему сообщение, он, возможно, окажет нам некоторую

помощь.

Если бы сам Гитлер был недоступен, возможно, нам помогла бы одна из его сестер. Клара была ближайшей; она жила в Вене. Ее муж умер, и она жила одна в скромной квартире в тихом жилом районе. Планировалось, что моя дочь Гертруда поедет в Вену, чтобы увидеть ее. Она пошла в квартиру, постучала, но не получила ответа. И все же она была уверена, что дома кто-то есть.

Она обратилась за помощью к соседу. По словам соседки, фрау Вольф – Клара Гитлер – никого не принимала, кроме нескольких близких друзей. Но эта добрая женщина согласилась передать сообщение и доложить об ответе фрау Вольф. Моя дочь ждала. Вскоре пришел ответ. Фрау Вольф шлет привет и сделает все, что в ее силах. К счастью, Гитлер в ту ночь был в Вене во время одного из своих частых, но неожиданных визитов в оперу. Фрау Вольф увидела его и, я уверен, передала ему сообщение. Но в нашем случае не было сделано никаких исключений. Когда подошла наша очередь, мы были вынуждены остаться без гроша, как и многие тысячи других.

Как Гитлер относился к своему старому другу – к тому, кто заботился о своей семье с терпением, вниманием и милосердием? Подведем итоги одолжений:

Я не верю, что другому еврею во всей Австрии разрешили сохранить свой паспорт. На моей продовольственной карточке не было штампа J, когда стало не хватать еды. Это было очень полезно, потому что сегодня евреям разрешено делать покупки только в ограниченные часы, что часто неудобно. Без J на моей карте я мог купить в любое время. Мне даже выдали карточку на одежду – в чем евреи обычно отказывают.

Если мои отношения с гестапо были не совсем сердечными, я, по крайней мере, не пострадал от их рук, как многие другие. Мне было известно из надежных источников, и я вполне могу в это поверить, что бюро в Линце получило особые инструкции из канцелярии в Берлине о том, что мне следует оказать любую разумную услугу.

Возможно, но маловероятно, что мой военный послужной список был особенно ответственным за эти мелкие соображения. Во время войны я руководил военным госпиталем на 1000 коек, а моя жена руководила благотворительной работой среди больных. За эту службу меня дважды наградили.

Гитлер восстанавливает свой родной город

Гитлер по-прежнему считает Линц своим настоящим домом, и внесенные им изменения поразительны. Некогда тихий сонный

город преобразил его «крестный отец» – почетное звание, особенно дорогое Гитлеру. Целые кварталы старых домов были снесены, чтобы освободить место для современных жилых домов; что вызывает острую, но временную нехватку жилья. Возведен новый театр и построен новый мост через Дунай. Мост, согласно местной легенде, был спроектирован самим Гитлером, и планы были завершены уже во время *аншлюса*. Огромный чугунолитейный завод Германа Геринга, построенный за последние два года, только начинает работу. Для выполнения этой программы реконструкции были импортированы целые эшелоны рабочих: чехов, поляков, бельгийцев.

Гитлер посетил город дважды после *аншлюса*, один раз во время выборов, которые должны были одобрить союз с Германией; второй раз тайно, чтобы посмотреть, как идет реконструкция города. Каждый раз он останавливался в отеле Weinzinger.

Во время второго визита владельцу гостиницы сообщили, что о присутствии Гитлера в городе не сообщается; что утром он совершит инспекционный тур. Обрадовавшись присутствию в доме столь важной персоны, хозяин не удержался от хвастовства. Он позвонил нескольким друзьям, чтобы сообщить им новости. За это нарушение дисциплины он дорого заплатил. Его гостиница была конфискована.

Биографы Гитлера неоднократно обращались ко мне за заметками о его юности. В большинстве случаев я отказывался говорить. Но я разговаривал с одним из этих мужчин. Это был приятный джентльмен средних лет из Вены, выходец из правительственного ведомства, возглавляемого Рудольфом Гессом, из ближайшего окружения нацистов. Он писал официальную биографию. Я сообщил ему все подробности, которые смог вспомнить, а также свои медицинские записи, которые он впоследствии отправил в штаб нацистской партии в Мюнхене. Он пробыл в Линце и Браунау несколько недель; затем проект внезапно прекратился. Мне сказали, что его отправили в безмолвный концлагерь. Почему я не знаю.

Когда, наконец, настала моя очередь уехать из Линца в Америку, я знал, что у меня не получится взять с собой свои сбережения. Но гестапо оказало мне еще одну услугу. Мне должны были разрешить вывозить из страны шестнадцать марок вместо обычных десяти!

Нацистская организация врачей дала мне письмо, ценность которого я не знаю, в котором говорится, что я «достоин рекомендации». Далее говорилось, что благодаря моему «характеру, медицинским знаниям и готовности помогать

больным» я завоевал «признание и уважение своих собратьев».

Один партийный чиновник предположил, что я должен выразить некоторую благодарность за все эти услуги. Может быть, письмо фюреру? Перед тем, как уехать из Линца холодным туманным ноябрьским утром, я написал это. Интересно, было ли это когда-нибудь получено. Это читать:

Ваше превосходительство!

Перед прохождением границы хочу выразить благодарность за полученную защиту. В материальной бедности я уезжаю из города, в котором прожил сорок один год; но я оставляю сознание того, что жил самым точным исполнением своего долга. В шестьдесят девять лет я начну новую жизнь в чужой стране, где моя дочь упорно трудится, чтобы содержать свою семью.

С уважением *Эдуард Блох*

Мышление Адольфа Гитлера
Вальтер Лангер

Часть I
Гитлер – каким он считает себя сам

Во время повторной оккупации Рейнской области в 1936 году Гитлер, давая объяснение своим поступкам, использовал необычную риторическую фразу. Он сказал: «Я следую своему курсу с точностью и осторожностью лунатика». Даже в то время она потрясла мир, как необычное утверждение неоспоримого лидера шестидесятисемимиллионного народа, сделанное в разгар международного кризиса. Гитлер хотел, чтобы оно было своего рода заверением его осторожным последователям, которые ставили под сомнение разумность его курса.

Однако кажется, что это было истинным признанием. И если бы только осторожные последователи осознали его значение и подоплеку, у них были бы основания для намного большей озабоченности, чем та, которая появилась после предложения Гитлера повторно оккупировать Рейнскую область. Ибо, благодаря избранному курсу, этот лунатик безошибочно шел неизведанными дорожками, которые вывели его к вершинам успеха и власти, ранее недоступным. И все же курс манил его до того дня, когда он стал на грань катастрофы. Он войдет в историю как наиболее обожаемый и наиболее ненавистный человек, которого только знал мир.

Многие люди задумывались и спрашивали себя: «Искренен этот человек в своих начинаниях или же он мошенник?» Действительно, даже фрагментарное знание его прошлой жизни дает основание задать этот вопрос, особенно еще и потому, что наши корреспонденты представили нам много противоречивых мнений. Временами кажется почти непостижимым, что этот человек мог быть искренним и совершить то, что совершил в ходе своей карьеры Гитлер. И все же все его бывшие соратники, с которыми мы смогли связаться, а также многие из наших иностранных корреспондентов, твердо убеждены: Гитлер по-настоящему верит в свое собственное величие. Фукс цитирует слова Гитлера, сказанные Шушнигу во время интервью в Берхтесгадене: «Вы понимаете, что находитесь в присутствии величайшего немца всех времен?» Раушнингу он как-то заявил: «Но мне не нужно ваше одобрение, чтобы убедить меня в моем историческом величии». А Штрассеру, который однажды взял на себя вольность заметить, что, по его мнению, Гитлер ошибается, он ответил: «Я не могу ошибаться. То, что я делаю и говорю, имеет историческое значение». Можно привести много подобных

высказываний Гитлера. Охснер очень хорошо сформулировал свое отношение к этому вопросу следующими словами:

«Он считает, что никто в истории Германии не был подготовлен так основательно, как он, чтобы привести немцев к верховенству, которого желали все германские государственные деятели, но достичь не смогли».

В этом отношении Гитлер не ограничивает себя только ролью государственного деятеля. Он также считает себя величайшим военачальником, как, например, когда говорит Раушнингу:

«Я не играю в войну. Я не позволяю генералам отдавать мне приказы. Война проводится мной. Точный момент нападения будет определяться мной. Будет лишь одно время, которое станет воистину благоприятным, и я буду ждать его с несгибаемой решимостью. Я не пропущу его…».

Нужно признать, что Гитлер сделал определенный вклад в немецкую тактику и стратегию наступления и обороны. Он считает себя выдающимся экспертом в юридической области и не краснеет, когда, стоя перед Рейхстагом, заявляет на весь мир: «В последние двадцать четыре часа я был верховным судом немецкого народа».

Более того, он также считает себя величайшим из всех германских архитекторов и тратит много времени, вычерчивая новые здания и планируя перестройку целых городов. Несмотря на то, что Гитлер не смог сдать вступительные экзамены в Академию искусств, он считает себя единственным компетентным судьей в этой области. Хотя несколько лет назад он и назначил комитет, состоящий из трех человек, который действовал в качестве окончательного судьи по всем вопросам искусства, но когда принятые вердикты не удовлетворили его, он распустил комитет и взял на себя его обязанности. Нет никакой разницы, сфера ли это экономики, образования, международных отношений, пропаганды, кинематографа, музыки или женской одежды. Абсолютно в каждой области Гитлер считает себя неоспоримым авторитетом. Он также гордится своей твердостью и непоколебимостью:

«Я – один из самых непреклонных людей Германии за целые десятилетия, возможно, столетия, имеющий более высокий авторитет, чем какой-либо иной немецкий лидер… Но превыше всего я верю в свой успех, я верю в него безоговорочно».

Эта вера в собственную силу фактически граничит с чувством всемогущества, которое Гитлер и не собирается скрывать. Один дипломат делится своим впечатлением:

«После событий последнего года его вера в собственный гений или, можно сказать, в свою звезду, безгранична. Его окружение ясно видит, что он безоговорочно считает себя непогрешимым и непобедимым. Этим объясняется то, что он уже не может переносить ни критики, ни различных мнений. Если кто-то пытается противоречить Гитлеру, то ему это кажется преступлением против собственной персоны; противостояние его планам, с какой бы стороны оно не шло, расценивается как святотатство, на которое единой реакцией может быть незамедлительное и разящее проявление его всемогущества».

Другой дипломат сообщает о таком же впечатлении:

«Когда я впервые встретил Гитлера, его логика и чувство реальности поразили меня, но со временем мне начало казаться, что он становится все более и более безрассудным и все более и более убежденным в своей непогрешимости и величии…».

Следовательно, все меньше остается места для сомнений в том, что Гитлер был твердо уверен в своем величии. Теперь мы должны поинтересоваться источниками такой уверенности. Почти все авторы относят уверенность Гитлера за счет того факта, что он сильно верит в астрологию и постоянно общается с астрологами, которые дают ему советы относительно последовательности его поступков. Но наши информаторы, знавшие Гитлера довольно близко, отвергают эту мысль, как абсурдную. Они все соглашаются с тем, что для личности Гитлера нет ничего более чуждого, нежели поиск помощи из внешних источников такого рода. Информатор датского посольства придерживается того же мнения. Он говорит: «Фюрер не только никогда не составлял своего гороскопа, но является еще и принципиальным противником гороскопов, поскольку чувствует, что они подсознательно могут оказать на него влияние». Также показателен такой факт: незадолго до войны Гитлер запретил практику предсказательства и звездочетства в Германии.

Правда, похоже, что фюрер мог действовать под неким руководством такого рода, благодаря которому он проникся чувством собственной непогрешимости. Рассказы об этом, возможно, берут свое начало еще с самых первых дней создания партии. Согласно Штрассеру, в начале 20-х годов Гитлер регулярно брал уроки по ораторскому искусству и психологии масс у человека по имени Хануссен, который также практиковал астрологию и предсказывал судьбы. Он был исключительно умной личностью и научил Гитлера многому тому, что касалось важности сценических встреч для получения наибольшего

драматического эффекта. Возможно, что Хануссен контактировал с группой астрологов, упоминаемой фон Вигандом, которая была очень активна в Мюнхене в то время. Через Хануссена Гитлер также мог вступить в контакт с этой группой. Вот что пишет фон Виганд:

«Когда я впервые узнал Адольфа Гитлера, в 1921 и 1922 годах, он имел связи с кругом людей, твердо верящих в знамения звезд. Было много разговоров о предстоящем «втором Шарлеманье и новом Рейхе». Я так и не смог узнать, насколько Гитлер верил тогда в астрологические прогнозы и пророчества. Он не отрицал и не подтверждал своей веры. Однако он был не против использовать прогнозы для укрепления народной веры в себя и в его тогда еще молодое и развивающееся движение».

Вполне возможно, что из этого увлечения вырос миф о его сотрудничестве с астрологами. Хотя Гитлер достаточно широко был ознакомлен с литературой, касающейся различных областей исследований, он никоим образом не приписывает свою непогрешимость или всемогущество каким-либо интеллектуальным стремлениям со своей стороны. Наоборот, когда дело доходит до управления судьбами народов, он с неодобрением смотрит на источники научной информации. По сути, у него чрезвычайно низкое мнение об интеллекте, поскольку в различное время он делает заявления, подобно следующим:

«Второстепенное значение имеет тренировка умственных способностей».

«Сверхобразованные люди, напичканные знаниями и интеллектом, но лишенные любых здравых инстинктов[1]».

«Эти бесстыдные негодяи (интеллектуалы), которые всегда все знают лучше всех других…»

«Интеллект вырос в деспота, и стал болезнью жизни».

Гитлер руководствовался чем-то совершенно иным. Кажется ясным, что он верит в то, что Германии его послало само провидение и что ему надлежит выполнить особую миссию. Возможно, он не совсем понимает масштабов этой миссии, за исключением того факта, что его избрано для спасения немецкого народа и придания Европе иной формы. Только вот как это выполнить, ему также не совсем ясно, но это его особо не трогает, поскольку «внутренний голос» сообщает ему шаги, которые необходимо предпринять. Именно это ведет его избранным курсом с точностью и осторожностью лунатика.

«Я выполняю команды, которые мне дает провидение».

«Ни одна сила в мире не может теперь сокрушить Германский

Рейх. Божественное провидение пожелало, чтобы я осуществил выполнение германского предназначения».

«Но если зазвучит голос, тогда я буду знать, что настало время действовать».

Именно это твердое убеждение, что ему надлежит выполнить особую миссию и что он находится под руководством и защитой провидения, является причиной того, можно сказать, гипнотического воздействия, которое он имел на немецкий народ.

Многие люди считают, что это чувство судьбы и миссии пришло к Гитлеру в результате его успешной деятельности. Скорее всего, это не так. Позднее в нашем исследовании мы попытаемся показать, что Гитлер обладал этим чувством с ранней молодости, и лишь намного позднее оно стало осознанным. В любом случае, оно начало пробиваться в сознание уже во время первой мировой войны и всякий раз после этого играло доминирующую роль в его действиях. Менд (один из соратников Гитлера), например, сообщает:

«В этой связи вспоминается, как перед Рождеством (1915) он вдруг заявил, что мы еще многое услышим о нем. Нам оставалось лишь ждать, когда сбудется это странное пророчество».

Сам Гитлер поведал о нескольких случаях, происшедших с ним во время войны, которые подсказали ему, что он находится под Божественным провидением. Наиболее поразительные из них следующие:

«Я ел свой обед, сидя в окопе с несколькими товарищами. Внезапно послышалось, что какой-то голос говорит мне: «Поднимайся и иди туда». Голос звучал так ясно и настойчиво, что я автоматически повиновался, как будто это был военный приказ. Я сразу же поднялся на ноги и прошел двадцать ярдов по окопу, неся с собой обед в бачке. Затем я сел и продолжал есть, мой разум снова успокоился. Едва я закончил, как в той части окопа, которую я только что покинул, сверкнула вспышка и раздался оглушительный взрыв. Шальной снаряд взорвался над моими товарищами, и все погибли».

Затем также было предчувствие, которое возникло у него в госпитале во время слепоты, якобы вызванной газом.

«Когда я был прикован к постели, ко мне пришла мысль, что я освобожу Германию, что я сделаю ее великой. Я сразу же осознал, что это возможно реализовать».

Должно быть, этот опыт предвидения позднее прекрасно совпал со взглядами мюнхенских астрологов и, возможно,

подсознательно Гитлер чувствовал, что если их предсказания были в какой-то мере истинны, то они наверняка касались его. Но в те дни он не упоминал о какой-либо связи между ним и астрологами и не распространялся о Божественном руководстве, которое, как он верил, вело его правильной дорогой. Возможно, Гитлер чувствовал, что такие притязания в начале развития нацистского движения могут, скорее, препятствовать ему, чем помочь. Однако, как указывал фон Виганд, он был не прочь использовать прогнозы для достижения своих собственных целей. В то время он довольствовался ролью «барабанщика», провозглашавшего пришествие истинного Спасителя. Даже тогда, однако, судя по мышлению Гитлера, роль «барабанщика» не была такой уж невинной или незначительной, как можно было бы предположить. Это проявилось в его свидетельских показаниях во время суда, последовавшего после неудачного Пивного путча в 1923 году. В то время он говорил:

«Вы также можете принять к сведению, что я не считаю должность министра такой, за которую нужно бороться. Я считаю, что великий человек не обязательно должен стать министром, чтобы войти в историю. С самого первого дня я тысячи раз повторял в уме: я буду ликвидатором марксизма. Я разрешу задачу, а когда разрешу ее, тогда для меня титул министра будет обыденным делом. В первый раз, когда я стоял перед могилой Рихарда Вагнера, мое сердце наполнилось гордостью за человека, который заслужил такую надпись: «Здесь покоится прах члена Тайного Совета, главного дирижера, его превосходительства барона Рихарда фон Вагнера». Я был горд, что этот человек, как и многие люди в истории Германии, желали оставить для потомства свое имя, а не свой титул. Не скромность заставила меня быть «барабанщиком». Именно это есть величайшей важностью, а все остальное пустяк».

После своего пребывания в Ландсберге Гитлер уже не отзывался о себе, как о «барабанщике». Изредка он говорил о себе словами святого Матфея, сравнивая свои усилия с «гласом вопиющего в пустыне», или вспоминал Иоанна Крестителя, чьей обязанностью было прокладывать дорогу тому, кто должен прийти на Землю и привести нацию к власти и славе. Однако чаще всего он называл себя «фюрером», как предложил ему Гесс во время их заключения».

Шло время, и становилось ясно, что он считал себя Мессией и что именно его избрала судьба, дабы привести Германию к славе. Его ссылки на Библию стали все более частыми, а возглавляемое им движение начало пропитываться религиозным духом. Все чаще сравнивает он себя с Христом, и эти сравнения находят свое

место в его разговорах и речах. Например, Гитлер мог сказать:

«Когда я приехал в Берлин несколько недель назад и взглянул на него, то роскошь, извращение, беззаконие, распутство и еврейский материализм вызвали во мне такое отвращение, что я чуть не вышел из себя. Я почти вообразил себя Иисусом Христом, когда тот пришел к храму своего Отца и обнаружил, что его захватили менялы. Я вполне могу представить, как он чувствовал себя тогда, когда взял кнут и изгнал их».

Ханфштенгль вспоминает, что он резко взмахнул кнутом, якобы изгоняя евреев и силы тьмы, врагов Германии и германской чести. Дитрих Эккарт, который видел в Гитлере возможного лидера и присутствовал на его выступлениях, позднее сказал: «Когда человек дошел до отождествления себя с Иисусом Христом, то это означает, что он созрел для сумасшедшего дома». Но при всем этом отождествление было не с Иисусом Христом Распятым, а с Иисусом Христом яростным, бичующим толпу.

По сути дела, Гитлер мало восторгался Христом Распятым. Хотя он был воспитан в католической вере и во время войны причастился, однако сразу же после того раскритиковал свою связь с церковью. Такого Христа Распятого он считает мягким и слабым, неспособным выступить в качестве германского Мессии. Последний должен быть твердым и жестоким, если хочет спасти Германию и сделать ее владычицей мира.

«Мои чувства христианина указывают мне на моего Господа и Спасителя, как на борца. Они приводят меня к человеку, который однажды, в одиночестве, окруженный лишь несколькими последователями, увидел в этих евреях их настоящую сущность и призвал людей бороться против них и который, Боже праведный, был величайшим не как мученик, а как воин. В безграничной любви, и как христианин и как человек, я читал главу, которая рассказывает нам, как Господь наконец поднялся в своем могуществе и взялся за плеть, чтобы изгнать из Храма змеиное племя. Какой же ужасной должна быть борьба против еврейской отравы».

А Раушнингу он однажды рассказал о «еврейском христианском вероучении с его женоподобной, жалостливой этикой».

Из свидетельских показаний не ясно, является ли новая государственная религия частью плана Гитлера или же ход событий был таким, что способствовал этому. Розенберг давно ратовал за такой решительный шаг, но нет доказательств, что Гитлер склонен был его сделать, пока не пришел к власти. Возможно, он чувствовал, что ему необходима власть еще до того, как он смог начать радикальные перемены. Или же

последовательность его успехов была такой впечатляющей, что люди непроизвольно начали относиться к нему по религиозному, и это сделало нацистское движение более или менее явным. В любом случае, он принял эту богоугодную роль без каких-либо колебаний или смущения. Уайт говорил нам, что теперь, когда к фюреру обращаются с приветствием «Хайль Гитлер, наш Спаситель», он при комплименте слегка кланяется – и верит в него. Время течет и становится все более и более ясно, что Гитлер считает себя действительно «избранным» и что мнит себя вторым Христом, который призван утвердить в мире новую систему ценностей, основанную на жестокости и насилии. Играя эту роль, Гитлер влюбился в самого себя и окружил себя собственными портретами.

Похоже, эта миссия заманила его на еще большие высоты. Неудовлетворенный ролью скоропреходящего Спасителя, он стремится превратить себя в идола для будущих поколений. Фон Виганд говорит:

«В жизненно важных вопросах Гитлер далеко не забывчив, уделяя постоянное внимание исторической оценке своих успехов и поражений, которые будут вынесены на суд потомков».

Он считает, что может стать связывающим звеном между настоящим и будущим Германии. Следовательно, он верит, что обретет бессмертие в глазах немецкого народа. Все должно быть огромным и соответствовать монументу в честь Гитлера. Его идея постоянного строительства – это идея, которая должна просуществовать, по крайней мере, тысячелетие. Его главный путь должен быть известен, как «Главный путь Гитлера», и он должен длиться дольше, чем путь Наполеона. Вождь всегда должен совершать невероятное и на века войти в историю, оставшись живым в сознании немецкого народа грядущих поколений. Многие авторы, среди них Гаффнер, Гус и Вагнер, допускают, что Гитлер уже начертал обширные планы строительства своего собственного мавзолея. Наши информаторы, недавно покинувшие Германию, не могут подтвердить эти сообщения. Однако они считают их вполне правдоподобными. После смерти Гитлера этот мавзолей превратился бы в Мекку для Германии. Это должен быть громадный монумент, приблизительно в 700 футов высотой, со всеми деталями, разработанными для получения высочайшего психологического эффекта. Известно, что во время своей первой поездки в Париж, после захвата его в 1940 году, Гитлер посетил Дом Инвалидов, чтобы осмотреть памятник Наполеону. Он нашел его несовершенным во многих отношениях. Например, французы

поставили его в выемку, что заставляло людей смотреть на него скорее сверху, чем снизу.

«Я никогда не совершу такой ошибки, – внезапно сказал Гитлер. – Я знаю, как продолжать влиять на людей после моей смерти

Я буду тем фюрером, на которого они будут смотреть снизу вверх и будут возвращаться домой, чтобы обговорить меня и запомнить. Моя жизнь не закончится в простой форме смерти. Наоборот, она только начнется тогда».

Некоторое время считалось, что Кехльштайн был первоначально построен как вечный мавзолей Гитлеру. Однако похоже, что если это и было первоначальным намерением Гитлера, то он отказался от него в пользу чего-то более грандиозного. Возможно, Кехльштайн был слишком недоступным для посещения его большим количеством людей, которые смогли бы прикоснуться к могиле вождя и получить вдохновение. В любом случае, похоже, что разрабатывались более экстравагантные проекты. Ведь Гитлер нуждался в постоянной эмоциональной игре на умах истерических масс, и чем лучше он сможет организовать способы и средства для достижения этого после своей смерти, тем более уверенным будет он в достижении своей конечной цели.

Гитлер твердо уверен, что яростный темп и эпохальный век, в котором он живет и действует (он действительно убежден, что является движущей силой и творцом этого века), окончится вскоре после его смерти, закружив мир в длительном витке пищеварительного процесса, ознаменованного некой инертностью. Люди в его «Тысячелетнем Рейхе» будут строить ему памятники и будут ходить, чтобы прикоснуться и посмотреть на все построенное им, считал он. Об этом Гитлер много говорил во время своего известного визита в Рим в 1938 году, добавляя, что через тысячу лет величие, а не руины, его собственного времени будут завораживать людей тех далеких дней… Хотите верьте, хотите нет, именно так мышление этого человека проектирует себя без смущения через столетия.

Было время, когда Гитлер много говорил об отставке. Предполагалось, что в этом случае он займет свою резиденцию в Берхтесгадене и будет сидеть там до самой смерти, как Бог, который руководит судьбами рейха. В июле 1933 года, посещая семью Вагнера, он пространно говорил, что стареет, и горько жаловался, что десять лет бесценного времени были потеряны между Пивным путчем в 1923 году и его приходом к власти. Все это было очень печально, поскольку он предсказывал, что

потребуется двадцать два года для того, чтобы навести в стране нужный порядок для передачи ее своему наследнику. Некоторые авторы допускают, что в период отставки он напишет книгу, которая просуществует вечность, как великая Библия национал-социализма. Все это довольно интересно с точки зрения заявления Рема, сделанного много лет назад: «Даже сегодня ему больше всего нравится сидеть в горах и играть Господа Бога».

Анализ всех данных вынуждает нас прийти к выводу, что Гитлер считает себя бессмертным избранником Божьим, новым спасителем Германии и основателем нового общественного порядка в мире. Он твердо верит в это и убежден, что, несмотря на все испытания и несчастья, через которые ему придется пройти, он в конечном итоге достигнет своей цели. Но при единственном условии – он должен следовать указаниям внутреннего голоса, который руководил им и защищал его в прошлом. Это убеждение не исходит из сущности идей, которые он проповедует, а основывается на убежденности в своем личном величии. Говард Смит делает интересное наблюдение:

«Я был уверен, что из всех миллионов людей, которым был навязан миф о Гитлере, наиболее увлеченным оказался сам Адольф Гитлер».

Часть II
Гитлер – каким его знает немецкий народ

Когда мы пытаемся сформулировать концепцию об Адольфе Гитлере, каким его знает немецкий народ, мы не должны забывать, что информация о нем ограничена контролируемой прессой. Многие тысячи немцев лично видели его и могут использовать свои впечатления как основу индивидуальной концепции о нем.

Однако с физической точки зрения, Гитлер не является импозантной фигурой, – он совсем не вписывается в Платоновское представление о великом, борющемся лидере или спасителе Германии и творце нового рейха. Ростом он немного ниже среднего. У него широкие бедра и относительно узкие плечи. Мышцы вялые, ноги короткие, тонкие и веретенообразные; последний изъян скрывался в прошлом грубыми ботинками, а позднее – длинными брюками. У него большой торс, а грудь плоская до такой степени, что говорят, будто он использует подкладку в униформе. Таким образом, с физической точки зрения, он бы не смог пройти через требования для его собственной элитной гвардии.

Не более привлекательной в его молодые годы была одежда. Он часто надевал баварский горный костюм, состоящий из кожаных шорт, белой рубашки и подтяжек, которые не всегда были чистыми; с коричневыми прогнившими зубами и длинными грязными ногтями он представлял собой довольно гротескную картину. В то время у него была остроконечная бородка, а темные волосы на голове разделены посредине пробором, намазаны маслом и гладко прилизаны. Его походка не была походкой солдата. «Это была очень женоподобная походка. Утонченные шажки. Через пару шагов он нервно поводил плечом, а его левая нога во время этого резко дергалась». Его лицо также нервно дергалось, от чего уголки губ изгибались вверх. Перед аудиторией он всегда появлялся в простом синем костюме, который лишал его какой-либо индивидуальности. Во время суда после неудавшегося Пивного путча Эдгар Моурер, видевший Гитлера впервые, спросил сам себя:

«Был ли этот провинциальный денди с редкими темными волосами, в куцем пиджаке, с неуклюжими жестами и бойким языком ужасным заговорщиком? Всем он кажется разъезжим торговцем одежды».

Да и позднее он производил впечатление ничуть не лучшее.

Дороти Томпсон после их первой встречи описывала его следующим образом:

«Он бесформенный, почти безликий человек, чье выражение лица комично, человек, чей скелет кажется хрящевидным, без костей. Он непоследователен и говорлив, неуравновешен и опасен. Он самый настоящий прототип «маленького человека».

Смит также нашел его «апофеозом маленького человека», но застенчивого, неуверенного в себе и забавно выглядевшего. Возможно, это только мнение американских журналистов, у которых иные критерии мужской красоты. Однако, давая свидетельские показания на суде в 1923 году, профессор Макс фон Грубер из Мюнхенского университета, наиболее выдающийся евгеник в Германии, утверждал:

«Тогда я впервые увидел Гитлера вблизи. Лицо и голова низшего типа, помесь; низкий впалый лоб, уродливый нос, широкие скулы, маленькие глаза, темные волосы. Вид не как у человека, который полностью контролирует себя, отдавая приказания, а как у бредово возбужденного субъекта. На лице – выражение удовлетворенной самовлюбленности».

Много было написано о его глазах, цвет которых якобы отражал все цвета радуги. По сути, они кажутся светло-голубыми, почти фиолетовыми. Но не этот цвет завораживает людей, а скорее глубина и выражение глаз, их яркий блеск имеют гипнотическое воздействие. В литературе время от времени можно обнаружить истории, подобно следующей. На встречу с Гитлером для поддержания порядка прислали полицейского, который был известен своей антипатией к нацистскому движению. Когда он стоял на посту, появился Гитлер.

«Он посмотрел в глаза полицейского тем гипнотизирующим и неотразимым взглядом, который сбил с ног несчастного. Этим утром, взывая к вниманию, страж порядка признался мне: «Со вчерашнего вечера я национал-социалист. Хайль Гитлер».

Эти истории вовсе не продукт нацистских ведомств пропаганды. Очень надежные люди, теперь в нашей стране, сообщали о подобных случаях среди их личных знакомых. Даже известные дипломаты рассказывали о редком свойстве глаз Гитлера и о том, как он, встречаясь с людьми, использует свой дар часто со страшными последствиями.

Есть и другие, подобно Раушнингу, которые находят его взгляд пристальным и мертвым, лишенным яркости и искристости неподдельного оживления. Однако не будем распространяться о его глазах и их особенном свойстве, поскольку относительно немногие немцы входили в такой близкий контакт с ним, что попали под их серьезное воздействие.

Каким бы ни был эффект внешности Гитлера, производимый на немцев в прошлом, разумнее будет допустить, что он регулировался миллионами плакатов, расклеенных в каждом заметном месте и изображавших фюрера достаточно презентабельной личностью. К тому же, пресса и кинохроника были постоянно наводнены тщательно подготовленными фотографиями и кинокадрами, в наилучшем виде показывающими Гитлера. Этими усилиями со временем было стерто любое неблагоприятное впечатление, которое мог произвести реальный человек в прошлом. Гитлера теперь знает большинство немцев, внешне это довольно видная личность. Подавляющее большинство людей имело единственный контакт с Гитлером – через его голос. Он был неутомимым оратором, и перед тем как пришел к власти, иногда мог произнести от трех до четырех речей за один день, часто в разных городах. Даже самые непримиримые его оппоненты признавали, что он – величайший оратор, которого когда-либо знала Германия. Это признание интересно еще тем, что звучание его голоса было далеким от приятного. Когда Гитлер возбуждался, скрежещущие интонации часто перерастали в пронзительный фальцет. Да и не дикция делала его великим оратором. В годы молодости она была особенно плохой. Это было сочетание верхнегерманского и австрийского диалекта. В целом же, его речи были долгими, плохо составленными и очень повторяющимися. Некоторые из них просто мучительно читать, но тем не менее, когда Гитлер провозглашал их, они производили необычайный эффект на аудиторию. Его сила и очарование в ораторском искусстве почти всецело основывались на способности почувствовать, что хочет услышать данная аудитория, а затем манипулировать таким образом, чтобы возбудить эмоции толпы. Вот что говорит Штрассер о его таланте:

«Гитлер реагирует на биение человеческого сердца, как сейсмограф… реагирует с точностью, которой он не смог бы достичь сознательно, и которая позволяет ему действовать наподобие громкоговорителя, провозглашающего наиболее тайные желания, наименее допустимые инстинкты, страдания и личное негодование целой нации».

До прихода к власти почти все его речи были сконцентрированы вокруг следующих тем: (1) предательство ноябрьских преступников; (2) необходимость ликвидации марксистского правления; (3) мировое господство евреев. Независимо от того, какие бы аспекты не были разрекламированы для конкретного выступления, он неизменно начинал распространяться на какую-либо из этих трех тем. И все же людям

это нравилось, они посещали один митинг за другим, чтобы послушать его выступления. Следовательно, на аудиторию воздействовало не столько то, о чем он говорил, а то, как он это говорил.

Даже в начале своей деятельности Гитлер был позером с большим чувством драматизма. Он не только планировал свои выступления на поздний вечер, когда его аудитория будет усталой и менее критически настроенной, но и заблаговременно направлял помощника произнести короткую речь, дабы подогреть публику. Штурмовики всегда играли значительную роль на этих митингах, они выстраивались, образуя проход, по которому он должен был пройти. В психологически удобный момент Гитлер мог появиться в задней двери зала. Затем, во главе небольшой группы сопровождающих, он продвигался мимо штурмовиков к ораторскому столику. Идя по проходу, он никогда не смотрел по сторонам и очень злился, когда кто-то пытался приветствовать его или же мешал его продвижению. Где позволяла обстановка, всегда присутствовал оркестр, начинавший играть веселый военный марш, когда Гитлер шел. В начале своего выступления он, как правило, проявлял признаки нервозности. Обычно он не мог сказать чего-либо вразумительного до тех пор, пока не начинал чувствовать свою аудиторию. Однажды, сообщает Хайден, он так разнервничался, что, казалось, потерял дар речи. Для того чтобы что-то сделать, он ухватился за стол и начал передвигать его по помосту. Затем внезапно «поймал восприятие» и смог продолжать. Прейс описывает, что выступал Гитлер следующим образом:

«Начинает он медленно, с запинками. Постепенно входит в раж, когда духовный настрой громадной толпы возбуждается. Ибо он реагирует на этот метафизический контакт таким образом, что каждый член множества чувствует себя связанным с ним индивидуальным звеном сочувствия».

Все наши информаторы докладывают именно о медленном начале, о поиске контакта с аудиторией. Как только он находит его, темп возрастает в гладком ритме и звуке, пока оратор не начинает кричать, охваченный экстазом. На протяжении всей речи слушатель, похоже, идентифицирует себя с голосом Гитлера, который становится голосом Германии.

Все это соответствует концепции Гитлера о массовой психологии, изложенной в книге «Майн Кампф», где он пишет:

«Психика широких масс не реагирует ни на что слабое или половинчатое. Как женщина, духовная решимость которой определяется не абстрактной причиной, а неопределяемым

эмоциональным стремлением к исполняющей власти, и которая, по этой причине, предпочитает подчиниться скорее сильному, чем слабому – так и масса предпочитает правителя просящему».

И Гитлер дает им это.

«Ньюсуик» сообщает: «Женщины падали в обморок, когда с багровым и искаженным усилиями лицом он выдавал свою магическую ораторию».

Фланнер говорит: «Его оратория состояла из расстегнутого воротничка, взъерошенных волос, огня в глазах; он был похож на загипнотизированного человека, доводящего себя до исступления».

Согласно Йетс-Брауну: «Он был перевоплощенным и одержимым человеком. Мы присутствовали при чуде».

Эта огненная оратория была новой для немцев и особенно для немногословных баварцев низшего класса. В Мюнхене его выкрики и жестикуляция были спектаклем, на который, чтобы попасть, нужно было платить деньги. Однако не только его пламенная оратория завоевала толпу для его дела. Без сомнений, это было нечто новое, но куда более важной была серьезность, с которой он произносил речи.

«Каждое из произносимых им слов было заряжено мощным потоком энергии: временами казалось, что слова, вырванные из самого сердца этого человека, причиняют ему ужасную боль».

«Наклонившись с трибуны, как бы пытаясь имплантировать свое внутреннее «Я» в сознание всех этих тысяч людей, он держал массы и меня под гипнотическим колдовством… Было ясно, что Гитлер чувствовал восторг эмоциональной реакции, надвигавшейся сейчас на него… его голос поднимался до страстного предела… его слова были подобны бичу. Когда он замолчал, его грудь все еще вздымалась от чувств».

Многие авторы рассуждали о его способности гипнотизировать аудиторию. Стоили Хайт сообщает:

«Когда во время кульминации он качается со стороны в сторону, его слушатели качаются вместе с ним; когда он наклоняется вперед, они также наклоняются, а когда он заканчивает выступление, они либо приведены в благоговейный трепет, либо в экстазе вскакивают на ноги.

Бесспорно, как оратор он оказывал мощное влияние на обыкновенных немцев. Его митинги всегда были многолюдны, а когда он заканчивал выступать, то способность критического мышления у слушателей была подавлена до такой степени, что они были готовы поверить почти во все сказанное им. Он льстил им и обхаживал их. Он бросал им обвинения и тут же развлекал

их и умилял; казалось, он создавал соломенного человека, которого быстренько сбивал с ног. Его язык был подобен кнуту, подхлестывающему эмоции аудитории. И каким-то образом ему удавалось всегда высказать то, что большинство слушателей уже тайно держало в уме, но не могло выразить словами. В ответ на реакцию публики в нем бурно проявлялись различные чувства. Благодаря этой обоюдной связи, оратора и его аудиторию охватывало эмоциональное опьянение».

Именно такого Гитлера знал, прежде всего, немецкий народ. Гитлера, пламенного оратора, который без устали мчался с одного митинга на другой, выматываясь до стадии истощения. Гитлера, чье сердце и душа принадлежали делу и который неустанно боролся против всепоглощающих бедствий и препятствий, чтобы раскрыть глаза слушателей на истинное положение вещей. Гитлера, который мог возбудить чувства и довести до сознания людей цель национального подъема. Гитлера мужественного, который решился сказать правду и бросить вызов как национальным властям, так и международным поработителям. Немцы знали искреннего Гитлера, чьи слова воспламенялись в тысячах сердец, призывая искоренить недостатки. Именно Гитлер откроет немцам путь к самоуважению, потому что он верит в них.

Это фундаментальное представление о Гитлере создало прекрасную основу для нацистской пропаганды. Он был так убедителен на ораторской трибуне и казался таким искренним в своих выступлениях, что большинство его слушателей было готово поверить всему хорошему о нем, так как они желали верить в это. Ведомства нацистской пропаганды не замедлили использовать свои возможности в полном масштабе.

Да и сам Гитлер создал отличный фундамент для нацистской пропаганды. С ранних дней своей политической карьеры он непреклонно отказывался раскрывать что-либо из своей личной жизни, в прошлом или настоящем. Действительно, для большинства своих ближайших соратников он был человеком тайны. Фактически, чем больше он скрывал факты своей личной жизни, тем более любопытными становились его сторонники. В самом деле, это была плодотворная почва для построения на ней мифа или легенды. Нацистская машина пропаганды посвятила все свои усилия задаче изобразить Гитлера как сверхчеловека. Все, что он делал, было представлено таким образом, чтобы показать его превосходный характер. Если он не ест мяса, не пьет алкогольных напитков и не курит, то это не вызвано тем фактом, что ему это противопоказано или же он считает, что дольше

сохранит свое здоровье. Эти вещи просто не имеют для фюрера ценности. Он воздерживается от них, потому что следует примеру великого немца, Рихарда Вагнера, или же из-за того, что воздержание повышает его энергию и выносливость до такой степени, что он сможет целиком и полностью посвятить себя созданию нового германского рейха.

Согласно пропаганде, такое воздержание лишний раз подтверждает, что фюрер – это человек с громадной силой воли и самодисциплиной. Как сообщает Ганфштангль, Гитлеру нужна именно такая характеристика, ибо, когда кто-то спрашивает его, как ему удалось отказаться от этих слабостей, он отвечает: «Силой воли. Если я решу не делать чего-то, я просто не буду делать. А как только решение принято, оно не отменяется никогда. Неужели это так удивительно?»

То же касается и секса. Немецкому народу известно, что у Гитлера нет половой жизни, и это также преподносится не как аномалия, а как великая добродетель. Фюрер выше человеческих слабостей, и фон Виганд говорит нам, что «у него глубокое презрение к слабости людей к сексу, который делает из них дураков». Ганфштангль сообщает, что Гитлер частенько делает заявления о том, что никогда не женится на женщине, поскольку Германия его единственная невеста. Однако Гитлер, с его глубоким пониманием человеческой природы, видя эти слабости в других, терпимо относится к ним. Он даже не предает их анафеме и не запрещает среди своих ближайших соратников.

Пропаганда изображает его также, как доброго и щедрого человека. В литературе повсеместно можно найти нескончаемые истории, иллюстрирующие эти добродетели. Прайс приводит типичный пример: привлекательная молодая крестьянка пытается приблизиться к нему, но путь ей преграждает охрана. Она начинает рыдать, и Гитлер, видя ее отчаяние, допытывается, в чем дело. Она рассказывает, что ее жениха выгнали из Австрии за нацистские убеждения и что он не может найти работу, а следовательно, они не могут сыграть свадьбу. Гитлер глубоко тронут. Он обещает найти молодому человеку работу и, в дополнение, полностью обставляет для них квартиру, вплоть даже до колыбельки для младенца. Делаются все попытки, чтобы представить Гитлера, как исключительно человечного, глубоко понимающего проблемы обычных людей. Многие авторы, как нацистские, так и антинацистские, постоянно пишут о его великой любви к детям, а нацистская пресса, конечно, полна фотографий, изображающих Гитлера среди малышей. Сообщается, что когда он находится в Берхтесгадене, он всегда приглашает соседских детей прийти к нему в гости после полудня

и угощает их сладостями, мороженым и пирогом. Файр говорит: «Никогда не было такого холостяка средних лет, который был бы в таком восторге от компании детей». Принцесса Ольга рассказывала, что когда она нанесла визит Гитлеру в Берлине и во время их беседы речь зашла о детях, глаза Гитлера наполнились слезами. Нацистская пресса очень хорошо воспользовалась этим, и фотографии начали сопровождаться бесконечными комментариями. В таком же духе многое было написано о его увлеченности животными, особенно собаками. И опять же, появляется бесчисленное количество фотографий в подтверждение этого. Нацистская пропаганда на все лады воспевала скромность и простоту Гитлера. Один автор даже пошел настолько далеко, что объяснил его вегетарианство неспособностью выносить мысль о том, что животных режут на потребление человеку. Гитлера изображают как «любящего господина», полного нежности, доброты и услужливости, или же, по словам Ошснера, он великий утешитель – отец, муж, брат и сын каждому немцу, у которого нет или который утратил такого родственника.

Другая положительная черта характера, превозносимая пропагандой, это то, что власть не вскружила ему голову. Он остался таким же простодушным, каким был во время основания партии, а величайшая радость для него, это когда его принимают за «одного из парней». В доказательство этого указывают на тот факт, что он никогда не стремился к короне, никогда не появлялся в кричащей униформе и никогда особо не развлекался. Даже после того как он пришел к власти, он продолжал носить свою старую шинель и фетровую шляпу, а когда надевал униформу, это всегда была форма простого штурмовика. Многое было написано о том, как он радуется, когда его навещают старые знакомые, и как он любит, выкроив свободную минутку, посидеть с ними и припомнить былые времена. Больше всего ему нравится посещать свои любимые места и встречаться со старыми друзьями, с которыми он был в Мюнхене, либо же принимать участие в их пирушках. В глубине души он по-прежнему остается работягой, а его интересы всегда были интересами рабочего класса, с которым он близок по духу.

Гитлер также человек невероятной энергии и выносливости. Его день состоит из шестнадцати-восемнадцати часов непрерывного труда. Когда дело доходит до работы на благо Германии, он абсолютно не знает устали, и никакие личные радости не должны мешать выполнению этой миссии. Обыватель не может представить себе, какой бы человек на месте Гитлера не воспользовался своими возможностями. Единственно, что

обыватель может, это представить себя на том же месте, кутящего в роскоши; но Гитлер это все презирает. Вывод однозначный – Гитлер не простой смертный. Филине сообщает случай с одним молодым нацистом, который однажды признался ему:

«Я бы умер за Гитлера, но я не поменялся бы с ним местами. По крайней мере, когда я просыпаюсь каждое утро, я говорю: «Хайль Гитлер!», но у этого человека нет в жизни развлечений. Ни сигарет, ни алкоголя, ни женщин – только работа до глубокой ночи!».

Многое сказано о решимости Гитлера. Снова и снова отмечается, что, приняв решение достичь конкретной цели, он никогда не сдается. Независимо от того, какой бы трудной не была дорога, он упрямо продвигается по ней с несгибаемой решимостью. Даже несмотря на то, что ему попадаются серьезные преграды, а ситуация кажется безнадежной, он никогда не теряет веры и всегда достигает того, к чему стремится. Он отказывается принудительно вступать в какие-либо компромиссы и всегда готов взять на себя полную ответственность за свои действия. Снова и снова вспоминаются великие испытания и невзгоды, которые партии пришлось преодолеть на пути к власти, и все заслуги приписываются Гитлеру и его фанатической вере в будущее. Даже его заявление о том, что на пути к великой цели угрызения совести недопустимы, трактуется как признак его величия. Тот факт, что он более десяти лет не общался со своей семьей, становится величайшей добродетелью, поскольку это означает суровые лишения для молодого человека, который полон решимости каким-то образом проявить себя, прежде чем вернуться домой!

Неоднократно также публично освещались его широта видения, способность постигнуть будущее, а также его умение организовать как партию, так и страну в подготовке к трудностям, которые им предстоит преодолеть. Пропагандисты в один голос заявляют, что Гитлер имеет необычайную силу в разрешении конфликтов и упрощении проблем, которые озадачивали всех специалистов в прошлом. Фактически, его непогрешимость и неподкупность не только подразумеваются, но и открыто утверждаются в различных формах. Он также человек огромного благородства, который не прольет ни капли человеческой крови, если этого можно избежать. Снова и снова ведутся разговоры о его великом терпении по отношению к демократиям Чехо-Словакии и Польши. Здесь, как и в частной жизни, он не теряет контроля над эмоциями. В целом, он человек мирный, который не желает ничего большего, кроме того, чтобы ему дали возможность уравновешенно и конструктивно работать

над будущим Германии. Ибо в душе он строитель и художник, и это доказывается тем, что в его характере доминируют созидательные и конструктивные элементы.

Однако это не означает, что он трус. Наоборот, он человек исключительного мужества. Это доказывает его образ жизни, а также его завидный послужной список во время последней войны. В обиходе находится множество рассказов о его наградах за мужество: особое внимание уделяется его выдающемуся героизму, за который он был награжден Железным крестом первого класса. Тот факт, что рассказы о его службе время от времени противоречат друг другу, похоже, совсем не волнует людей.

В целом же, согласно нацистской прессе, Гитлер – стальной человек. Он хорошо осознает свою миссию, и никакие убеждения, принуждения, пожертвования или плохие обстоятельства не могут заставить его изменить свой курс. Перед лицом всяческих невзгод и неблагоприятных стечений обстоятельств он никогда ни на минуту не теряет самообладания. Но его человеческим качествам жестокость чужда. Он ставит превыше всего справедливость и правосудие, как две величайшие добродетели, и следит за ними с пристальным вниманием. Надпись над его дверьми в Берхтесгадене гласит: «Моя честь именуется справедливостью». Он – высшая точка немецкой чести и чистоты; воскреситель немецкой семьи и дома. Он – величайший архитектор всех времен, величайший военный гений истории, неистощимый источник знаний. Он – человек действия и создатель новых общественных ценностей. Он же, согласно нацистскому пропагандистскому ведомству, образец всех добродетелей. Несколько типичных примеров могут проиллюстрировать степень, до которой это ведомство дошло, восхваляя его:

«Затем появляется сам Гитлер: человек без компромиссов. В первую очередь, он не признает компромиссов с самим собой. У него есть одна единственная мысль, которая руководит им: возродить Германию. Эта идея подавляет все остальное. Он не ведает личной жизни. Он знает семейную жизнь не больше, чем изведал пороки. Он – воплощение национальной воли. Этот человек почти физически излучает уравновешенность и силу. В его присутствии облагораживаются другие. Как он реагирует на все! Его черты затвердевают, а слова падают, как камни… Классическая торжественность, с которой Гитлер и окружающая его группа соратников рассматривают свою миссию, не имеет аналогов в мировой истории».

«Независимо от того, встречают ли Гитлера восторженными

восклицаниями прохожие или же он, тронутый и шокированный, стоит у ложа своих убитых товарищей, он всегда окружен ореолом величия и глубочайшего человеколюбия… Это уникальная личность, великий и добрый человек. Дух Гитлера универсален: даже 100 картин не смогут передать человечности его естества».

«Гитлер – человек скромный, а миру необходим скромный человек. Следовательно, люди любят его. Как и каждый лидер, он должен быть эффективным последователем. Он сделался наискромнейшим учеником самого себя, самым строгим из всех надсмотрщиков за самим собой. Фактически, Гитлер – это современный монах, завязавший на своем невидимом кушаке три узла: бедность, целомудрие и послушание. Фанатик из фанатиков. Он не ест мяса, не пьет вина, не курит. Мне рассказали, что он не получает зарплаты, а живет за счет доходов от своей книги «Майн Кампф»…

Его рабочий день состоит из восемнадцати часов, и он часто засыпает на последнем часу работы. В его жизни было четыре женщины – но они лишь помогали ему мелкими услугами и деньгами… Однажды он читал в Байроте лекцию по Вагнеру, которая ошеломила музыкальных критиков и выявила в нем талантливого музыковеда… Чистый оппортунизм никогда не привлекал его больше, чем возможность исповедовать свою доктрину. Его качество – мессианское: его духовная тенденция – аскетическая; его реакция – средневековая…».

Гитлер не только был знаком с подобными текстами, но, вероятно, и санкционировал их. Поскольку он всегда был руководящим духом всей немецкой пропаганды и обычно планировал обширные абзацы, которые будут приведены далее, становится возможным допускать, что он сам несет ответственность за подстрекательство к развитию своей мифической личности. Бросая взгляд на формирование нацистской пропаганды, мы можем явственно увидеть, что с самого начала Гитлер планировал сделать из себя мифическую личность. Он начинает свою книгу «Майн Кампф» следующим абзацем:

«В этом маленьком городке на реке Инн баварцы по крови и австрийцы по национальности, озолоченные светом мучений Германии, жили в конце 80-х прошлого столетия мои родители: отец, преданный гражданский служащий, и мать, посвятившая себя уходу за хозяйством и воспитанию своих детей с бесконечно любящей добротой».

Это скорее классический способ начала волшебной сказки, а

не серьезной автобиографии или политического трактата. В своей книге он превозносит то событие, что судьба уже улыбнулась ему во время его рождения: «Сегодня я подумал о хорошем предзнаменовании: судьба выбрала Браунау-на-Инне местом моего рождения». Как только Гитлер пришел к власти, в руках пропагандистов появилось новое оружие для его самовосхваления, и они хорошо воспользовались им. Безработица быстро пошла на спад, дороги, о которых немцы и не мечтали, прокладывались за одну ночь, с поразительной быстротой возводились новые, впечатляющие здания. Лицо Германии преображалось. Гитлер не отказывался от своих обещаний: он делал невозможное. Каждый успех в дипломатии, каждая социальная реформа провозглашались судьбоносными. И за каждый успех Гитлер скромно принимал заверения в собственном величии. Это всегда сделал Гитлер и то всегда сделал Гитлер; он побеспокоился, чтобы такие действия были зрелищными и получили одобрение общественности. Если же случалось так, что эти действия воспринимались с неодобрением, то виноватым всегда оказывался кто-то из его помощников. Были сделаны все усилия, чтобы представить Гитлера непогрешимым вождем, который выполняет свою миссию по спасению Германии.

Уже скоро немецкий народ был готов признать Гитлера не человеком, а Мессией Германии. Весь сценарий был создан для нагнетания сверхъестественной, религиозной атмосферы, а появление Гитлера больше подобало Богу, чем человеку. В Берлине один из самых известных картинных магазинов на Унтер ден Линден выставил в центре витрины громадный портрет Гитлера. Этот портрет был полностью окружен, как ореолом, различными копиями с картин Христа. Займер сообщает, что на картине, изображающей гору в Оденвальде, известную своим водопадом, в углу на белом полотне черными буквами были выведены следующие слова:

Мы верим в священную Германию
Священная германия – это Гитлер
Мы верим в священного Гитлера!

Робертс сообщает:

«В Мюнхене в начале осени 1936 года я видел цветные фотографии Гитлера в настоящем серебряном одеянии рыцарей Грааля; но их вскоре сняли. Они портили шоу, они были слишком близки к истине о менталитете Гитлера».

Тилинг пишет, что на Нюрнбергском съезде нацистской

партии в сентябре 1937 года висела большая фотография Гитлера с надписью: «Вначале было Слово…» Он также говорит, что мэр Гамбурга заверял его: «Нам не нужны ни священники, ни исповедники. Мы общаемся с Богом напрямую через Адольфа Гитлера. У него много качеств, сходных с качествами Христа». Вскоре эти сантименты были предложены официальными кругами. Раушнинг сообщает, что партия приняла такое кредо: «Мы все верим на этой земле в Адольфа Гитлера, нашего фюрера, и мы признаем, что национал-социализм – единственная вера, которая может принести спасение нашей стране». Ренишская группа «Германский христианин» в апреле 1937 года приняла такую резолюцию: «Слова Гитлера – это закон Божий, указы и законы, представляющие его, наделены Божественной силой». А рейхсминистр по делам церкви Ганс Керрл говорит: «Возникла новая власть, за которую стоят Христос и христианство – это Адольф Гитлер. Адольф Гитлер… истинный Святой Дух».

Часть III
Каким его знают соратники

Картина нацистской пропаганды, нарисованная Гитлером, без сомнений кажется экстравагантной. Фантазии супермена ему не занимать, но как бы не разыгрывалось его воображение, временами кажется, что он приближается к такой личности, завоевывая уважение и восхищение своих коллег. В такие времена он самый настоящий демон работы и часто работает несколько дней подряд почти без сна. Его воля к сосредоточению необычайна, и он может постигнуть очень сложные проблемы, сократив их до простых, фундаментальных факторов. Он гордится этой своей способностью и заявляет: «У меня есть дар сокращать все проблемы до наипростейших основ… Дар прослеживать все теории до их корней в реальной жизни». И у него действительно этот дар есть. Не обремененный абстрактными теориями или традиционными точками зрения и предрассудками, он в состоянии смотреть на сложные проблемы довольно наивным образом, отбирать из них наиболее характерные и значительные элементы и применять их к конкретной ситуации в довольно простой и действенной манере. Чтобы чувствовать себя уверенно, он не решает всю проблему, а лишь выделяет задействованный в ней человеческий элемент. Поскольку именно эта часть интересует его больше всего и дает немедленные результаты, его высоко ценят, и он завоевывает восхищение ближайших коллег с самых первых дней своей политической карьеры.

В эти периоды активности Гитлер полностью поглощен стоящей перед ним задачей. Совещание следует за совещанием. Его суждения быстры и решительны. Ему не терпится сделать дело, и он желает, чтобы каждый отдавался делу с таким же усердием, как он сам. Следовательно, он требует от своих коллег большого самопожертвования.

Однако в эти времена он также очень человечен. Он проявляет необычайную степень участия к другим и определенную терпимость к их слабостям. Когда он делает перерыв на обед, он не начинает есть, пока не обслужат всех его коллег. Когда сверхусердный слуга пытается обслужить его раньше всех остальных, он часто поднимается и передает свою тарелку одному из своих подчиненных. Во время всего этого он находится в самом лучшем расположении духа и шутит со всеми окружающими.

У него необычайная память, и он часто вспоминает забавные

случаи из прошлой жизни окружающих его людей. У него великолепная мимика, и он часто изображает того человека, о котором рассказывает, к величайшему удовольствию всего штаба, в то время как этот самый человек, изрядно смущаясь, сидит и смотрит это представление. Тем не менее, он польщен, что фюрер выделил его и так хорошо запомнил его самого и его действия. Во время этих периодов Гитлер также воплощение добродушия и щедрости. Он похож скорее на старшего брата для своих подчиненных, нежели на фюрера, и ему удается очаровать их всех.

Но в глубине души он истинный фюрер. Он проявляет необычайное мужество и решимость. Он проявляет много инициативы и желает взять на себя полную ответственность за тот курс, который он начертал. Он очень убедителен и может собрать и организовать свой народ в эффективную, хорошо работающую массу. На время исчезают личностные трения, у всех есть единая мысль: сделать то, чего желает фюрер. Он работает с большой уверенностью и точностью, полностью владея ситуацией. Любые факты и цифры, касающиеся проблемы, он приводит без малейшего колебания или усилия, к удивлению окружающих его людей. Он может по памяти назвать водоизмещение кораблей различных флотов. Он точно знает, какое вооружение, какую броню, водоизмещение, скорость и количество человек экипажа имеет любой корабль британских ВМС. Он знает количество оборотов авиационных двигателей любых существующих моделей и типов. Он знает, какое количество выстрелов делает в минуту пулемет, будь-то легкий, средний или тяжелый, будь он сделан в США, Чехо-Словакии или Франции.

Его штабу известно, что когда Гитлер находится, как говорится, в ударе, он достигает непогрешимости, особенно когда в проект, в котором он сам задействован, необходимо внести поддержку других людей. Это может показаться неоправданным утверждением, но чтобы наше исследование не было односторонним, мы должны оценивать как слабости, так и достоинства Гитлера. Вряд ли можно отрицать, что у него были необычайные способности там, где касалось психологии среднего человека. Ему удавалось тем или иным образом выявить и успешно применить многие факторы, присущие групповой психологии, важность которых не была повсеместно осознана: некоторые из них мы также могли бы применить с успехом. Все это можно кратко изложить следующим образом:

1. Полное понимание роли народных масс в успехе любого движения. Гитлер очень хорошо изложил это в своей книге «Майн Кампф»:

«Отсутствие понимания внутренних движущих сил великих перемен привело к недостаточной оценке важности роли больших масс людей; этим объясняется скудный интерес к социальному вопросу, недостаточная обработка души низших классов нации».

2. Признание бесценности завоевания поддержки молодежи; осознание громадного импульса, данного общественному движению яростной энергией и энтузиазмом молодых людей, а также важности раннего образования и внушения идей.

3. Признание роли женщин в развитии нового движения и того факта, что реакция масс, как единого целого, имеет многие женские характеристики. Еще в 1923 году он сказал Ганфштенглю:

«Знаете ли вы, что публика в цирке точь-в-точь похожа на женщину. Человек, не осознающий истинно женский характер масс, никогда не сможет стать эффективным оратором. Спросите себя: «Чего женщина ожидает от мужчины?» Ясности, решимости, силы и действий. Мы хотим заставить массы действовать. Как женщина, массы колеблются между крайностями… Толпа не только похожа на женщину вообще, но женщины составляют наиболее важный элемент аудитории. Обычно лидируют женщины, за ними следуют дети и, наконец когда я уже завоевал всю семью, – следуют отцы».

А в «Майн Кампф» он пишет:

«Люди, в подавляющем большинстве, так женственны по своему характеру и в своих взаимоотношениях, что их действия и мысли менее мотивированы трезвым рассуждением, чем чувствами и сантиментами».

4. Способность чувствовать, идентифицировать и выражать страстным языком глубочайшие нужды и чувства среднего немца, предоставляя ему возможности для их удовлетворения.

5. Способность взывать к наиболее примитивным, как и наиболее идеальным, склонностям человека, возбуждать самые первичные инстинкты и все же прикрывать их благородством, называя все действия средством достижения идеальной цели. Гитлер осознавал, что люди не начнут объединяться и посвящать себя общей цели, пока эта цель не будет идеальной и действительно осуществимой для их поколения. Он также понимал, что люди пойдут на смерть за идеал лишь в том случае, если их постоянное усердие и смелость поддерживать реальными земными вознаграждениями.

6. Понимание факта, что массы также голодны к стойкой идеологии в политической акции, как они голодны к хлебу.

Любое движение, которое не удовлетворяет этого духовного голода масс, не сможет рассчитывать на всецелую поддержку, и ему судьбой уготован провал.

Вся сила, не исходящая из твердого духовного убеждения, будет колеблющейся и неуверенной. Ей будет не хватать устойчивости, которая может основываться только на фанатичной жизненной позиции.

Любая попытка борьбы с жизненной позицией посредством силы, в итоге обречена на провал, если борьба против нее не будет представлять форму нападения ради новой духовной направленности. Лишь в борьбе двух жизненных позиций друг против друга сможет оружие грубой силы, используемое непрерывно и безжалостно, привести к решению в пользу поддерживаемой им стороны.

7. Способность изображать конфликтующие человеческие силы в яркой, конкретной образности, которая понятна и доходчива обычному человеку. Это достигается использованием метафор, ведь образность, как сказал Аристотель, является наиболее могущественной силой на земле.

8. Дар взывать к традиции народа и, ссылаясь на великие классические мифологические темы, пробуждать глубочайшие подсознательные эмоции аудитории. Факт, что на подсознание наиболее интенсивное влияние оказывают великие вечные символы и темы, обычно не осознается большинством современных ораторов и писателей.

9. Осознание того, что воодушевленные политические действия не дадут результата, если глубоко не затронуты чувства.

10. Оценка готовности масс принести себя на алтарь социального улучшения или духовных ценностей.

11. Понимание важности артистизма и драматической напряженности в проведении больших митингов, заседаний и фестивалей. Это включает не только оценку способности артиста, писателя, музыканта и художника пробуждать эмоциональные реакции, но также признание руководителем необходимости его участия во всем драматическом эффекте в качестве главного персонажа и героя. Гитлер стал режиссером всех спектаклей по освещению его собственной роли в движении за Великую Германию. Это очень хорошо описывает Лохнер:

«Прожектор играет на его одинокой фигуре пока он медленно идет по залу, ни разу не посмотрев по сторонам, правую руку подняв в салюте, а левой держась за пряжку ремня. Он не улыбается – это религиозный ритуал, это продвижение современного Мессии во плоти. За ним следуют его адъютанты и агенты секретной службы. Но только его фигура залита светом».

К тому времени, когда Гитлер добирался до трибуны, массы были настолько психологически обработаны, что были уже готовы выполнять его волю.

12. Острое понимание важности лозунгов, меткого словца, драматических фраз и веселых эпиграмм в проникновении на более глубокие уровни психики. Разговаривая с Ханфштенглем на эту тему, он как-то использовал такое образное сравнение:

«В человеческом мозгу столько места, насколько он велик, и если вы обставите его своим лозунгами, у противника не хватит места повесить туда свои картины, поскольку комната мозга уже будет переполнена вашей мебелью».

Ханфштенгль добавляет, что Гитлер всегда восхищался тем, как пользуется лозунгами католическая церковь, и пытался имитировать это.

13. Осознание одиночества и чувства изоляции у людей, живущих в современных условиях, их острое желание принадлежать к какой-либо активной группе, которая проводит в жизнь определенный статус, последовательна в своих действиях и дает индивидууму чувство личной ценности и принадлежности.

14. Оценка той отличительной особенности, которая определяет лицо иерархической политической организации и которая допускает прямой контакт с каждым индивидуумом.

15. Способность окружить себя группой верных помощников, чьи таланты дополняют его собственные, и поддерживать их лояльность по отношению к себе.

16. Понимание того, что доверие людей можно завоевать лишь в том случае, если постоянно напоминать им о своей эффективной деятельности как в политической организации, так и в правительстве. Например, пища и товары уже находятся на местных складах, но объявляют, что их будут распределять через две недели. Хотя все можно распределить незамедлительно, это дата устанавливается именно для того, чтобы создать впечатление сверхэффективности точного выполнения обещаний. Делаются все усилия, чтобы избежать обещаний, которых невозможно будет выполнить в четко определенное время.

17. Оценка важной роли, которую играют мелочи в повседневной жизни как отдельного человека, так и в формировании морали народа.

18. Полное признание того факта, что в своем подавляющем большинстве люди желают, дабы ими руководили, и готовы подчиняться, если лидер сможет завоевать их уважение и доверие. В этом отношении Гитлер имел успех, так как смог убедить своих сторонников, что глубоко уверен в своих силах, и находил подходящие моменты для создания впечатления

собственной непогрешимости.

19. Это в большинстве своем стало возможным, потому что он по своей природе – гениальный тактик. Его выбор времени для принятия решений и начала действий был почти стопроцентным. Как пишет Тиссен:

«Иногда его умственные способности поразительны… удивительная интуиция, лишенная всякого морального смысла, но необычайно точная. Даже в наиболее сложной ситуации он понимает, что возможно, а что нет».

20. Вероятно, наиболее ярким качеством Гитлера есть его твердая убежденность в своей миссии и демонстрация перед публикой своей решимости посвятить всю жизнь ее осуществлению. Это спектакль, разыгранный человеком, чьи убеждения настолько сильны, что он жертвует собой ради дела, которое привлекает других и побуждает их следовать его примеру. Это требует фанатического упрямства, которым Гитлер обладает в наивысшей степени. «Лишь буря пылающей страсти может изменить судьбы наций, но эта страсть может быть возбуждена лишь человеком, который несет ее в себе».

21. Он также владеет способностью взывать к людям, порождать в их сердцах сочувствие к своей персоне и покровительственное отношение, представлять себя в качестве этакого носильщика их тяжестей, гаранта их будущего; в результате он становится для индивидуумов делом личной озабоченности, а многие, особенно женщины, питают к нему нежные и сострадательные чувства. Они всегда осторожны, чтобы не вызвать несвоевременного раздражения или страдания фюрера.

22. Способность Гитлера интуитивно принимать политические решения стала более действенной, нежели способность большинства социально-ответственных мужей логически прогнозировать будущее. Следовательно, он мог избрать такой курс действий, который показался ему наиболее эффективным, и не обращать особого внимания на критические выступления своих оппонентов. Результат был таков, что он часто переигрывал противников и достигал целей, которые было бы не легко достичь нормальным путем. Именно это помогло создать миф о непогрешимости и непобедимости Гитлера.

23. В равной степени важна его способность убеждать других людей отказаться от их индивидуальных представлений, дабы позволить ему самому мыслить за них. Затем он сможет указывать индивидуумам, что правильно, а что нет, что допустимо, а что недопустимо, и может свободно использовать их для достижения своих собственных целей. Как сказал Геринг: «У

меня нет сознания. Мое сознание – это Адольф Гитлер».

24. Это позволило Гитлеру сполна использовать террор, а затем – страх людей, который он предвидел с жуткой точностью.

25. Гитлер способен учиться у других, несмотря даже на то, что он может яростно противостоять всему, во что они верят и за что выступают. Например, он говорит, что он научился: пользоваться террором у коммунистов, нравоучениям – у католической церкви, пропагандой – у демократов, и т. д.

26. Он мастер искусства пропаганды. Людеке пишет:

«У него уникальный инстинкт пользоваться преимуществом каждого дуновения ветра, чтобы вызвать круговорот. Нет ни одного самого ничтожного скандала, который он не смог бы увеличить до государственной измены; он может выявить наиболее хитроумно разветвленную коррупцию в высших кругах и наполнить город плохими вестями».

Его главные правила: никогда не позволяй общественности охладеть; никогда не признавай свою вину или ошибку; никогда не признавай, что в твоем враге может быть что-то положительное; никогда не оставляй места для альтернатив; сосредоточься на своем враге и обвини его во всем, что происходит неправильно; люди поверят в большую ложь скорее, чем в маленькую; если вы будете повторять ее достаточно часто, люди рано или поздно поверят в нее.

27. У него нет пораженческого духа. После некоторых из своих самых суровых неудач, он мог собрать своих ближайших подчиненных и начать разрабатывать планы «реванша». События, которые могли бы раздавить большинство личностей, по крайней мере, временно, похоже, действуют как стимуляторы еще больших усилий Гитлера.

Вот некоторые из выдающихся качеств личности Гитлера. Они позволили ему редко используемым способом добиться беспрецедентной власти за невероятно короткий период времени. Ни один высокопоставленный нацист не владеет этими способностями в какой бы то ни было сравнимой степени, а следовательно, Гитлер в умах масс – незаменим.

Сторонники Гитлера признают его исключительность, они восхищаются им как вождем, имеющим особенное влияние на народ. В дополнение, они любят его за человечные качества, когда на него находит озарение и он готовится предпринять какое-то важное начинание; этих особенностей личности Гитлера нам никогда не следует забывать, оценивая его влияние и на своих коллег, и на немецкий народ. У него есть дар особого притяжения, который гипнотизирует людей и, похоже,

освобождает их от критического мышления. Эту связь нелегко разрушить даже перед лицом свидетельских данных о том, кем он есть на самом деле, потому что народ верит в своего кумира. Теперь мы имеем представление о Гитлере, когда он пребывает в состоянии озарения. Но сейчас давайте посмотрим на другую сторону его личности – сторону, известную лишь тем, кто находится с ним в довольно близких отношениях. Наверное, самыми правдивыми словами, когда-либо написанными Геббельсом, являются: «Фюрер не меняется. Теперь он такой же, каким был мальчишкой». Если мы бросим взгляд на его детство, то увидим, что Гитлер был далеко не образцовым учеником. Он изучал то, что ему хотелось изучать, и по этим предметам достаточно успевал. Вещи же, которые его не интересовали, он попросту игнорировал, даже несмотря на то, что его оценки были «неудовлетворительно» или «неуспешно». На протяжении года (до смерти своей матери) он ничем не занимался, насколько известно, кроме как слонялся вокруг дома или изредка рисовал акварельные картинки. Хотя родители жили в затруднительных финансовых обстоятельствах, Адольф не искал работу и не пытался поправить дела в школе. Он был своенравным, застенчивым и ленивым. В Вене, после смерти матери, он не изменил свой привычный образ жизни, хотя часто голодал и попрошайничал на улицах. Ганиш, его приятель по ночлежке, сообщает, что «он никогда не был большим тружеником, не способен был проснуться утром, с трудом начинал что-либо и, похоже, страдал от паралича воли». Как только он продавал картину и у него в кармане заводилось немного деньжат, он прекращал работать и проводил время, слушая выступления политических деятелей, листая в кафе газеты или читая пространные политические лекции своим товарищам по ночлежке. Такое поведение Гитлер оправдывал тем, что должен отдохнуть. Когда Ганиш спросил его однажды, чего он хочет, Гитлер ответил: «Я и сам не знаю».

Повзрослев, он по-прежнему не меняется, за исключением тех случаев, когда пребывает в своем активном настроении. В 1931 году Биллинг писал:

«Внутренние трудности правительства Гитлера проявятся в личности самого Гитлера. Гитлер не сможет приспособиться к какой-либо упорядоченной умственной деятельности».

«Он страдал от всеобъемлющей неорганизованности. Естественно, со временем она стала меньше, но сперва была видна во всем».

Она и впрямь была настолько явной, что в начале истории

движения партия даже назначила специального секретаря, который должен был присматривать за Гитлером, чтобы тот вовремя выполнял свои обязанности. Однако это помогло лишь частично: «Гитлер постоянно был в движении, но редко успевал». Он и сейчас редко пунктуален и часто заставляет, чтобы его подолгу ждали важные иностранные дипломаты, а также его собственный штат.

Гитлер неспособен придерживаться какого-либо расписания. Его рабочий день крайне неупорядочен, и он может лечь спать в любое время между полуночью и семью часами утра, а проснуться между девятью утра и двумя дня. В прежние годы рабочий день длился несколько дольше, и для Гитлера было непривычно, как раз до начала войны, ложиться спать на заре. Ночь, однако, он проводил не работая, как утверждают агенты пропаганды, а просматривая один-два художественных фильма, бесчисленную кинохронику, прослушивая музыку, развлекаясь с кинозвездами или же просто болтая с персоналом. Похоже, ему сильно не нравилось ложиться в постель или же оставаться одному. Часто он среди ночи звонил своим адъютантам, после того как гости расходились по домам, и требовал, чтобы они сидели и говорили с ним. Особо сказать ему было нечего, и часто адъютанты засыпали, слушая его разговоры о пустяках. Однако он не обижался до тех пор, пока хоть один из них бодрствовал. Среди его подчиненных бытовал неписаный закон никогда не задавать вопросы на этих утренних ранних сеансах, так как это может переключить Гитлера на другую тему и вынудить их остаться еще один час.

Гитлер спит очень плохо и уже несколько лет имеет привычку принимать перед сном снотворное. Возможно, он требует, чтобы кто-то был рядом с ним, пока снотворное подействует и наступит сон. Однако его поведение не соответствует этой гипотезе, поскольку он произносит монолог и часто увлекается темой. Это вряд ли способствует сну, и мы должны предположить, что есть какая-то другая причина его позднего рабочего дня. Даже после того, как Гитлер отпускает своих адъютантов и идет спать, он обычно берет с собой кипу иллюстрированной периодики. Обычно это журналы с фотографиями по морским и армейским аспектам, и обычно среди них есть американские журналы. Ширер сообщает, что с начала войны Гитлер улучшил распорядок своего рабочего дня и регулярно завтракал первый раз в семь утра, а второй раз в девять. Возможно, это было так в первые дни войны, но очень сомнительно, что Гитлер смог бы придерживаться такого распорядка более продолжительное время. Раушнинг утверждает, что у Гитлера «мания кровати»,

которая требует, чтобы постель была застелена особым способом, когда стеганое одеяло складывается специальным образом, а прежде чем Гитлер ляжет спать, ее должен расстелить мужчина. По поводу этого у нас нет никакой другой информации, но судя по общей психологической структуре Гитлера, такое наваждение может быть возможным.

Его рабочий день до войны был очень неорганизованным. Раушнинг сообщает: «Он не знает, как работать стабильно. Действительно, он не способен работать». Ему не нравится кабинетная работа, он редко обращает внимание на кипы докладов, которые ежедневно ложатся на его стол. Какими бы важными они не были, или сколько бы адъютанты не просили его заняться конкретным вопросом, он отказывается воспринимать их серьезно, если только проект не заинтересовывал его. В целом, немногие доклады интересуют его, если они не связаны с армейскими или военно-морскими делами, или политическими вопросами. Он редко присутствует на заседаниях кабинета, поскольку они нагоняют на него скуку. В некоторых случаях, когда оказывается достаточный нажим, он занимается делом, но резко встает после заседания и уходит без извинений. Позднее было обнаружено, что он уходил в свой собственный кинозал и заставлял оператора показывать фильм, который ему особенно нравился. В целом же, он предпочитает обсуждать дела кабинета лично с каждым сотрудником, а затем передавать свое решение всей группе.

У него страсть к газетным новостям и собственным фотографиям. Если кто-то заходит в его кабинет с газетой, он прерывает наиболее важные совещания, чтобы изучить газету. Очень часто его настолько поглощают новости или собственные фотографии, что он полностью забывает обсуждаемый вопрос. Людеке пишет:

«Даже в обычные дни в те времена было почти невозможно заставить Гитлера сосредоточиться на одном пункте. Он мастерски уходил от разговора или же, когда его внимание отвлекалось внезапным обнаружением газеты, он алчно начинал ее читать, или же прерывал ваш тщательно подготовленный доклад долгой речью, как будто находился перед аудиторией».

А Ханфштенгль сообщает:

«Штаб Гитлера обычно бывает в отчаянии оттого, что он откладывает решения со дня на день… Он никогда не воспринимает протесты коллег достаточно серьезно и обычно отметает их, говоря: «Проблемы не решаются в суете. Если наступит время, проблема будет решена тем или иным путем».

Хотя Гитлер пытается представить себя, как очень

решительную личность, которая никогда не колеблется, столкнувшись с трудной ситуацией, однако получается это у него далеко не лучшим образом. Именно в нынешнее время его откладывания со дня на день становятся все более выраженными. В такие времена почти невозможно заставить его что-либо предпринять. Он много времени проводит в одиночестве и часто недоступен даже для своих непосредственных подчиненных. Он часто впадает в депрессию, у него ухудшается настроение, он мало разговаривает и предпочитает читать книги, смотреть фильмы или играть с архитектурными моделями. Согласно сообщению из Голландии, его колебания в действиях не вызваны противоречивыми взглядами среди его советчиков. В такие времена он редко обращает на них внимание и предпочитает не обсуждать вопрос.

«Известно, что качество информации вовсе было для него необязательным. Он быстро становился нетерпеливым, если его вводили в детали проблемы. Он очень отрицательно относился к экспертам и мало уважал их мнение. Он смотрел на них, как на «вьючных животных», подметальщиков и растиральщиков красок».

Известно, что в некоторых случаях он без извещения покидал Берлин и ехал в Берхтесгаден, где гулял по сельской местности в полном одиночестве. Раушнинг, встретивший его во время одной из таких прогулок, говорит: «Он никого не узнает. Он хочет остаться один. Бывают времена, когда он просто убегает от человеческого общества». Рем часто подчеркивал: «Обычно он внезапно, в самую последнюю минуту, решает проблему, откладывание которой становится опасным только из-за того, что он проявляет нерешительность и мешкает».

Именно в эти периоды безделья Гитлер ожидает, чтобы им начал руководить его «внутренний голос». Он не обдумывает проблему обычным путем, а ждет пока ему «подскажут» решение. Раушнингу он сказал:

«Пока у меня не появится непоколебимая уверенность в том, что это вот именно то решение, я ничего не буду делать. Даже если вся партия попытается заставить меня действовать, я не буду действовать; я буду ждать, чтобы ни случилось. Но если заговорит голос, тогда я буду знать, что настало время действовать».

Эти периоды нерешимости могут длится от нескольких дней до нескольких недель. Если его вынуждают говорить о проблеме в это время, он становится мрачным и раздражительным. Однако когда решение найдено, у него появляется огромное желание проявить себя. Затем он вызывает своих адъютантов, и они

должны сидеть и слушать его, пока он не выговорится, какое бы это время суток не было. В этих случаях он не желает, чтобы они задавали ему вопросы или даже понимали его. Похоже, он просто хочет поговорить.

После этого выступления Гитлер вызывает своих советников и информирует их о своем решении. Когда он кончит, они вольны выражать свое мнение. Если Гитлер считает, что одно из этих мнений ценное, он будет слушать долго, но обычно эти мнения мало влияют на его решение, когда оно сформировалось. Лишь если кому-то удастся предоставить новые факты, появляется хоть какая-то возможность заставить его поменять свое решение. Если же кто-то высказывает мнение, что предложенный план слишком трудный или обременительный, он чрезвычайно злится и часто говорит: «Мне не нужны люди, у которых свои умные собственные идеи, а нужны скорее люди, которые достаточно умны, чтобы найти пути и средства осуществить мои идеи».

Как только у него есть решение проблемы, его настроение коренным образом меняется. Он опять становится фюрером, которого мы описали в начале этого раздела. «Он очень жизнерадостен, все время шутит и не дает никому возможности говорить, пока сам подшучивает над всеми». Это настроение продолжается в период, необходимый для проделывания нужной работы. Как только отданы нужные приказы для выполнения плана, Гитлер теряет к нему интерес. Он становится абсолютно спокойным, занимается другими вопросами и спит необычно долго.

Это очень фундаментальная черта характера Гитлера. Он не обдумывает вещи в логической и соразмерной манере, собирая всю доступную информацию, касающуюся проблемы, и начерчивая альтернативные курсы действия, а затем взвешивая доказательства «за» и «против» для каждого из них, прежде чем прийти к решению. Его умственные процессы происходят наоборот. Вместо изучения проблемы, как сделал бы интеллектуал, он избегает этого и занимается другими вещами, пока подсознательные процессы не обеспечат его решением. Тогда, имея решение, он обращается к фактам, которые подтвердят, что оно правильное. В этой процедуре он очень умен, и ко времени, когда представляет решение своим соратникам, оно имеет вид рационального суждения. Тем не менее, развитие его мысли следует от эмоционального до фактического вместо того, чтобы начинать с фактов, как обычно делает интеллектуал. Именно из-за такой особенности мыслительного процесса обычному человеку трудно понять Гитлера или же предсказать его будущие действия. В этом отношении ориентация Гитлера –

это ориентация артиста, а не государственного деятеля.

Хотя Гитлер чрезвычайно успешно использовал технику вдохновения для определения своего курса действий (и нам напоминают о его следовании этим курсом с точностью лунатика), он небезупречен. Он становится зависимым от своего «внутреннего голоса», что приводит к непредсказуемости, с одной стороны и беспомощности, с другой. Результат таков, что он не способен модифицировать свой курс перед лицом неожиданных событий или твердого противостояния. Штрассер говорит нам: «Когда он столкнулся с противоречивыми фактами, то начал барахтаться». И Рем говорит: «В реализации его мыслей нет системы. Он хочет, чтобы вещи были такими, какими их хочет видеть он, а когда встречается с твердой оппозицией на прочной основе, приходит в бешенство». Эта окоченелость умственного функционирования очевидна даже в обыкновенных повседневных интервью. Когда Гитлеру задают неожиданный вопрос, он полностью теряется. Лохнер дает нам великолепное описание его реакции:

«Я видел, как этот кажущийся самоуверенным человек покраснел, когда я затронул тему германо-американских отношений… Это, очевидно, застало его врасплох. Он не привык, чтобы бросали вызов его непогрешимости. Какое-то мгновение он краснел, как школьник, запинался и мямлил, затем выдавил что-то о множестве проблем, которые необходимо обдумать, поэтому у него нет времени заниматься Америкой».

Почти все писавшие о Гитлере упоминали его приступы ярости. Они известны его коллегам, которые привыкли бояться его. Описания его поведения во время этих приступов значительно различаются. В наиболее крайнем описании утверждается, что в экстазе он катается по полу и жует ковер. Ширер сообщает: «В 1938 году он делал это так часто, что его соратники называли его припадочным». Но никто из наших информаторов, которые были близки к Гитлеру, такие люди как Ханфштенгль, Штрассер, Раушнинг, Гогенлое, Фриделинде, Вагнер и Людеке, никогда не видели, чтобы он вел себя таким образом. Более того, они твердо убеждены, что это огромное преувеличение, а информатор нидерландского посольства говорит, что этот аспект следует отнести к области «глупых сказок».

Даже без этого дополнительного штриха с жеванием ковра его поведение по-прежнему необузданное и показывает полное отсутствие контроля над эмоциями. В самых худших приступах ярости он, несомненно, ведет себя подобно испорченному ребенку, который не может добиться своего, и барабанит

кулаками по столам и стенам. Он ругается, орет, заикается, а в некоторых случаях слюна пенится в уголках его рта. Раушнинг, описывая одно из таких неконтролируемых проявлений характера, говорит: «У него был тревожный вид, волосы растрепаны, глаза сужены, лицо искаженное и побагровевшее. Я боялся, что он либо скончается, либо его хватит удар».

Однако не следует предполагать, что эти приступы ярости случались лишь тогда, когда он сталкивался с главными проблемами. Наоборот, очень незначительные проблемы могли вызвать такую же реакцию. В целом, – она случалась всякий раз, когда кто-то противоречил ему, когда были неприятными новости, за которые он мог чувствовать себя ответственным, когда был какой-либо скептицизм в отношении его суждений или когда возникала ситуация, в которой ставилась под сомнение или преуменьшалась его непогрешимость. Фон Виганд сообщает: «В его штабе есть тактическое понимание: «Ради Бога, не возбуждайте фюрера», что означает не сообщать ему плохих вестей, не упоминать вещей, которые не такие, как он полагает».

Вогт сообщает:

«Близкие соратники всегда говорили, что Гитлер всегда такой – малейшая трудность или препятствие могут заставить его завопить от ярости».

Многие информаторы считают, что такие приступы ярости всего лишь игра. Эта точка зрения довольно убедительна, поскольку первая реакция Гитлера на неприятную ситуацию – не простое возмущение, как обычно бы следовало ожидать. Он внезапно приходит в странную ярость и внезапно охладевает. После этого начинает говорить на другие темы абсолютно спокойным тоном, как будто ничего не произошло. Изредка он может застенчиво посмотреть вокруг, как бы проверяя, не смеется ли кто-нибудь, а затем продолжает говорить без малейших признаков обиды.

Некоторые из его соратников почувствовали, что он сознательно провоцирует эти приступы ярости, чтобы запугать окружающих. Раушнинг, например, называет их «…хорошо спланированными приступами ярости, которыми он приводит все свое окружение в замешательство и делает его более покладистым». Штрассер также считает, что все дело именно в этом: «Ярость и оскорбления стали любимым оружием в его арсенале». Сейчас не время вступать в детальное обсуждение природы и целей этих приступов ярости. В настоящее время достаточно понять: коллеги Гитлера прекрасно сознают, что он может вести себя таким образам и делает это. Это часть того

Гитлера, которого они знают и с которым вынуждены иметь дело. Однако мы можем отметить, что эти приступы ярости не только сознательное актерство, так как для актера почти невозможно побагроветь, если он по-настоящему не находится в эмоциональном состоянии. Есть еще много других аспектов личности Гитлера, какие известны его коллегам и какие не вписываются в образ фюрера, представленный немецкому народу. Гитлер показан, как человек большого мужества, со стальными нервами, который всегда полностью контролирует ситуацию. Тем не менее, он часто бежит от неприятной, неожиданной или трудной ситуации.

Бейлис сообщает о двух инцидентах, которые иллюстрируют такую реакцию:

«Особенно заметной является его неспособность справиться с неожиданными ситуациями, и это удивительным образом обнажилось, когда он закладывал фундамент дома Германского Искусства в Мюнхене. Ему вручили изящный, в стиле рококо, молоточек, чтобы он произвел три традиционных удара по фундаменту; но, не осознавая хрупкости молоточка, он опустил его с такой силой, что при первом же ударе тот разлетелся на кусочки. Затем, вместо того, чтобы спокойно подождать, пока принесут другой молоточек, Гитлер полностью потерял самообладание, покраснел, начал дико оглядываться, подобно маленькому мальчику, которого поймали на воровстве варенья, и едва не убежал со сцены. Его удовольствие от Берлинских олимпийских игр было полностью испорчено, когда фанатичная голландка, которая получила от фюрера личное поздравление, неожиданно ухватила его здоровенными руками и попыталась поцеловать его на виду у ста тысяч зрителей. Гитлер потерял самообладание, не вынес непочтительного хохота иностранных гостей и оставил стадион».

Такой тип поведения иллюстрируется еще более ярко в отношении с Грегором Штрассером, который угрожал расколоть партию, если не будет достигнуто соглашения по четкой программе. Гитлер избегал подобной ситуации, насколько это было возможно, в надежде, что что-то произойдет, что ситуация каким-то образом решится сама по себе. Когда же этого не случилось, он согласился с требованием Штрассера на встречу в Лейпциге, где можно было бы обстоятельно обсудить их разногласия. В назначенный час Гитлер опоздал. Едва он сел за стол, как извинился за то, что ему нужно идти в туалет. Штрассер подождал некоторое время, а когда Гитлер не вернулся, он забеспокоился. К его удивлению, он обнаружил, что Гитлер выскользнул через задний выход и уехал обратно в Мюнхен, не

обсудив ни единого пункта.

Гайдн также рассказывает нам, что в 1923 году Гитлер был на совещании с Людендорфом и вдруг неожиданно выскочил без каких-либо извинений. Весной 1932 года он прибыл на митинг группы Вербанд Вайришер Индустриеллер, где собирался выступить. Эта группа единомышленников не была расположена к нему, но для Гитлера было важно завоевать их. «… Он останавливается, с озадаченным молчанием смотрит на стол. Внезапно Гитлер круто поворачивается на каблуках и, не говоря ни слова, направляется к двери». То же случилось спустя год, когда в качестве канцлера он должен был выступать перед Рейхсвербанд дер Дойчен Прессе. Опять он почувствовал недоброжелательность группы и опять ретировался со сцены. «… Этот трюк фюрер будет использовать часто: когда ситуация становится затруднительной, он прячется».

И в самом деле, когда возникают затруднительные ситуации, великий диктатор, который гордится своей решительностью, твердостью и другими качествами лидера, ломается и плачет, как ребенок, взывающий к сочувствию. Раушнинг пишет:

«В 1932 и 1934 годах он жаловался на неблагодарность немецкого народа в хныкающих тонах дешевого артиста мюзик-холла! Слабое существо, которое обвиняло и дулось, взывало и умоляло, умывая руки в задетом тщеславии («Если немецкий народ не хочет меня!?») вместо того, чтобы действовать».

Отто Штрассер докладывает:

«Он схватил мои руки, как уже делал два года назад. Его голос захлебывался от стенаний, а по щекам текли слезы».

Гайдн сообщает о сцене, которая произошла, когда по приглашению партийных лидеров прибыл Грегор Штрассер:

«Никогда я бы не поверил тому, как может вести себя Гитлер. Он закричал, положил голову на стол и заплакал. На глаза многих из присутствовавших накатились слезы, когда они увидели, как их фюрер плачет. Юлиус Штрейхер, которого многие годы унижал Штрассер, отозвался со своего укромного местечка на заднем плане: «Позор, что Штрассер так обращается с нашим фюрером!».

В сложных ситуациях Гитлер открыто угрожал совершить самоубийство. Иногда возникает мысль, что он использовал это как форму шантажа, хотя в других случаях кажется сложнее, чем он мог вынести. Во время Пивного путча он сказал чиновникам, которых держал в качестве пленных: «В моем пистолете еще пять пуль – четыре для предателей, и одна, если дела пойдут

наперекосяк, для меня». Он также угрожал госпоже Ханфштенгль, что совершит самоубийство; это было непосредственно после провала путча, когда он скрывался от полиции в ее доме. И опять же в Ландсберге он начал голодовку и угрожал замучить себя. В 1930 году он угрожал покончить жизнь самоубийством после странной смерти его племянницы Гели, о которой мы поговорим позже. В 1932 году он опять угрожает осуществить эту акцию, если Штрассер расколет партию. В 1933 году он угрожает свести счеты с жизнью, если его не назначат канцлером, а в 1936 году угрожает совершить это, если оккупация Рейнской области окажется неудачной.

Однако это были относительно не частые проявления, хотя его приближенные осознали, что всегда существует такая вероятность и разумно будет не заводить фюрера слишком далеко. Более частыми были его депрессии, о которых много написано. Абсолютно точно, что время от времени он впадает в очень глубокие депрессивные состояния. В годы пребывания в Вене (1907–1912) он, без сомнений, много страдал от них. Ганиш сообщает: «Я никогда не наблюдал, чтобы так беспомощно впадали в отчаяние». Также возможно, что Гитлер страдал от депрессий во время войны, как сообщает Менд. После смерти своей племянницы Гели (1930), он также впал в жесточайшую депрессию, которая продолжалась некоторое время. Грегор Штрассер по-настоящему опасался, что он мог совершить самоубийство в этот период, и был возле него несколько дней. Есть определенные доказательства, что Гитлер действительно пытался сделать это, но ему помешали. Также интересно отметить, что через несколько лет после смерти племянницы он впал в депрессию во время Рождественских праздников и несколько дней один бродил по улицам.

Раушнинг предоставляет нам яркое описание его состояния после кровавой чистки 1934-го. Он пишет:

«Но сейчас он не создает впечатление победителя. С распухшим лицом и искаженными чертами он сидел напротив меня, когда я докладывал ему. Его глаза были мутными. Он не смотрел на меня. Он играл своими пальцами. Мне показалось, что он не слушал меня… Все время мне казалось, что он боролся с отвращением, усталостью и презрением, а его мысли были далеко… Я слышал, что он мог спать всего лишь час… Ночью он беспокойно бродил по дому. Снотворное не помогало ему… Предположительно, он пробуждался от своего короткого сна в приступах рыданий. Его регулярно рвало. Он сидел в кресле и дрожал, укрытый одеялами… Иногда он хотел чтобы везде зажгли свет и его окружали люди, много людей; однако в следующий

момент, он никого не хотел видеть».

Это были серьезные кризисы его жизни, и мы можем допускать, что они, возможно, представляют наихудший вариант его депрессии. Без сомнений, у него очень часто бывают менее серьезные кризисы, когда он удаляется от своих приближенных и размышляет в одиночестве, или периоды, когда он отказывается кого-либо видеть, и раздражителен и нетерпим к своему окружению. Однако, в целом же, похоже, что доклады о депрессиях Гитлера были сильно преувеличены. Ни один из наших информаторов, тесно общавшихся с ним, не имеет никаких сведений о том, что он когда-либо отправлялся в санаторий во время таких периодов, и лишь один источник указывает, что он когда-то прибегал к психиатрической помощи, а это сообщение серьезно воспринимать нельзя. Мы должны допускать, что многие газетные публикации были цветочками, посаженными ведомствами нацистской пропаганды, чтобы увлечь нас ложными ожиданиями.

Есть ряд и других аспектов, по которым Гитлер не кажется своим приближенным тем самоуверенным фюрером, каким ему нравится считать себя. Одним из наиболее выразительных из них является его поведение в присутствии признанных авторитетов. При таких обстоятельствах он явно нервничает и очень скован. Еще в 1923 году Людеке сообщает: «На конференции с Лохнером Гитлер сидел и изо всех сил мял руками свою фетровую шляпу. Его выражение лица было почти покорным».

Фромм пишет:

«Готовность Гитлера войти в милость к присутствующим коронованным особам много комментировалась. Он клялся, дергался и едва не вставал на колени в своем усердии угодить слишком толстой и уродливой принцессе Луизе фон Шахшен-Майнинген, ее брату – наследному принцу Георгу, а также их сестре – великой герцогине Захен-Веймар. Сияя в своем подобострастии, он лично рвался принести им закуску из буфета».

Во время его визита в Рим Гусе пишет: «Сопровождая королеву Елену в Риме, он был похож на вынутую из воды рыбу. Он не знал, что делать со своими руками». Чрезвычайно подобострастен он был к Гинденбургу. Его отношения с людьми очень четко иллюстрируют фотографии, снятые на этих встречах. На некоторых из них он выглядит так, как будто вот-вот собирается поцеловать руку президента. Фланнери также сообщает, что Гитлер, впервые встретившись с Петеном, взял его под руку и проводил к машине. Ханфштенгль сообщает, что он

нашел Гитлера за дверьми банкетного зала, в котором давали обед в честь бывшей жены кайзера. Он не мог решиться войти и встретиться с ее высочеством. Когда Ханфштенгль в конце концов, убедил Гитлера войти, последний был настолько скован, что мог лишь, заикаясь, вымолвить несколько слов, а затем попросил разрешения удалиться. Можно привести много других примеров. Под весом доказательств кажется верным, что Гитлер действительно теряет самообладание, когда лицом к лицу встречается с признанными авторитетами, занимающими высокое положение в обществе, или с особами королевской крови.

Такое подобострастное отношение также очевидно, когда он пользуется титулами. Это хорошо описано Ланиа в отчете о суде над Гитлером:

«В ходе его заключительной речи он стал говорить о генералах Людендорфе и фон Зекте; в такие моменты он стоял по стойке смирно и выкрикивал слова «генерал» и «превосходительство». Для него не было разницы, что один из генералов был на его стороне, в то время как другой, фон Зект, главнокомандующий рейхсвера, был его врагом; он полностью отдался удовольствию произносить громозвучные титулы. Гитлер ни разу не сказал: «Генерал Зект», он говорил: «Ваше превосходительство, герр генерал-полковник фон Зект», позволяя словам таять на языке и смакуя их привкус».

Многие другие информаторы также комментировали стремление Гитлера использовать полные титулы. Как бы там ни было, можно допустить, что это заметная черта его характера, которая становится все менее явной по мере его продвижения вверх, но, однако, не исчезает.

Фюрер также неуютно чувствует себя в компании дипломатов и, по возможности, избегает контактов с ними. Фромм описывает его поведение на дипломатическом обеде следующими словами:

«Гитлер был скован, неуклюж и угрюм. Фалды его фрака смущали его. Снова и снова его рука искала ободряющую поддержку портупеи. Каждый раз, когда он не находил этой знакомой прохладной и бодрящей поддержки, его беспокойство росло. Он мял свой носовой платок, дергал его, сворачивал, – это была явная боязнь сцены».

Гендерсон пишет:

«Я всегда буду сожалеть, что мне ни разу не удалось изучить Гитлера в его частной жизни, ведь это дало бы мне шанс увидеть его в обычных условиях и поговорить с ним, как мужчина с мужчиной. За исключением нескольких коротких фраз при

случайных встречах, я никогда не общался с ним. Он не посещал неофициальные вечеринки, на которых могли бы присутствовать дипломаты, а когда мои друзья пытались организовать их, он всегда отказывался встречаться со мной на основании прецедента… Но он всегда выглядел застенчивым, когда ему приходилось развлекать дипломатический корпус, что обычно случалось три раза в году».

Гитлер также нервничает и имеет тенденцию терять самообладание при встречах с журналистами. Будучи гением пропаганды, он понимает мощь прессы в формировании общественного мнения и всегда на церемониях обеспечивает корреспондентов привилегированными местами. Однако когда дело доходит до интервью, он занимает оборону и требует, чтобы вопросы подавались заблаговременно. Когда же интервью имеет место, он в состоянии контролировать себя, так как у него уже готовы ответы. Даже в этом случае он отказывается отвечать на дальнейшие вопросы, незамедлительно принимаясь за обширные рассуждения, которые иногда переходят в тирады. Когда он иссякает, оканчивается и его интервью.

Гитлер также приходит в ужас, когда его просят выступить перед людьми образованными или перед любой группой, в которой он чувствует оппозицию или возможность критики.

В общем, Гитлер плохо ладит с людьми. По существу, он не имеет настоящих близких отношений ни с кем из своих коллег. Единственный его соратник, который когда-либо имел привилегию обращаться к нему с фамильярным «ты», это Гесс. Даже Геринг, Геббельс и Гиммлер должны обращаться к нему с формальным «вы», хотя каждый из них, наверное, пожертвовал бы свою правую руку ради привилегии обращаться к нему не таким официальным образом. Действительно, помимо его семьи, несколько людей в Германии, а именно – госпожа Бехштайн и семья Уинфреда Вагнера, обращаются к нему на «ты» и называют его прозвищем «Вольф», но таких людей мало и большего им не дано. Как правило, он всегда поддерживает определенную дистанцию с другими людьми. Людеке, который какое-то время был близок к нему, пишет:

«Даже в моменты его душевного спокойствия я не видел фамильярности со стороны сотрудников, между ними и Гитлером всегда была определенная дистанция, едва уловимое чувство отчужденности…».

И Фрай говорит:

«Он живет среди многих людей и все же живет один».

Хорошо известно, что он не может поддерживать обыкновенную беседу или дискуссию с людьми. Даже если присутствует один человек, говорить будет только Гитлер. Его манера речи вскоре начинает все меньше напоминать беседу и становится похожей на лекцию, а также легко может развиться в тираду. Он просто забывает о своем собеседнике и ведет себя так, как будто обращается к большому скоплению людей. Штрассер дал краткое описание его манеры говорить:

«Теперь Гитлер встал по стойке смирно и выражением своих глаз ясно показал, что обращается не только ко мне: он обращался к воображаемой аудитории, которая находилась далеко за стенами гостиной».

Это касается разговоров не только о политических проблемах. Даже когда Гитлер остается наедине со своими адъютантами или ближайшими помощниками и пытается вести себя дружелюбно, он не в состоянии завязать беседу «вопросов и ответов». Временами, похоже, он хочет сблизиться с людьми и рассказывает о своей личной жизни («Когда я был в Вене» или «Когда я служил в армии»). Но и в этих случаях не дает собеседникам вставить слово и всегда повторяет одни и те же истории в абсолютно одинаковой форме, как будто он заучил их наизусть. Суть большинства этих рассказов содержится в книге «Майн Кампф». Его друзья слышали их десятки раз, но это не мешает ему повторить их снова с большим энтузиазмом. В своих жизнеописаниях он касается только поверхностных аспектов. Кажется, что он не желает поведать о себе что-нибудь существенное.

Прайс говорит: «Когда присутствуют больше чем два человека, даже если это его приближенные, общего разговора не бывает. Либо Гитлер говорит, а они слушают, либо они говорят между собой, а Гитлер молчаливо сидит». Он совсем не раздражается, когда члены группы разговаривают между собой, пока, конечно же, не почувствует охоту поговорить самому. Но обычно, похоже, ему нравится слушать других, делая при этом вид, что сосредоточился на чем-то ином. Тем не менее, он слышит все, о чем идет речь, и часто использует это позднее. Однако он не поощряет человека, от которого узнал что-то новое, а просто выдает услышанное за свое. Раушнинг говорит: «Он всегда был позером. Он помнит услышанные им вещи и имеет способность воспроизвести их таким образом, что слушатель поверит, будто они его (Гитлера) собственные». Рем также сетует по этому поводу: «Если мы пытаемся что-то посоветовать ему, он

делает вид, что уже это знает, и смеется нам в лицо, а позднее предпринимает действия, выдавая их за результат собственных идей. Кажется, он даже не осознает, какой он нечестный».

Еще один трюк Гитлера, который приводит людей, и особенно его коллег, в смятение, это его способность забывать. Известно, что сегодня он говорит одно, а через несколько дней – совершенно противоположное, полностью позабыв о своем первом заявлении. Он делает так не только в связи с международной политикой, но и по отношению к своим ближайшим коллегам. Когда же они проявляют свое неудовольствие и говорят о его непостоянстве, он впадает в ярость и вопрошает, не считают ли его лжецом. Ясно также, что и другие высокопоставленные нацисты научились этому трюку, ибо Раушнинг говорите «Большинство нацистов с Гитлером во главе буквально забывают, подобно истерической женщине, все, что не желают запоминать».

Хотя Гитлер почти неизменно вставляет в свои речи несколько юмористических элементов и создает впечатление большого умника, похоже, что чувство юмора у него развито слабо. Он не может подшутить над собой. Хейст говорит: «Он не в состоянии очистить свою мрачную душу самоиронией и юмором». Фон Виганд сообщает, что Гитлер особенно чувствителен к подшучиваниям в свой адрес, а Гусс говорит: «Себя он воспринимает серьезно и вспыхивает яростью при малейшем посягательстве на достоинство и святость государства и фюрера». Когда все идет хорошо, он иногда впадает в веселое и эксцентричное настроение в кругу близких друзей. В этом случае его юмор почти полностью ограничен поддразниванием или простецкими шутками. Шутки эти обычно связаны с мнимыми любовными похождениями его соратников, но они никогда не бывают вульгарными и лишь содержат намек на сексуальные факторы. Фриделинда Вагнер приводит пример такого подшучивания. И Геринг, и Геббельс присутствовали в то время, когда Гитлер сказал семье Вагнеров:

«Все вы знаете, что такое вольт и что такое ампер, не так ли? Правильно. Но знаете ли вы, что такое Геринг и что такое Геббельс? Геббельс – это объем глупостей, которые человек может сказать за один час, а Геринг – это количество металла, которое можно приколоть на грудь одного человека».

Мимика – еще одна форма его юмора. Почти все признают, что в этой области у него проявляется талант, он часто изображает своего коллегу в присутствии других, доставляя им удовольствие, за исключением жертвы. Он также любит передразнивать сэра Эрика Пиппа и Чемберлена.

Плохая адаптация к людям у Гитлера, возможно, наиболее ярко проявляется в его отношениях с женщинами. Поскольку он стал политической фигурой, вокруг его имени запестрели женские имена, особенно в иностранной прессе. Хотя германская общественность, похоже, очень мало знает об этой грани его жизни, его коллеги видели многое, и понятно, что эта тема всегда вызывает всяческого рода предположения. Грубо говоря, его отношения с женщинами разделяются на три категории: (1) женщины, значительно старше его, (2) актрисы и проходящие увлечения, (3) более или менее продолжительные отношения.

1. Еще в 1920 году фрау Карола Хофман, вдовушка шестидесяти одного года, взяла его под свое крылышко и годами играла роль матери. Затем настал через фрау Елены Бехштайн, жены известного берлинского владельца фирмы по производству пианино. Она потратила большие суммы денег на Гитлера в ранние дни партии, ввела его в свой социальный круг и одарила материнской любовью. Она часто говорила, что хотела бы, чтобы Гитлер был ее сыном, а когда он попал в тюрьму, она заявила, что приходится ему приемной матерью, дабы иметь возможность навещать своего любимца. Штрассер говорит, что Гитлер сидел у ее ног, положив голову ей на грудь, а она нежно гладила его по голове и шептала».

С тех пор как он пришел к власти, дела не пошли так гладко. Она находила изъяны во всем, что он делал, и безжалостно ругала его, даже при людях. Согласно Фриделинде Вагнер, она – единственная женщина в Германии, которая может вести монолог в присутствии Гитлера и которая может сказать ему все, что она думает о нем. Во время этих нравоучений Гитлер стоит, как пристыженный школьник, совершивший проступок. Согласно Ханфштенглю, фрау Бехштайн опекала Гитлера в надежде, что он женится на ее дочери Лотти, которая была далеко не привлекательной. Из-за чувства долга Гитлер действительно сделал Лотти предложение, но получил отказ. Фрау Бехштайн была неутешна из-за провала своих планов и начала критиковать как социальные реформы Гитлера, так и его действия. Тем не менее, Гитлер, из чувства долга, продолжал наносить ей визиты, хотя и старался делать их нечасто. Затем также была фрау Виктория фон Дирксен, которая якобы потратила на него и его карьеру целое состояние, а также другие женщины. В более поздние годы роль матери взяла на себя госпожа Геббельс; она следила за его удобствами, вела его домашнее хозяйство и пекла ему сладости, которые он особенно любит. Она также выступала в качестве свахи, надеясь женить его на одной из своих подруг, а следовательно, еще теснее привязать его к себе. Она жаловалась

Людеке: «Как сваха, я неудачлива. Я оставляют его наедине с моими наиболее очаровательными подругами, но он на них не реагирует». Была также его старшая сводная сестра Анжела, которая вела для него хозяйство в Мюнхене и Берхтесгадене и некоторое время играла роль матери.

Об Уинфред Вагнер, невестке Рихарда Вагнера, также есть обширная информация. По национальности она англичанка, была очень привлекательная и примерно одного с Гитлером возраста. Она познакомилась с Гитлером в начале 20-х годов, и с того времени является одним из его верных сторонников. Он стал частым гостем в доме Вагнеров в Байрете, а когда пришел к власти, построил для себя и своего штата дом в поместье Вагнеров. После смерти Зигфрида Вагнера посыпались сообщения, что она должна стать женой Гитлера. Но этого не произошло, несмотря на тот факт, что с точки зрения обеих сторон это был бы идеальный брак.

Тем не менее, Гитлер продолжал быть частым гостем в доме Вагнеров. Несомненно, госпожа Вагнер сделала все возможное, чтобы Гитлеру было удобно и он чувствовал себя как дома. В семье Вагнеров было трое детей, мальчик и две девочки (одна из девочек, Фриделинда, позже стала нашим информатором). Вся семья называла Гитлера прозвищем «Вольф» и обращалась к нему на «ты». В этом доме он чувствовал себя в такой безопасности, что часто приходил туда и проживал без телохранителей. Иногда он проводил с этой семьей Рождественские праздники, став ее полноправным членом. Но дальше этого заходить не хотел, даже несмотря на то, что этот брак с Уинфред Вагнер был бы исключительно популярным среди немецкого народа.

2. Затем идет долгий список проходящих увлечений. В большинстве это звезды кино и театра. Гитлеру нравится быть окруженным хорошенькими женщинами и он обычно просит кинематографические компании прислать несколько актрис всякий раз, когда в канцелярии проводится прием. Похоже, он приходит в необычайный восторг, очаровывая этих девушек рассказами о том, что он собирается свершить в будущем, или же старыми рассказами о своей прошлой жизни. Ему также нравится производить на них впечатление своей властью, приказывая студиям обеспечить их лучшими ролями или обещая проследить за тем, чтобы они снимались в новом фильме. Большинство его связей с женщинами такого сорта, а было их очень много, насколько нам удалось выяснить, не заходили дальше такого общения. В целом же, он чувствует себя более комфортабельно среди артистов, нежели в любой другой компании, и часто ходит обедать в студийные рестораны.

3. Было несколько других женщин, сыгравших более или менее важные роли в жизни Гитлера. Первая, о которой мы что-либо знаем, это Хенни Гофман, дочь официального фотографа партии. Хенни, согласно докладам, была обычной проституткой и большую часть своего времени проводила среди студентов в Мюнхене, которые утверждали, что ее можно было иметь всего за несколько марок. Генрих Гофман, ее отец был членом партии и близким другом Гитлера. По странному повороту судьбы Гофман снял фотографию толпы в Мюнхене в начале прошлой войны. Позднее, когда Гитлер стал известен среди мюнхенских политиков, Гофман обнаружил его на фотографии и обратил на это его внимание. Гитлер был очарован, между ними завязались близкие отношения. Супруга Гофмана также очень любила Гитлера и некоторое время играла роль матери по отношению к нему. Со смертью фрау Гофман их дом стал притоном для гомосексуалистов и лесбиянок. Здесь много пили и была большая свобода сексуальных отношений всех видов. Гитлер часто присутствовал на вечеринках в доме Гофмана и очень подружился с Хенни. Связь продолжалась некоторое время, пока Хенни, которая была очень словоохотливой особой, как-то ночью не напилась и не стала говорить о своей связи с Гитлером. Ее отец пришел в ярость и некоторое время не общался с ним. До этого времени Гитлер упрямо отказывался фотографироваться для публикаций на том основании, что лучшая реклама – это оставаться таинственным человеком, а также из-за того, что если его фотография появится в прессе, его легко узнают, когда он будет пересекать коммунистические территории. Вскоре после описанного выше эпизода, Гитлер назначил Гофмана официальным фотографом партии и отдал ему исключительное право на свои фотографии. Эти привилегии, как предполагается, со временем принесли Гофману миллионы долларов. Среди соратников Гитлера бытовало мнение, будто Гитлер совершил с Хенни какую-то сексуальную непристойность и купил молчание Гофмана, даровав ему эти эксклюзивные права. Как бы там ни было, но Хенни вскоре вышла замуж за Бальдура фон Ширака, лидера нацистского молодежного движения, у которого была репутация гомосексуалиста. Его семья всеми силами противостояла браку, но Гитлер настоял. Разногласия между Гитлером и Гофманом, похоже, исчезли, и сегодня он один из наиболее близких соратников Гитлера, а также оказывает на него большое личное влияние.

После эпизода с Хенни Гофман Гитлер начал появляться на публике со своей племянницей Гели, дочерью его сводной сестры Анжелы, которая приехала вести домашнее хозяйство Гитлера в

1924 году. Ко времени, когда эта связь окрепла, ее мать уехала в Берхтесгаден, и Гитлер с Гели жили одни в своей мюнхенской квартире. Они стали неразлучными спутниками и объектом многочисленных комментариев в партийных кругах. Многие члены партии, включая Грегора Штрассера, считали, что это плохая реклама, вызывающая много неприятных разговоров. Другие члены партии требовали вызвать Гитлера «на ковер», чтобы он объяснил, где берет деньги на одежду и развлечения для Гели, если он не пользуется для этих целей партийными деньгами. Гитлер стал очень ревнив, он запрещал Гели встречаться с другими мужчинами. Некоторые информаторы утверждают, что он закрывал ее на весь день, когда не мог взять с собой. Связь продолжалась несколько лет, несмотря на отрицательное отношение партии. Вскоре Гели была найдена мертвой в квартире Гитлера, – она скончалась от пули, выпущенной из его револьвера. Сошлись на том, что это было самоубийство, но Гели похоронили на элитарном кладбище в присутствии католического священника. Было также много измышлений: застрелилась ли она сама или ее застрелил Гитлер. Какими бы не были факты, Гитлер впал в глубокую депрессию, которая длилась месяцы. В первые дни после похорон с ним оставался Грегор Штрассер, чтобы предотвратить его самоубийство. Людеке говорит: «Любовь Гитлера (к Гели) по-прежнему остается загадкой для его наиболее приближенных людей».

На протяжении нескольких лет после смерти Гели Адольф мало общался с женщинами, но иногда это делал. Однако где-то в 1932 году он заинтересовался Евой Браун, помощницей фотографа Гофмана. Эту свою связь Гитлер не воспринимал серьезно. Но, когда пришло время, он купил любовнице много разных вещей, включая модные автомобили и дом между Мюнхеном и Берхтесгаденом, где он часто проводил ночи по пути в свое деревенское поместье или возвращаясь из него. Ева Браун также частый гость в Берхтесгадене и Берлине. Ошнеру говорили, что в спальне Гитлера, после одного из ее визитов в Берхтесгаден, нашли некоторые части ее нижнего белья. Видеман говорит, что иногда она проводила всю ночь в спальне Гитлера в Берлине. Норбурт сообщает: «Ева Браун переехала в канцелярию 16 декабря 1939 года; говорят, что Гитлер собирается жениться на Еве Браун, когда окончится война». Еще она дважды пыталась покончить жизнь самоубийством, а один из охранников Гитлера сбежал из Кехльштайна из-за того, что был влюблен в нее, но испугался гнева фюрера.

Однако связь с Евой Браун не была исключением. За этот

период Гитлер также часто виделся, по крайней мере, с двумя кинозвездами. Это продолжалось дольше, нежели большинство его связей с актрисами, и отношения были более интимными. Девушек часто приглашали в канцелярию поздно ночью, а покидали они ее рано утром. На протяжении всего времени девушки находились с Гитлером за закрытыми дверьми, и даже его непосредственный персонал не знал, что происходило между ними. Первой была Ренара Мюллер, которая покончила жизнь самоубийством, выбросившись из окна берлинского отеля. Вторая – Лени Рифеншталь, которая продолжала быть гостьей канцелярии вплоть до начала войны.

Соратникам известно, что в отношениях с женщинами Гитлер совсем не тот аскет, в которого он и его бюро пропаганды хотели бы, чтобы верил немецкий народ. Но никто из соратников, за исключением Гофмана и Шауба (личного адъютанта), не знает подробностей его сексуальной жизни. Поэтому в партийных кругах появилось много догадок. Некоторые считают, что его половая жизнь нормальная, но ограниченная. Другие, что у него иммунитет к искушениям такого рода и что ничего не происходит, когда он остается наедине с девушками. И все же кое-кто считает, что он гомосексуалист. Последнее убеждение основывается на том факте, что в ранние дни партии многие из руководящего звена были гомосексуалистами. Рем и не пытался скрывать своей гомосексуальной активности, а Гесс был широко известен, как «фройлян Анна». Были также и многие другие, по этой причине считалось, что Гитлер принадлежал к данной категории.

В связи с притязаниями Гитлера на моральную чистоту и важность его миссии в строительстве Великой Германии, весьма удивительно, что он так беспечно относится к своим соратникам. Он никогда ни в чем не ограничивал их, за исключением времен кровавой чистки в 1934 году, когда оправдывался тем, что ему необходимо очистить партию от нежелательных элементов. Во все другие времена Гитлер был либерален и прощал своим соратникам различные прегрешения.

Гитлер сказал: «Единственным критерием для членства в партии является то, чтобы заявитель был безусловно послушен и искренне предан мне». Когда кто-то спросил его, применимо ли это к ворам и преступникам, Гитлер ответил: «Их частная жизнь меня не касается».

Людеке утверждает, что, разговаривая с моралистами, которые жаловались на действия людей из СА, Гитлер заявил:

«Я предпочел бы, чтобы мои люди из СА имели дело с женщинами, а не с каким-нибудь пузатым денежным мешком.

Почему я должен заниматься личной жизнью моих сторонников? Несмотря на то, что Рем известен своими пикантными похождениями, я могу абсолютно полагаться на него…».

Раушнинг говорит, что в партии была принята следующая установка: «Делай все, что тебе угодно, но не попадайся на этом».

Такое отношение к соратникам, конечно, не прибавило чести нацистскому движению. Когда капитан фон Мюкке вышел из партии; он сказал:

«Народная партия больше не партия почтенных людей, она выродилась и прогнила. Одним словом: это свинарник».

Раушнинг выражает схожее мнение:

«Наиболее презренное из всего – это зловонные испарения скрытой, неестественной сексуальности, которая наполняет и загрязняет всю атмосферу вокруг Гитлера. Ничто в этом окружении не искренно. Тайные связи, заменители и символы, фальшивые нежности и тайные похоти – все в окружении этого человека неестественно, все не имеет открытости природного инстинкта».

Одно из хобби Гитлера, которое тщательно скрывается от публики, это его интерес к порнографии. Он с трепетом ждет появления очередного выпуска журнала «Дер Штюрмер», а когда держит его в руках, то начинает алчно листать. Он явно получает большое удовольствие от низкопробных комиксов, которые характеризуют это издание. Раушнингу Гитлер сказал, что «Дер Штюрмер» – форма порнографии, разрешенная в третьем рейхе. У Гитлера есть большая коллекция фотографий с обнаженными женщинами, и, согласно информации Ханфштенгля и других, ему также нравится смотреть непристойные фильмы в его частном кинотеатре: некоторые из них Гофман предоставил ему лично.

Гитлер называет себя величайшим ценителем оперной музыки. Он с удовольствием читает лекции о Вагнере и о его творчестве. Не может быть сомнений, что Гитлер наслаждается музыкой Вагнера, получая от нее большое вдохновение. Ошнер сообщает, что имел возможность близко наблюдать за Гитлером, когда тот слушал музыку, и видел, как «гримасы боли и наслаждения искажали его лицо, его брови сдвигались, его глаза закрывались, его рот плотно сжимался». Гитлер сказал: «Для меня Вагнер – это что-то божественное, а его музыка – моя религия. Я хожу на его концерты, как другие ходят в церковь». Однако согласно Ханфштенглю, Гитлер не любитель хорошей музыки в целом. Он говорит, что приблизительно 85 процентов

предпочтения Гитлера в музыке это обычная музыкальная программа венских кафе. Возможно, именно поэтому Гитлер редко посещает оперу. Сейчас он, похоже, отдает предпочтение музыкальным комедиям и кабаре, в дополнение к фильмам, которые он смотрит в канцелярии. Поуп сообщает, что Гитлер часто ходит на «Веселую вдову»; ведущую роль в этом представлении играет американская актриса. Он говорит: «Я видел, как Гитлер подтолкнул локтем своего гауляйтера Вагнера и самодовольно ухмыльнулся, когда Дороти исполняла свой знаменитый номер в свете прожектора». В этом номере костюм Дороти украшен парой прозрачных крыльев бабочки. Гитлер наблюдает за исполнением в театральный бинокль и бывает, что приказывает сыграть представление только для него одного.

Нацистским бюро пропаганды было много написано о скромном образе жизни Гитлера. Это, по мнению его соратников, чрезмерно преувеличено. Хотя он вегетарианец – большинство из них считает, что его питание вряд ли можно назвать умеренным. Он ест много яиц, приготовленных различными способами лучшим шеф-поваром Германии, а также потребляет большое количество разнообразных свежих овощей. Гитлер очень любит всевозможные сладости и часто съедает до двух фунтов шоколада в день. Хотя его гардероб внешне не бросается в глаза, все сделано из наилучшего материала, наилучшими портными. У него также страсть собирать картины, и когда ему понравится какая-либо из них, он торговаться не будет и обязательно ее приобретет. Что касается жилищных условий, он действительно скромен, его спальня чрезвычайно проста, в ней стоят лишь белая металлическая кровать (украшенная у изголовья ленточками), комод и несколько стульев. Фриделинда Вагнер и Ханфштегль, которые видели его комнату, описывали ее идентично: это комната, где, кажется, живет горничная, а не фюрер.

Хотя Гитлер представлен германской общественности, как человек необычайного мужества, его непосредственные коллеги часто имели возможность усомниться в этом. Сообщалось о нескольких случаях, когда он не выполнял свою программу, боясь действий оппозиции. Это особенно характерно в его отношении к гауляйтерам. Похоже, он очень боится этих людей, и прежде чем встретиться с ними, обычно пытается выяснить, какую сторону проблемы поддерживает большинство. Во время митингов он предлагает план действий, который бы соответствовал настроению большинства. Согласно Гогенлое, он также отступил перед тремя армейскими генералами, когда они запротестовали против быстрого форсирования данцигского вопроса, а в Мюнхене он решил отложить сопротивление[2], так как увидел, что толпы,

наблюдающие за маршем войск под окнами канцелярии, не были настроены к активным действиям.

Более того, удивляет крайняя предосторожность, предпринимаемая для его безопасности. Вся информация об этом тщательно скрывается от немецкого народа. Когда появляется Гитлер, он для всего мира выглядит исключительно бравым мужчиной, приподнявшимся над передним сидением своего открытого автомобиля и отдающим салют. Люди не знают об огромном количестве сотрудников секретной службы, затесавшихся в толпе, хотя охрана и выстраивается вдоль улиц, по которым он должен проехать. Не знают они также и обо всех мерах безопасности, предпринимаемых в канцелярии и Берхтесгадене. До войны его дом в Берхтесгадене был окружен 15 километрами электрической проволоки. Доты и противовоздушные батареи были установлены на ближних холмах. Когда Гитлер бывал в Байроте, за несколько недель туда направлялись войска, чтобы также установить пулеметы и противовоздушные батареи на непосредственно прилегающих холмах. Лохнер сообщает, что когда Гитлер путешествует на специальном поезде, его сопровождают 200 охранников СС, которые вооружены сильнее, нежели кортеж любого германского кайзера. После начала войны его поезд был бронирован и оснащен противовоздушными орудиями. И все же, когда кинохроника показывает его на фронте, он единственный из всех, кто не надевает каску.

Следовательно, существует значительное расхождение между Гитлером, каким он известен немецкому народу, и Гитлером, каким он известен своим коллегам. Тем не менее, оказывается, что большинство его коллег глубоко верны Гитлеру и вполне готовы простить ему или проигнорировать его недостатки. Похоже, во многих случаях коллеги забывают о противоречивых чертах его характера – для них Гитлер по-прежнему фюрер в те моменты, когда он фактически играет эту роль.

Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии [3]
Эрих Фромм

Когда психоаналитик изучает биографию своего клиента, он всегда пытается получить ответ на два вопроса:

1) Каковы основные движущие силы в жизни человека, какие страсти определяют его поведение?

2) Какие внутренние и внешние обстоятельства обусловили развитие именно этих страстей?

Последующий анализ личности Гитлера также был ориентирован на эти вопросы, хотя в некоторых существенных пунктах он отличался от классического фрейдовского метода.

Первое отличие связано с тем, что в данном случае страсти в основном были не инстинктивного (точнее говоря, несексуального) происхождения. Второе отличие состоит в том, что, даже ничего не зная о детстве нашего «подопечного» мы можем составить себе представление о его главных (большей частью неосознанных) страстях: это делается на основе анализа сновидений, ошибок, описок, оговорок, жестов, высказываний и способов поведения, которые не поддаются рациональному объяснению (все это можно назвать «методом рентгена». Интерпретация подобных данных требует большого опыта и специальных психоаналитических знаний.

Но самое главное отличие заключается в следующем: классические психоаналитики считают, что формирование личности завершается к пяти-шести годам, а в более позднем возрасте существенные изменения уже невозможны (или же они достигаются ценою больших усилий и целенаправленной терапии). Однако я по собственному опыту точно знаю, что эта точка зрения несостоятельна. Ибо такой механистический подход к человеку упускает из виду, что личность – это вечно развивающаяся система.

Даже о новорожденном нельзя сказать, что он появился на свет «без своего лица». Мало того что он уже при рождении имеет ряд генетически обусловленных предпосылок темперамента и другие задатки, которые в первую очередь влияют на формирование определенных черт личности. Он рождается, будучи носителем некой информации о событиях, предшествовавших его рождению (до и во время родов). Все это, вместе взятое, формирует, так сказать, «лицо» ребенка в момент

его появления на свет. Затем новорожденный попадает в систему отношений со своей собственной средой, которую составляют родители и другие лица из его ближайшего окружения. Он реагирует на контакты с этими людьми – и это дает следующий импульс для развития его личности. В полтора года личность ребенка уже имеет гораздо более определенную форму, чем при рождении. Но формирование еще не закончено, оно может продолжиться в разных направлениях, и потому очень многое зависит от влияния извне. К шести годам появляются еще более устойчивые приметы личности; она почти готова, но это не значит, что она утрачивает способность к изменениям, тем более что в жизни ребенка появляются новые обстоятельства, которые вызывают новые способы реагирования. В целом можно утверждать, что процесс формирования личности следует рассматривать как скользящую шкалу. Человек приносит в мир некий набор параметров, достаточных для его развития, но внутри данной системы координат характер может развиваться в самых разных направлениях. Каждый шаг жизни сокращает число будущих возможностей развития. Чем прочнее сформировался характер, тем устойчивее структура личности, тем труднее заставить ее измениться, а уж если возникает такая необходимость, то она требует подключения очень мощных дополнительных механизмов воздействия. И в конечном счете в человеке сохраняется лишь минимальная возможность к переменам, столь незначительная, что наступление изменений можно приравнять к чуду.

Я вовсе не хочу тем самым сказать, что не обязательно отдавать предпочтение впечатлениям и влияниям раннего детства. Они, безусловно, *влияют на общую направленность личности, но не определяют ее полностью.* Учитывая величайшую впечатлительность раннего детства, надо понимать, что затмить ее можно только ценою огромной интенсивности и драматизма более поздних переживаний. А иллюзия закостенелости личности и ее неспособности к переменам объясняется прежде всего тем, что жизнь большинства людей так жестко регламентирована, в ней так мало спонтанности и так редко случается нечто по-настоящему новое, что практически все происходящие события лишь подтверждают уже готовые установки.

Реальная возможность того, что характер разовьется в других направлениях, чем это предписано структурой личности, обратно пропорциональна прочности этой структуры. Но ведь структура личности никогда не бывает так полно зафиксированной, что оказывается неподвластной воздействию даже чрезвычайных обстоятельств. И потому теоретически изменения в этой

структуре возможны, хотя их статистическая вероятность и невелика.

С практической точки зрения наши теоретические рассуждения сводятся к следующему: нельзя думать, что человек (личность, характер) сохраняется в неизменном виде, скажем, с пяти до двадцати лет; что в двадцать лет мы имеем дело с той же самой личностью, что и в пять лет. Например, не стоит ожидать, что у Гитлера уже в детстве обнаружился полностью развившийся некрофильский тип характера; однако можно предположить, что уже тогда в нем «сидели» некие некрофильские корни (наряду с другими реальными возможностями), которые проросли (как одна из реальных возможностей) и привели к развитию исключительно некрофильской личности. Но для того чтобы развитие личности пошло именно в этом направлении, конечным и почти бесповоротным результатом которого стала некрофилия[4], необходимо было стечение многих случайностей, внутренних и внешних обстоятельств. И тогда уже мы обнаруживаем эту личность во всех ее проявлениях, узнаем ее почерк в явных и скрытых поступках. Эти зачаточные элементы в структуре личности Гитлера я и попытаюсь проанализировать и показать, как предрасположенность к некрофилии с годами все больше усиливалась, пока не превратилась в единственную реальную возможность его развития.

В последующем анализе я останавливаюсь преимущественно на проблеме некрофилии Гитлера и лишь между прочим затрагиваю другие аспекты его личности (например, такие, как орально-садистские черты характера, роль Германии как символа матери и т. д.).

Клара Гитлер[5]

Самое сильное влияние на ребенка оказывает не то или иное событие жизни, а характер родителей. Те, кто верит в упрощенную формулу обыденного сознания – «яблоко от яблоньки недалеко падает», будут поражены, узнав факты жизни Гитлера и его семьи: ибо и отец, и мать его были людьми положительными, благоразумными и не деструктивными.

Мать Гитлера, Клара, была симпатичной и складной женщиной. Будучи простой необразованной крестьянской девушкой, она работала прислугой в доме своего дяди Алоиса Гитлера. Она стала его возлюбленной, а когда умерла его жена, Клара уже была беременна. 7 января 1885 г. они поженились, ей было 24, а овдовевшему Алоису – 47 лет. Клара была трудолюбивой и ответственной, и, хотя брак этот был не особенно счастливым, она никогда не жаловалась, а исполняла свой долг добросовестно и без уныния.

Вся жизнь ее состояла в содержании дома и заботе о муже и детях. Она была образцовой хозяйкой, и ее дом всегда был в безупречном порядке. Она избегала праздной болтовни, ничто не могло отвлечь ее от выполнения домашней работы. Она вела хозяйство тщательно и экономно, что позволило увеличить состояние семьи. Но главной ее заботой были дети, она любила их самоотверженно и всегда была к ним снисходительна. Единственное, в чем ее можно было упрекнуть, так это в полном отсутствии критики, в обожании сына, который с детства приобрел ощущение своей исключительности. Во всяком случае, ее любили и уважали не только родные дети, но и те, которым она была мачехой.

Упрек в попустительстве по отношению к Адольфу, в результате которого у него развилось чувство исключительности (тенденция к нарциссизму), имеет гораздо более серьезные основания, чем кажется Смиту. Однако этот период в жизни Адольфа продолжался недолго, пока он не пошел в школу. Уже в 5 лет он должен был почувствовать перемену в матери, когда она родила второго сына. Но она до конца жизни любила своего первенца, так что вряд ли рождение этого второго ребенка было для Адольфа травматическим переживанием, как склонны полагать некоторые психоаналитики. Мать, возможно, больше не баловала его, но она вовсе не отвернулась от него. Ей становилось все яснее, что он должен взрослеть, приспосабливаться к действительности, и, как мы еще увидим, она делала все возможное, чтобы оказывать поддержку этому

процессу.

Образ любящей и ответственной матери вызывает серьезные сомнения в отношении гипотезы о «квазиаутистском» детстве Гитлера и о его «злостной склонности к инцесту». Как понимать тогда детский период развития Гитлера? Обсудим несколько вариантов. Можно думать, что:

1) Гитлер по своей *конституции* (по складу характера) был настолько сдержанным и холодным, что *вопреки* теплоте и мягкости любящей матери в нем укреплялась почти аутистская установка.

2) Возможно, что робкий мальчик воспринимал столь сильную привязанность матери (которая подтверждается целым рядом фактов) как вмешательство в свою жизнь; и это отнюдь не способствовало смягчению его характера, а еще больше стимулировало его решительный “уход в себя”[6].

Насколько нам известно поведение Клары, любая из этих двух версий могла иметь место. С другой стороны, она ведь не излучала ни света, ни тепла; на ее лице редко появлялось радостное выражение, скорее оно несло следы грусти, подавленности и вечной озабоченности. Жизнь ее действительно нельзя назвать счастливой. Как было принято в среде немецко-австрийских буржуа, женщина должна была рожать детей, вести хозяйство и беспрекословно подчиняться авторитарной власти мужа.

А ее возраст, необразованность, социальное превосходство мужа, его эгоизм и жестокость еще больше закрепляли за ней эти традиционные роли. Так что, вероятнее всего, она превратилась в разочарованную и печальную женщину в результате обстоятельств, а не по причине своего характера или темперамента. И наконец, последняя версия (хотя и наименее вероятная). Не исключено, что за вечно озабоченной внешностью скрывалась замкнутость шизоидной натуры. Однако у нас нет достаточных данных об этой личности, чтобы доказать хотя бы одну из высказанных гипотез.

Алоис Гитлер

Алоис Гитлер – гораздо менее симпатичная фигура. Он был незаконнорожденным ребенком и потому носил поначалу фамилию своей матери – Шикльгрубер – и лишь значительно позднее сменил ее на фамилию Гитлер. Он не получил никакого содержания от родителей и все сделал в своей жизни сам. Упорный труд и самовоспитание помогли ему пройти путь от мелкого служащего австровенгерской таможни до «высшего чина", что дало ему безусловный статус уважаемого буржуа. Благодаря своей скромной жизни и умению экономить, он отложил столько денег, что смог купить имение и еще оставить семье приличное состояние, которое и после его смерти обеспечило жене и детям надежное существование. Конечно, он был эгоистичным, его не беспокоили чувства жены, впрочем, в этом отношении он, вероятно, был типичным представителем своего класса.

Алоис Гитлер был жизнелюбом; особенно он любил вино и женщин. Он не был бабником, но узкие рамки буржуазной морали были ему тесны. Он любил выпить стаканчик вина и не отказывал себе в этом, но вовсе не был пьяницей, как это сообщалось в некоторых публикациях. Но главное, в чем проявилась жизнеутверждающая направленность его натуры, было его увлечение пчеловодством. Большую часть своего досуга он обычно проводил рядом с ульями. Это увлечение проявилось рано; создание собственной пасеки стало мечтой всей его жизни. Наконец мечта осуществилась: он купил крестьянский хутор (сначала слишком большой, затем – поменьше), а к концу жизни оборудовал свой двор таким образом, что он доставлял ему огромную радость.

Алоиса Гитлера нередко рисуют жестоким тираном[7] – вероятно, для того, чтобы легче было объяснить характер его сына. Но он не был тираном, хотя и был авторитарной личностью; он верил в такие ценности, как долг и честь, и считал своим долгом определять судьбу своих сыновей до наступления их зрелости. Насколько известно, он никогда не применял к Адольфу телесных наказаний; он упрекал его, спорил с ним, пытался разъяснить ему, что для него хорошо, а что плохо, но он не был той грозной фигурой отца, которая внушает сыну не только почтение, ней ужас. Как мы увидим, Алоис рано заметил растущую в сыне безответственность и бегство от реальности, что заставило отца не раз одергивать Адольфа, предупреждать о последствиях и пытаться образумить сына. Многое указывает на

то, что Алоис Гитлер был достаточно терпимым к людям, он не был грубым, никогда не вел себя вызывающе и уж во всяком случае не был фанатиком. Этому образу соответствуют и его политические взгляды. Он проявлял большой интерес к политике, придерживаясь либеральных, антиклерикальных взглядов. Он умер от сердечного приступа за чтением газеты, но его последние слова выражали возмущение в адрес «черных», т. е. реакционных клерикалов.

Как объяснить, что два нормальных, добропорядочных и не деструктивных человека произвели на свет такое «чудовище», которым стал Адольф Гитлер?[8]

Раннее детство Адольфа Гитлера (до шести лет: 1889–1895)

Малыш был любимцем, мать берегла его как зеницу ока, никогда не ругала и всегда выражала свою нежность и восхищение. Он не мог ошибиться, все, что он делал, было замечательно, а мать при этом не спускала с него восторженных глаз. Очень может быть, что такое отношение способствовало формированию в его характере таких черт, как пассивность и нарциссизм. Ведь с его стороны не требовалось никаких усилий, чтобы услышать от матери, что он «великолепен»; ему не нужно было ни о чем беспокоиться, ибо любое его желание выполнялось незамедлительно. Он и сам мог приказывать матери и впадал в гнев, если хоть в чем-то получал отказ. Однако, как мы отмечали выше, именно преувеличенная опека со стороны матери могла восприниматься им как вмешательство в его дела, которого он позже постарался избежать. Отец по роду службы мало бывал дома, т. е. в доме отсутствовал авторитет мужчины, который мог бы оказать благотворное влияние на формирование мальчика. Пассивность и инфантилизм усиливались еще и тем обстоятельством, что мальчик часто болел, а это еще больше привязывало к нему любящую и заботливую мать.

Этот период закончился, когда Адольфу исполнилось шесть лет, а в семье к тому моменту произошло сразу несколько событий.

Самым главным событием с точки зрения классического психоанализа было рождение маленького брата, который был на 5 лет младше Адольфа и которому пришлось уступить кусочек места в сердце матери. Но подобное событие нередко оказывает не травмирующее, а вполне благотворное влияние на старшего ребенка, способствует ослаблению зависимости от матери и росту активности. Вопреки расхожим схемам, известные нам факты говорят о том, что маленький Адольф ни в коей мере не страдал от ревности, а целый год всем сердцем радовался рождению брата[9].

В это время отец получил новое назначение в Линц, но семья еще год оставалась в Пассау, чтобы не переезжать с новорожденным младенцем, а дать ему возможность акклиматизироваться.

Целый год Адольф жил райской жизнью пятилетнего ребенка, который играл в шумные игры со своими сверстниками из соседних домов. Излюбленными играми были игры в индейцев и

ковбоев, которые вели постоянные войны друг с другом. Привязанность к этим играм он сохранит на долгие годы. Поскольку немецкий городок Пассау был пограничным пунктом австро-германской границы, там находился австрийский таможенный контроль, так что, возможно, в военных играх были задействованы и такие «силы», которые участвовали во франко-германской войне 1870 г.; впрочем, национальность жертв мало кого волновала. Европа была полна героических юнцов, которые готовы были без разбору крушить и резать всех подряд, невзирая на этническую принадлежность. Этот год военных детских игр имел большое значение для последующей жизни Гитлера не в том смысле, что он жил на земле Германии, где усвоил баварский диалект, а в том, что это был для него год почти абсолютной свободы. Дома он начал настойчивее проводить свою волю, и, вероятно, в это время проявились первые приступы гнева, когда ему не удавалось настоять на своем. Зато на улице он не знал ограничений ни в чем – ни в фантазиях, ни в действиях.

Райская жизнь закончилась внезапно: отец вышел на пенсию, и семья переехала в Хафельд близ Ламбаха. Шестилетний Адольф должен был идти в школу. Тут он увидел «жизнь, ограниченную рамками предписанной деятельности, которая требовала от него дисциплины и ответственного отношения. Он впервые почувствовал необходимость постоянно кому-либо подчиняться».

Что можно сказать о формировании его личности в конце этого первого периода жизни?

С точки зрения теории Фрейда, в этот период развивались в полной мере оба аспекта Эдипова комплекса[10]: сексуальная тяга к матери и враждебность к отцу. *Кажется,* что эмпирические данные подтверждают гипотезу Фрейда: действительно, маленький Адольф был очень сильно привязан к матери и зол на отца; однако он не смог освободиться от Эдипова комплекса путем идентификации с отцом и создания своего сверх-Я[11]. Он не сумел преодолеть свою привязанность к матери, но, когда она родила ему маленького соперника, он почувствовал себя обманутым и отошел от нее, отдалился.

Однако возникают серьезные сомнения в правильности фрейдовской интерпретации. Если бы рождение брата было для пятилетнего Адольфа таким травмирующим фактором, что это привело к разрыву его связи с матерью и превращению любви в ненависть, то целый год после этого события не мог бы быть таким счастливым, чуть ли не самым счастливым годом в его жизни. И как объяснить тогда, что образ матери навсегда остался для него столь милым? Что одну ее фотографию он постоянно носил в нагрудном кармане, в то время как такие же точно

фотографии были и у него дома, и в Оберзальцбурге, и в Берлине?

И стоит ли считать его ненависть к отцу следствием Эдипова комплекса, коль скоро мы знаем, что отношение матери к отцу в самом деле не отличалось глубиной чувств? Гораздо убедительнее выглядит гипотеза о том, что этот антагонизм возник как реакция на требовательность отца, который хотел видеть в сыне послушание, дисциплинированность и ответственное отношение к делу. Проверим теперь гипотезу об упомянутой выше злокачественной инцестуозной связанности. Эта гипотеза должна была бы привести к выводу, что зацикленность Гитлера на матери не носила характера нежной и теплой привязанности; что он никогда не расставался со своим нарциссизмом (т. е. был всегда холоден и погружен в себя); что мать для него была не столько реальной личностью, сколько играла символическую роль; она была олицетворением безличной власти Земли, судьбы и даже смерти. Несмотря на свою холодность, Гитлер, видимо, был действительно связан симбиозными узами с матерью и ее символическими ипостасями. Подобная связь встречается нередко как своеобразная перевернутая форма мистицизма, когда конечной желанной целью представляется единение с матерью в смерти.

Если эта гипотеза верна, то легко понять, что рождение брата вовсе не было основанием для разочарования в матери. Да и в самом деле, вряд ли уместно говорить, что он отвернулся от матери, коль скоро он эмоционально никогда и не был близок к ней.

Но нам очень важно уяснить одну вещь: если мы хотим обнаружить причины формирования некрофильской личности Гитлера, то искать их нужно именно в склонности к кровосмешению, которая столь характерна для его детских впечатлений от матери. Главным символом матери стала для него сама Германия. Его зацикленность на матери (Германии) обусловила его ненависть к «отраве» (евреи и сифилис), от которой он должен был ее спасти; однако в более глубоком бессознательном пласте психики коренилось вытесненное желание к разрушению матери (=Германии). И он своими поступками доказал это и реализовал это свое желание начиная с 1942 г., когда он уже знал, что война проиграна, и до последнего приказа 1945 г. о полном уничтожении всех областей, захваченных противником. Именно такое поведение подтверждает гипотезу о его зловещей связанности с матерью. Отношение Гитлера к матери было совсем не похоже на то, что обычно характеризует «привязанность мужчины к матери», когда мы

встречаем теплые чувства, заботу и нежность. В таких случаях мужчина испытывает потребность быть рядом с матерью, делиться с ней; он чувствует себя действительно «влюбленным» (в детском смысле этого слова). Гитлер никогда не испытывал подобной привязанности (по крайней мере позже пяти лет от роду, а вероятнее всего, и раньше). Ребенком он больше всего любил убежать из дома и играть с ребятами в солдатики или в индейцев. О матери он никогда не думал и не заботился.

Мать замечала это. Кубичек отмечает, что Клара Гитлер сама ему сказала, что у Адольфа нет чувства ответственности, что он транжирит свое небольшое наследство, не думая о том, что у него есть мать и маленькая сестра, «он идет своим путем, словно он один живет на свете». Недостаток внимания к матери стал особенно заметным, когда она заболела. Хотя в январе 1907 г. ей поставили онкологический диагноз и сделали операцию, Гитлер в сентябре уехал в Вену. Щадя его, мать скрывала от него свое плохое самочувствие; а его это вполне устраивало. Он вовсе и не пытался выяснить истинное положение дел, хотя ему ничего не стоило навестить ее в Линце – это было совсем близко и в финансовом отношении не составляло никаких трудностей. Он даже не писал ей писем из Вены и тем самым доставлял ей массу волнений. Как сообщает Смит, Гитлер вернулся домой уже после смерти матери.

Правда, Кубичек приводит другие факты: он говорит, что Клара Гитлер просила сына приехать и поухаживать за ней, когда почувствовала себя совершенно беспомощной, и в конце ноября он приехал и ухаживал за нею около трех недель вплоть до самой смерти. Кубичек отмечает, что был крайне удивлен, увидев, как его друг моет пол и готовит еду для матери. Внимание Гитлера к одиннадцатилетней сестренке проявилось в том, что он заставил ее дать маме обещание быть прилежной ученицей. Кубичек трогательно описывает отношение Гитлера к матери, желая подчеркнуть его любовь к ней. Но этим сообщениям нельзя в полной мере доверять. Ибо Гитлер мог и в данном случае воспользоваться ситуацией, чтобы «поработать на публику” и произвести хорошее впечатление. Возможно, он и не отказал матери, когда она попросила его о помощи; да и три недели – не такой уж это большой срок, чтобы устать от роли любящего сына. Все же описание Кубичека выглядит малоубедительным, ибо противоречит общей позиции Гитлера и его поведению в целом[12]. Подводя итог, следует сказать, что мать Гитлера никогда не была для него объектом любви и нежной привязанности. Она была для него символом богини-хранительницы, достойной восхищения, но также богиней хаоса и

смерти. Одновременно она была объектом его садистской жажды власти и господства, которая переходила в бешенство, если он хоть в чем-то встречал отказ.

Детство Гитлера (с шести до одиннадцати лет: 1895–1900)

Переход из детства в школьные годы произошел внезапно. Алоис Гитлер ушел на пенсию и с этого дня мог посвятить себя семье, особенно воспитанию сына. Он приобрел дом в Хафельде, неподалеку от Ламбаха. Адольф пошел в маленькую деревенскую школу в Фишламе, где он чувствовал себя очень хорошо. Внешне он подчинялся приказам отца. Но Смит пишет: «Внутренне он сопротивлялся. Он умел манипулировать матерью и в любой момент мог закатить скандал». Вероятно, ребенку такая жизнь доставляла мало радости, даже если дело и не доходило до серьезных стычек с отцом. Но Адольф открыл для себя сферу жизни, которая позволяла ему забыть все регламентации и ограничения *(недостаток свободы)*.

Это были игры с ребятами в солдаты и в индейцев. Уже в эти юные годы со словом «свобода» Гитлер связывал свободу от ответственности и принуждения, и прежде всего «свободу от реальности[13]», а также ощущение лидерства. Если проанализировать суть и значение этих игр для Гитлера, то выяснится, что здесь впервые проявились те самые черты, которые с возрастом усилились и стали главными в его характере: потребность властвовать и недостаточное чувство реальности. Внешне это были совершенно безобидные игры, соответствующие возрасту, но мы увидим дальше, что это не так, ибо он не мог оторваться от них и в те годы, когда нормальные юноши уже этим не занимаются.

В последующие годы в семье произошли значительные перемены. Старший сын Алоиса в 14 лет, к огорчению отца, ушел из дома, так что роль старшего сына теперь досталась Адольфу. Алоис продал свое имение и перебрался в город Дамбах. Там Адольф стал учиться в довольно современной школе и делал это неплохо, во всяком случае, достаточно успешно, чтобы избегать серьезных разногласий с сердитым отцом.

В 1898 г. семья еще раз сменила место жительства, на сей раз они поселились в отдаленном районе Линца, в местечке под названием Леондинг, а Адольф в третий раз сменил школу. Алоису Гитлеру новое место пришлось по душе. Здесь он мог сколько угодно разводить пчел и вести разговоры о политике. Он по-прежнему был главой дома и не допускал сомнений в своем авторитете. Его лучший друг по Леондингу Иозеф Маиерхофер скажет позднее: «В семье он был строг и не церемонился, его жене

было не до смеха. Он не бил детей, Адольфа никогда и пальцем не тронул, хотя и «ругался и ворчал постоянно. Но собака, которая лает, не обязательно кусает. А сын его уважал».

Биограф рисует нам портрет авторитарной личности, довольно сурового отца, но вовсе не жестокого тирана. Однако Адольф боялся отца, и этот страх мог стать одной из причин его недостаточной самостоятельности, о которой мы еще услышим. Однако авторитарность отца нельзя рассматривать вне связи с другими обстоятельствами; если бы сын не настаивал, чтобы его оставили в покое, если бы он проявлял больше чувства ответственности, то, возможно, и с таким отцом установились бы дружественные отношения, ведь отец желал сыну добра и вовсе не был деструктивной личностью. Так что заключение о «ненависти к авторитарному отцу» в значительной мере является преувеличением, это своего рода клише, как и Эдипов комплекс.

Так или иначе, а пять лет мальчик проучился в народной (начальной) школе без проблем. Он был, вероятно, умнее многих одноклассников, учителя к нему лучше относились (из почтения к социальному статусу семьи), и он получал самые хорошие оценки, не прилагая к тому особых усилий. Таким образом, школа не стимулировала его к успеху и не нарушала его строго сбалансированную систему компромиссов между приспособлением и бунтом.

Нельзя сказать, что к концу этого периода наметились явные ухудшения. Но есть и некоторые тревожные симптомы: ему не удалось преодолеть нарциссизм раннего детства; он не приблизился к реальности, а оставался в мире фантазий; он жил в иллюзорном царстве свободы и власти, а мир реальной деятельности был от него далек и мало интересовал его. Первые школьные годы не помогли ему перерасти инфантильности раннего детства. Но внешне все пока было благополучно, и дело не доходило до открытых конфликтов.

Отрочество и юность (с одиннадцати до семнадцати лет: 1900–1906)

Поступление Гитлера в реальное училище (среднюю школу) и первые годы после смерти отца явились решающим поворотным пунктом в негативном развитии его характера и усилили тенденцию формирования злокачественных черт этой личности.

Важными событиями, произошедшими за 3 года до смерти отца в 1903 г., были:

1) его проблемы в реальном училище;

2) конфликт с отцом, настаивавшим на том, чтобы он стал государственным чиновником;

3) факт, что он все больше погружался в фантастический мир своих игр.

В своей книге “Майн кампф” (“Моя борьба”) сам Гитлер дает убедительное объяснение этому, чтобы тем самым оправдать себя. Он, свободный и независимый человек, не мог допустить и мысли о том, чтобы состоять на государственной службе. Для него лучше быть художником. Поэтому он восстал против школы и забросил свои занятия, чтобы вынудить отца разрешить ему стать художником. Однако если мы тщательно рассмотрим известные нам факты, то получим совершенно иную картину:

1) то, что он плохо учился в школе, объясняйтесь целым рядом причин, на которых мы остановимся ниже;

2) его идея стать художником была, в сущности, выражением его неспособности к любому виду работы, требующей дисциплинированности и приложения усилий;

3) конфликт с отцом заключался не только в его отказе стать государственным чиновником, а и в том, что он постоянно прятался от всех требований реальной жизни.

То обстоятельство, что он потерпел неудачу в реальном училище, не подлежит сомнению, и к тому же это отмечено очевидными фактами. Уже на первом году учебы он учился так плохо, что был оставлен на второй год. В следующем году, чтобы перейти в третий класс, он должен был сдавать экзамены по некоторым предметам. В четвертый класс его перевели с условием, что он уйдет в другую школу. По этой причине он поступил в государственное высшее реальное училище в Штейре, однако еще до окончания 4-го класса решил, что последний, пятый, класс он посещать не будет. Одно событие в конце последнего года обучения имело, возможно, некий символический смысл. Получив аттестат, он пошел со своими

товарищами в трактир выпить вина. Дома он обнаружил, что потерял свой аттестат. Он еще придумывал, как бы это объяснить, как вдруг его вызвали к директору училища. Аттестат нашли на улице: он использовал его как туалетную бумагу. Как бы ни был он пьян, в этом поступке символически выражается его ненависть и презрение к школе.

Некоторые причины неудач Гитлера в реальном училище более понятны, чем другие. Так, например, ясно, что в народной школе он многих превосходил, поскольку по своим способностям был выше среднего уровня. Он обладал талантом и красноречием, ему не надо было прилагать каких-то усилий, чтобы превзойти своих одноклассников и получить отличные отметки. В реальном училище, напротив, ситуация была иной. Здесь средний уровень интеллекта учащихся был выше, чем в народнойшколе. Уровень образованности учителей был выше, а требования – строже. Да и его социальное происхождение не производило на учителей никакого впечатления; оно было не лучше, чем у других учеников, т. е. чтобы 4 иметь успех в реальном училище, нужно было действительно работать.

Эта работа не была изнурительной, но все же была сложнее, чем привык делать молодой Гитлери на что он был способен. Для крайне самовлюбленного подростка, который, не прилагая каких-либо усилий, имел успех в народной школе, новая ситуация, по-видимому, была шоком. Это был вызов его самолюбию и доказательство того, что он не может справиться с действительностью так, как он это делал раньше.

Подобная ситуация, когда у ребенка после успешной учебы в народной школе возникают трудности на новом месте, встречается нередко. Часто она заставляет ребенка изменить свое отношение к учебе, преодолеть, хотя бы частично, свою инфантильность и приложить старание к учебе. Но на Гитлера эта ситуация все же не оказала подобного воздействия. Вместо того чтобы приблизиться к действительности, он еще больше ушел в свой мир фантазии и избегал тесных контактов с людьми.

Если бы его неудачи в высшем реальном училище объяснялись тем, что большинство изучаемых там предметов его не интересовало, то над теми предметами, которые ему нравились, он работал бы прилежно. Этого не произошло, доказательством чему может служить тот факт, что он не старался изучить даже немецкую историю, хотя этот предмет его воодушевлял и волновал. (Хорошие оценки он получал только по рисованию, но так как он обладал художественным даром, то ему и не нужно было прилагать усилий.) Эта гипотеза однозначно подтверждается тем фактом, что он и в более поздний период

своей жизни не был способен к труду, требующему усилий, ни в одной области; единственное, что его действительно интересовало, была архитектура. Мы еще будем говорить о неспособности Гитлера к систематической работе: он работал только под давлением срочной необходимости или в порыве страсти. Я упоминаю об этом здесь, чтобы подчеркнуть, что его неудачи в реальном училище нельзя объяснить его «художественными» интересами.

В эти годы Гитлер еще больше отошел от действительности. В сущности, он никем не интересовался – ни своей матерью, ни своим отцом, ни своими братьями и сестрами. Он вспоминал о них лишь тогда, когда возникала необходимость, и для того, чтобы его оставили в покое. Он не тратил на них душевных сил. Его единственным, страстным интересом были военные игры с другими детьми, причем он был руководителем и организатором. В то время как для мальчика от девяти до одиннадцати лет эти игры вполне подходили, для подростка, посещавшего реальное училище, такое пристрастие было странным. Характерна одна сцена во время его конфирмации в возрасте 15 лет. Один из членов семьи устроил небольшой дружеский вечер в честь конфирманта, однако Гитлер был недоволен и раздражен и при первой же возможности убежал из дому, чтобы поиграть с ребятами в войну.

Военные игры выполняли несколько функций. Они давали ему чувство удовлетворения в том, что он обладал силой убеждения и мог заставить других подчиняться ему. Они укрепляли в нем нарциссизм, и прежде всего они перемещали центр его жизненных интересов в фантастический мир, тем самым способствуя тому, что он все больше отходил от действительности, от реальных людей, реальных достижений и реальных знаний. Эта склонность к миру фантазии нашла яркое выражение в его страстном интересе к романам Карла Мэя. В Германии и Австрии практически все мальчишки зачитывались повестями этого писателя. Восхищение Гитлера его рассказами было для ученика последних классов народной школы вполне нормальным, но Смит пишет следующее:

В последующие годы дело приобрело более серьезный оттенок, так как Гитлер никогда не утратил интереса к рассказам Карла Мэя. Он читал его в юношеском возрасте и в 20–30 лет. Даже будучи уже рейхсканцлером, он все еще восхищался писателем и еще раз прочитал серию рассказов об американском Западе. Он никогда не скрывал своего восторга перед его книгами. В «Застольных беседах» он превозносит Мэя и рассказывает, сколько радости он испытывает, читая его книги.

Он почти с каждым говорил о Мэе – с руководителем отдела печати, с секретаршей, с камердинером и с товарищами по партии.

Я бы все же иначе интерпретировал этот факт, нежели Смит. Он полагает, что восхищение Гитлера романами Карла Мэя было для него таким счастливым событием, что «он взял их с собой в период своего трудного полового созревания». В какой-то мере это верно, однако я думаю, что здесь упускается очень важный момент. Увлечение романами Мэя следует рассматривать в связи с военными играми Гитлера и как возможность для выражения его фантастического мира. То, что он из детства и юности перенес свое увлечение книгами Мэя во взрослую жизнь, позволяет предположить, что они были для него бегством от реальности, выражением нарциссизма, когда центром мира оказывался он сам: Гитлер, фюрер, борец и победитель. Конечно, у нас нет убедительных доказательств. Но если сопоставить поведение Гитлера в молодые годы с фактами его последующей жизни, то вырисовывается вполне определенная модель поведения; он нарцисс – человек, считающийся только сам с собой, для которого мир фантазии был реальнее, чем сама реальность. Если мы вспомним, что еще в 16 лет молодой Гитлер жил в своем фантастическом мире, то возникает вопрос: как удалось этому мечтателю, думающему только о себе, стать властелином Европы – хоть и на короткое время? Подождем с ответом на этот вопрос, а пока продвинемся немного дальше в нашем анализе развития и становления личности Гитлера.

Какими бы ни были причины его неудач в реальном училище, последствия этого, несомненно, отразились на духовном, эмоциональном мире юного Гитлера. Речь идет о мальчике, которым восхищалась мать и который успешно учился в народной школе, был вожаком среди своих товарищей; для него все эти незаслуженные успехи были только подтверждением его нарциссической уверенности в своей исключительной одаренности. И вдруг практически сразу, без какого-либо перехода он оказывается в положении неудачника. Он не смог скрыть эту неудачу от отца с матерью. И это, очевидно, сильно ударило по его нарциссизму. Если бы он мог признаться себе, что все его неудачи объясняются тем, что он не способен интенсивно трудиться, то, возможно, он смог бы преодолеть эти трудности, так как, без сомнения, обладал способностями для успешной учебы в реальном училище[14].

Но из-за своего непомерного нарциссизма Гитлер не мог этого понять. Кроме того, он чувствовал себя не в состоянии хоть как-то изменить реальность и потому постарался ее исказить и

отвергнуть. И ему это удалось: он обвинил в своих неудачах учителей и отца и заявил, что в них нашло выражение его страстное стремление к свободе и независимости. Он спрятался от жизни, создав себе имидж «художника». Мечта стать когда-нибудь великим художником заменила ему реальность, а тот факт, что он никогда серьезно не работал над осуществлением своей мечты, доказывает, что эта идея была лишь чистой фантазией. Неудачи в училище были его первым поражением и унижением, за которыми последовал ряд других. Можно было бы с уверенностью сказать, что это значительно усилило его презрение и ненависть ко всем, кто был причиной или свидетелем его поражения, и его ненависть вполне могла стать началом его некрофилии, если бы у нас не было оснований считать, что корни ее еще глубже, что они связаны с злокачественными инцестуозными страстями.

Смерть отца не произвела на 14-летнего Гитлера заметного впечатления. Если бы было правдой то, что позднее писал сам Гитлер, – его неудачи в училище объяснялись конфликтом с отцом, – то со смертью жестокого тирана и соперника пробил бы час его освобождения. Он мог бы чувствовать себя свободным, строить реальные планы на будущее, упорно работать над их осуществлением – и, возможно, проявил бы свою привязанность к матери. Но ничего подобного не произошло. Он продолжал жить так же, как и прежде. Но, по словам Смита, его жизнь была «не более чем поток фантазий и развлечений». Выхода из этого состояния Гитлер не видел.

Теперь еще раз проанализируем конфликт Адольфа с отцом, возникший после поступления в высшее реальное училище. Алоис Гитлер решил, что сын обязан учиться в высшем реальном училище. Хотя мальчик не проявлял особого интереса к этому плану, он согласился. Как пишет сам Гитлер в книге «Майн кампф», до настоящего конфликта дело дошло лишь тогда, когда отец стал настаивать на том, что он должен стать чиновником. Само по себе это желание было естественным, так как отец, находясь под впечатлением своего собственного успеха на служебном поприще, полагал, что и сын на этой стезе мог бы сделать карьеру. Когда же сын выразил совершенно противоположное желание – стать художником, живописцем, – отец, по словам Гитлера, заявил: «Нет, пока я жив, этого не будет никогда». Адольф сказал, что вообще больше ничего не будет делать в училище, а когда отец не уступил, то стал «отмалчиваться, но свою угрозу выполнил». Таково объяснение Гитлера по поводу его неудач в училище, однако оно слишком удобно, чтобы быть правдой.

Это объяснение должно подтвердить тот имидж, который Гитлер создал сам себе. Это образ человека жестокого и решительного, который к 1924 г. (когда он работал над книгой «Майн кампф») имел уже за спиной долгий путь восхождения и был полон решимости идти до окончательной победы. Одновременно это имидж неудавшегося художника, который, желая спасти Германию, занялся политикой.

Но прежде всего это объяснение оправдывает его плохие отметки в реальном училище, его медленное взросление, и в то же время оно пытается представить его юность в несколько героическом Ореоле – что, впрочем, было достаточно трудной задачей. Эта история сыграла свою роль в последующих спектаклях фюрера и достигла цели, так что вполне уместен вопрос, а не придумал ли он все это нарочно…

То, что отец хотел сделать из своего сына государственного чиновника, вполне возможно, соответствует действительности; но, с другой стороны, он не предпринял никаких решительных мер, чтобы склонить его к этому. Гитлер не был похож в своих поступках на старшего брата, который в 14 лет не доказывал свою независимость и не сопротивлялся отцу. Но вместе с тем у него хватило отваги совершить поступок, покинув родительский дом. Адольф, напротив, приспособился к ситуации и еще больше замкнулся в себе.

Чтобы выяснить причину конфликта, необходимо понять позицию отца. Наверняка он, как и мать, заметил, что у сына не было никакого чувства ответственности, желания трудиться и что он вообще ничем не интересовался. Будучи человеком интеллигентным и доброжелательным, он не особенно переживал о том, станет ли его сын государственным чиновником или выберет другую стезю. Но он, должно быть, почувствовал, что намерение стать художником было лишь уловкой: попыткой оправдать свое легкомыслие и отговоркой для дальнейшего безделья. Если бы сын сделал какое-то встречное предложение – если бы он, к примеру, сказал, что хочет изучать архитектуру, и доказал бы своими результатами в школе, что это для него действительно важно, – то, вероятно, отец реагировал бы иначе. Но поведение Адольфа не оставляло сомнений в полнейшем отсутствии у него мало-мальски серьезных намерений. Он даже не попросил о разрешении брать уроки рисования. Ну и, наконец, еще одним аргументом, свидетельствующим, что причиной его неудач в училище было не противодействие отцу, служит все его поведение. После смерти отца, когда мать пыталась вернуть его с небес на землю, он, уйдя из реального училища, решил остаться дома и «читать, рисовать и мечтать. Он удобно устроился в

квартире на Гумбольдтштрассе (куда тем временем переехала мать), где он мог делать все, что хотел. Он готов был терпеть присутствие матери и сестры Паулы в своей святая святых, ибо избавиться от них он мог, лишь приняв неприятное решение – уйти из дома и начать работать. Разумеется, они не могли ему перечить, хотя мать оплачивала его счета, а сестра обслуживала его».

Мать беспокоилась о нем и уговаривала его относиться к жизни серьезнее. Она не настаивала на том, чтобы он стал чиновником, однако пыталась пробудить в нем серьезный интерес хоть к какому-нибудь делу. Она послала его в Мюнхен в Академию художеств. Там он прожил несколько месяцев, и на этом все и закончилось. Гитлер любил элегантно одеваться, и мать из кожи вон лезла, чтобы он был одет как денди, вероятно, надеясь, что это откроет ему лучшие общественные перспективы. И если это был ее замысел, то он потерпел полный крах. Одежда была для него лишь символом независимости и самодовольной изоляции.

Мать сделала еще одну попытку пробудить у Адольфа интерес. Она дала ему деньги для 4-недельной поездки в Вену. Он прислал ей пару почтовых открыток, где с восторгом писал о «могущественном величии», «достоинстве» и «великолепии» зданий. Его орфография и знаки препинания, однако, были намного ниже уровня, какого можно было бы ожидать от 17-летнего юноши, посещавшего 4 года реальное училище. Мать позволила ему брать уроки музыки (отец за несколько лет до того предлагал брать уроки пения), и Гитлер занимался этим несколько месяцев. В конце 1907 г. он отказался и от музыки, так как ему не нравилось разучивать гаммы. Может быть, он и без того должен был бы прекратить эти занятия, так как прогрессирующая болезнь матери вынуждала семью ограничивать расходы.

Его реакция на самые робкие и нежные попытки матери привлечь его к какому-либо реальному делу доказывает, что он был просто эгоистическим бездельником, и потому его отношение к отцу и противодействие его требованиям следует понимать не просто как упрямство, а как полную безответственность лентяя по отношению к благоразумный советам взрослого человека. Здесь и таится причина конфликта – речь шла не просто об его отказе от государственной службы и еще Меньше об Эдиповом комплексе. Нам следует искать объяснение в склонности Гитлера к безделью и в его страхе перед любым трудом. Это поможет нам в дальнейшем, когда у нас будет достаточно обоснованных фактов о поведении подобной категории детей с ярко выраженной

привязанностью к матери. Очень часто они неосознанно ожидают, что она сделает для них все точно так же, как она делала это в раннем детстве. Они считают, что им совсем не надо прилагать каких-либо усилий, что они не должны сами поддерживать порядок. Они спокойно могут оставить все разбросанным и ожидать, когда мать все уберет за них. Они живут в своего рода «раю», где от них ничего не требуют и где для них все сделают. Я полагаю, что такое объяснение подходит и к случаю с Гитлером. По-моему, это не противоречит гипотезе о холодном и отстраненном характере его привязанности к матери. Она несет эту функцию квазиматери, хотя он по-настоящему не чувствовал к ней ни любви, ни привязанности.

Описание безделья и лени Адольфа Гитлера в училище, его неспособности к серьезному труду, нежелания продолжить образование может у некоторых читателей вызвать вопрос: ну что тут особенного? В наши дни тоже есть немало молодых людей, которые бросают школу или училище; многие из них проклинают педантизм и бесплодное школярство и строят планы свободной, независимой жизни без авторитетов, когда им не будут мешать ни отец, ни другие авторитарные личности. Однако эти молодые люди не имеют ничего общего с некрофильским типом личности, совсем напротив, большинство из них представляют собой открытый, жизнеутверждающий, независимый тип личности. Некоторые читатели могут усомниться, а не является ли мое толкование поведения Гитлера слишком консервативным.

По поводу этих возражений я должен сказать следующее:

1) Конечно, есть много разных молодых людей, которые бросают школу, но нельзя их всех стричь под одну гребенку. Здесь более, чем где-либо еще, важен индивидуальный подход.

2) В то время, когда Гитлер был молодым, такие случаи были крайне редкими, поэтому у нас практически нет модели для анализа.

3) Еще более важным является наблюдение, которое касается самого Гитлера: он не только не интересовался школьными предметами, он *вообще ничем* не интересовался. Он ни к чему не прилагал усилий – ни тогда, ни потом (мы встретим это отвращение к труду и в то время, когда он изучал архитектуру). Он был ленивым не потому, что у него были незначительные потребности, он не был просто гедонистом, который не имеет определенной жизненной цели. Наоборот, у него было острое честолюбие, жажда власти – то, что заставляет человека действовать. Кроме того, у него были огромные жизненные силы, какая-то витальная энергия держала его в постоянном напряжении, он был всегда «на взводе», и состояние спокойной

радости ему было просто незнакомо. Эти черты очень сильно отличают Гитлера от основной массы лентяев, бросающих школу. Те же из них, кто страдает таким же честолюбием и, не имея никаких серьезных жизненных интересов, стремится к власти, представляют настоящую угрозу для окружающих.

Когда я категорически утверждаю, что неспособность трудиться и отсутствие чувства ответственности – однозначно отрицательные свойства личности, меня могут упрекнуть в «консерватизме». Но я считаю, что здесь мы выходим на очень важный фактор, имеющий отношение к «радикализму» современной молодежи. Нельзя путать лень с отсутствием интереса, лень лени рознь. Одно дело, когда человек любит одни учебные дисциплины, а другие – ну терпеть не может, и совсем другое, когда человеку вообще ничего не интересно. Попытки уклониться от ответственности и серьезной работы обусловлены неправильным развитием в период становления личности, и это – факт, который должны иметь в виду родители и не возлагать на общество вину за дурные нравы своих детей. А если кто-то считает, что отсутствие постоянного труда формирует революционеров, то он заблуждается. Умение напряженно трудиться, самоотверженность, сосредоточенность – вот что составляет сущность настоящей, развитой личности (в том числе и личности революционера).

Вена (1907–1913)

В начале 1907 г. мать Гитлера предоставила ему финансовую возможность переехать в Вену, чтобы изучать живопись в Академии художеств. Благодаря этому Гитлер стал полностью независимым. После избавления от отцовского гнета он стал теперь недосягаем и для полных любви увещеваний матери и мог делать все, что хотел. Ему не надо было думать о деньгах, так как он спокойно мог жить какое-то время на деньги, унаследованные от отца, и на пенсию, которую выплачивало государство детям умерших чиновников. Он оставался в Вене с 1907 по 1913 г., здесь закончилась его юность и начался период молодости. Что делал он в этот важный период? Прежде всего он облегчил свою жизнь в Вене тем, что уговорил поехать с собой Августа Кубичека, товарища его последних лет в Линце. Кубичек и сам очень хотел этого, но отец его яростно сопротивлялся художественным планам своего сына, и переубедить его было довольно трудно, так что удачу в этом деле можно считать первым проявлением гитлеровского дара убеждать. Кубичек, так же как и Гитлер, был пламенным поклонником Вагнера.

Это общее восхищение свело их в оперном театре в Линце, и они стали большими друзьями. Кубичек работал учеником в отцовском магазине мягкой мебели, но у него была мечта стать музыкантом. Он обладал большим чувством ответственности и был прилежнее Гитлера. Но по личностным качествам он был, конечно, значительно слабее Гитлера и потому очень скоро попал под его влияние. Гитлер проверял на нем свою способность оказывать влияние на других. Кубичек им постоянно восхищался и неизменно укреплял его самовлюбленность. Эта дружба была для Гитлера во многих отношениях некой заменой того, что давали ему прежде игры с товарищами: ведь ему всегда нравилось быть предводителем и вызывать восхищение.

Вскоре после приезда в Вену Гитлер явился в Академию художеств и подал заявление о допущении к ежегодному вступительному экзамену. Он, очевидно, не сомневался, что его примут. Однако экзамен он не сдал; выдержав первый экзаменационный этап, второй он провалил.

Сам Гитлер пишет в книге «Майн кампф»: «Я был так уверен в успехе, что отказ был для меня как гром среди ясного неба». Он пишет, что один из профессоров Академии художеств сказал ему, что, по-видимому, он имеет большую склонность к архитектуре, чем к живописи. Но даже если это и соответствовало истине, Гитлер все же не последовал его совету. Его могли принять в

архитектурную школу при Академии при условии, если он еще год будет посещать реальное училище. Но нет фактов, доказывающих, что он всерьез думал об этом. Слова Гитлера в «Майн кампф" не соответствуют действительности. Он пишет, что осуществление его творческих стремлений сорвалось «из-за человеческих стереотипов мышления»: ведь у него не было аттестата зрелости. А затем идет чистое самолюбование и хвастовство: «Я хотел стать архитектором; препятствия же существуют не для того, чтобы перед ними капитулировать, а для того, чтобы их преодолевать. И я хотел их преодолеть…» Но в действительности все было как раз наоборот.

Его личность и образ жизни не позволяли ему признать свои ошибки и оценить провал на экзамене как признак того, что следует измениться самому. Его эскапизм[15] еще больше усилился из-за его социального снобизма и презрения к любому труду (особенно к работе грязной, утомительной и унизительной). Это был молодой, невежественный сноб, который так долго был предоставлен самому себе, что мог думать лишь о той, как облегчить себе жизнь. После провала в Академии единственное, что ему оставалось, – это вернуться на Штумпергассе и жить дальше так, будто бы ничего не случилось. В этом святом уединении он снова предался тому, что высокопарно именовал «занятиями». На самом деле он просто бесцельно что-то рисовал и время от времени шел в город на прогулку или в оперу. Окружающим людям Гитлер говорил, что учится в Академии художеств, и повторял эту ложь даже Кубичеку, когда тот приехал в Вену. Но однажды Кубичек усомнился в его словах, он просто не мог себе представить, как это можно совместить: учиться в Академии и вместе с тем с утра до вечера валяться в кровати. Гитлер сказал ему правду. Он яростно проклинал всех преподавателей Академии художеств и грозился доказать им, что и без их помощи станет знатоком в области архитектуры. Его «метод изучения» состоял в том, что он бродил по городу, разглядывал монументальные строения, а вернувшись домой, делал бесконечные рисунки, наброски, эскизы фасадов. Его уверенность в том, что таким образом можно подготовиться к профессии архитектора, свидетельствовала лишь о недостатке чувства реальности. С Кубичеком он обсуждал планы архитектурного обновления Вены, а также свое намерение написать оперу. Он посещал парламент, чтобы послушать дебаты в рейхсрате. Он еще раз подал заявление в Академию художеств, но на этот раз не был допущен даже к первому экзамену.

Больше года он провел в Вене, не занимаясь ничем серьезным. На вступительных экзаменах он дважды провалился,

однако продолжал утверждать, что находится на пути в большое искусство. Несмотря на весь этот обман и показуху, у него самого, видимо, все-таки было ощущение провала, который он потерпел за год. И это было гораздо серьезнее, чем в реальном училище, когда он мотивировал свои неудачи желанием стать художником. Не состоявшись как художник, он не имел больше подобных оправданий. Он получил отпор именно в той области, которая, по его убеждению, сулила ему большое будущее. И ему не оставалось ничего другого, как обвинить профессоров Академии, общество и весь мир. Тогда, очевидно, начала крепнуть его ненависть к жизни. При этом нарциссизм заставлял его все больше и больше отворачиваться от реальности[16].

С этого момента Гитлер почти полностью изолировался от людей, и это ярче всего выразилось в том, что он внезапно порвал отношения даже с Кубичеком, который был единственным человеком, с кем он хоть изредка еще общался. Он отказался от комнаты, которую они вместе снимали, сделал это в его отсутствие, когда Кубичек был у родителей, и даже не оставил ему своего нового адреса. Кубичек потерял его из виду и встретился с ним только тогда, когда Гитлер был уже рейхсканцлером.

Приятное времяпрепровождение – безделье, вечные разговоры, прогулки и рисование – медленно подходило к концу. При экономной жизни денег у него оставалось не больше чем на год. Поскольку говорить ему было не с кем, он начал больше читать. В то время в Австрии было много политических и идеологических групп, которые выступали с позиций немецкого национализма: «национал-социализма» (в Богемии) и антисемитизма или расизма. Все они действовали разрозненно, выпуская свои издания, проповедуя свою собственную идеологию. Гитлер взахлеб читал все эти памфлеты и жадно впитывал смесь из национал-социалистских и расистских идей, которые впоследствии были положены в основу его собственной концепции великой Германии. Итак, в этот венский период он не стал художником, зато заложил основу для будущей политической карьеры. Осенью 1904 г. у него закончились деньги, и он тайно покинул квартиру, не заплатив за жилье. Началась пора тяжелых испытаний. Он ночевал на скамейках, в ночлежках, а к декабрю 1909 г. стал настоящим бродягой и проводил ночи в приюте, который существовал на средства филантропического общества защиты бездомных. Молодой человек, который менее трех лет назад прибыл в Вену с твердым намерением стать великим художником, вместо этого стал бездомным бродягой, который с жадностью кидался к филантропической тарелке

горячего супа и не имел никаких видов на будущее. Но при этом он ничего не делал, чтобы заработать себе на жизнь. Он сник. И уже сам факт пребывания в приюте для бездомных, по словам Смита, свидетельствовал о том, что он «признал свое окончательное поражение».

В результате этого поражения Гитлер не состоялся не только как художник, он не состоялся и как представитель немецкого среднего класса, как сытый, хорошо одетый бюргер с приличным образованием, имеющий право и привычку презирать представителей низших слоев. Теперь он сам пополнил эту армию отверженных, убогих, он стал бродягой, а они считаются отбросами общества. Это было сильным унижением для представителя среднего класса, для любого буржуа, а уж тем более для такого нарцисса, каким был Адольф Гитлер. Но зато он был упрям, и это не позволило ему отчаяться. Более того, столь безнадежная ситуация в какой-то мере, видимо, заставила его собрать свои внутренние ресурсы. Ведь самое страшное уже было позади, он опустился на самое дно, но не утратил ни капли своего нарциссизма.

Теперь надо было выйти из состояния унижения и краха, отомстить своим «врагам» и доказать всем, что этот нарцисс и в самом деле чего-то стоит.

Этот процесс можно лучше понять, если вспомнить известные нам клинические случаи крайнего нарциссизма. В кризисных ситуациях чаще всего нарцисс не способен оправиться от удара. Поскольку его внутренний мир (субъективная реальность) и внешний (объективная реальность) совершенно не совпадают, наступает полное раздвоение личности, от которого он буквально впадает в душевное расстройство. Иногда нарциссу удается найти некоторое убежище в реальной жизни. Например, его может устроить положение подчиненного, которое позволяет сохранять нарциссические мечты, обвинять весь мир в своих бедах и жить, ничего не делая и не страдая от ощущения катастрофы. Особо одаренный человек может найти другой выход. Он может попытаться преобразовать реальность так, чтобы воплотить в жизнь свои фантазии. Но для этого требуется не только талант, но и соответствующие исторические условия. Нередко возможность такого решения предоставляется политическим лидерам в периоды социальных кризисов. Если у лидера есть дар убеждения, если он умеет говорить с народом, если он достаточно ловок, чтобы организовать массы, то он может преобразовать реальность в соответствии со своей фантазией. Нередко демагог, стоящий на грани психоза[17], спасается от безумия тем, что внешне «сумасшедшие» идеи он выдает за

«рациональные». И кажется, что в политической борьбе кое-кто руководствуется не только стремлением к власти, но и необходимостью спастись от безумия.

Теперь мы вернемся к тому пункту, где мы оставили Адольфа Гитлера. Это был самый критический, самый горький период его жизни. Он продолжался не очень долго – быть может, пару месяцев, и окончился без всяких усилий с его стороны. Позднее в книге «Майн кампф» Гитлер утверждал, что он никогда ничего не делал собственными руками. В тот же момент его положение улучшилось вскоре после того, как он подружился со старым бродягой по имени Ханиш. Это был отвратительный тип, который, как и Гитлер, проявлял интерес к живописи и к политике[18]. Ханиш сделал Гитлеру практическое предложение, как обоим выбраться из крайнего кризиса. Гитлер должен был попросить у матери некоторую сумму денег на покупку красок. Тогда он сможет рисовать почтовые открытки, а Ханиш будет их продавать. Гитлер последовал его совету. Ему прислали 50 крон, на которые он купил бумагу, краски и пальто, в котором крайне нуждался. Затем они с Ханишем обосновались в маленьком приюте (приличное заведение для бездомных мужчин). Здесь Гитлеру разрешили рисовать в большом общем зале.

Все шло хорошо. Адольф рисовал почтовые открытки, а Ханиш продавал их на улице. Затем Гитлер нарисовал несколько больших картин (акварелью и масляными красками). Ханишу удалось продать их – кое-что в художественный салон, а кое-что даже антиквару. Теперь все было бы совсем неплохо, если бы не одна проблема: Гитлер не умел и не хотел трудиться! Как только у него появлялось хоть немного денег, он прекращал рисовать и начинал «выступать» перед обитателями приюта на политические темы. Но теперь у него все-таки был хоть какой-то мало-мальски постоянный доход. Дело закончилось тем, что приятели поругались. Гитлер обвинил Ха-ниша в том, что тот утаил от него часть денег за проданную картину… – А затем он написал донос в полицию, и Ханиша арестовали. В дальнейшем Гитлер сам стал заниматься этим делом: сам рисовал и сам продавал свои картины (в основном его покупателями были два еврейских антиквара). Ему не хватало усидчивости и целеустремленности, а то он мог бы стать настоящим предпринимателем. Он жил экономно и накопил немного денег. Вряд ли можно сказать, что он стал «художником», ибо он большей частью лишь копировал фотографии и картины, на которые был спрос. Он по-прежнему жил в мужском приюте, но его положение там существенно изменилось: теперь он был здесь *постоянным жителем,* т. е. относился к той маленькой «элитной» группе постояльцев,

которые на временных смотрели свысока.

Можно предположить, что существовало несколько причин, побудивших Гитлера остаться жить в мужском приюте. Маловероятно, что мотивы были экономического характера. За 15 крон, которые он ежемесячно платил за пристанище в приюте, он мог бы найти приличную частную комнату. Так что речь, по-видимому, следует вести о какой-то психологической мотивации. Как и многие люди, живущие без родных, Гитлер боялся одиночества. Ему необходимо было какое-то внешнее общение, чтобы хоть как-то компенсировать внутреннее одиночество. Еще больше ему необходимы были слушатели, на которых он мог производить впечатление. Все это он и получал в мужском приюте, обитатели которого чаще всего были изгоями общества. Это были одинокие и убогие люди, не знавшие нормальной жизни. Гитлер конечно же был умнее, сильнее и энергичнее, чем они. Они играли в его жизни ту же самую роль, что и его друзья детства, товарищи по играм – Кубичек и другие. Они давали ему возможность развивать свои задатки и способности, оттачивать ораторское искусство, учиться впечатлять и внушать и т. д. Занимаясь рисованием в общем зале, Гитлер имел обыкновение неожиданно прерывать работу и произносить страстные политические речи. Это были своего рода репетиции к будущим всенародным «спектаклям». Так приют стал для Гитлера стартовой площадкой политического демагога.

Если мы задумаемся над существованием Гитлера в то время, то возникает важный вопрос: а не проснулась ли в нем способность к длительному труду? Не превратился ли он из бездельника в относительно удачливого мелкого предпринимателя? Не нашел ли он все же самого себя и не обрел лес душевное равновесие?

С первого взгляда складывается впечатление, что можно говорить о позднем созревании молодого человека… Но можно ли это считать нормой? Если бы это было так, то более детальный анализ эмоционального развития Гитлера был бы совершенно излишним. Вполне достаточным было бы констатировать, что в возрасте 23–24 лет Гитлер, преодолев некоторые юношеские трудности своего характера, стал уравновешенным, хорошо приспособленным молодым человеком. Но если рассмотреть ситуацию детально, то такая интерпретация едва ли состоятельна. Перед нами человек огромной жизненной силы, одержимый манией величия и рвущийся к власти, намеревающийся стать художником или архитектором. Как же реализуются его стремления?

В отношении искусства он потерпел полный крах; из него

получился только мелкий делец. В стремлении к самолюбованию он кое-чего достиг: он выступал перед отдельными людьми и группами и умел, произвести впечатление, однако ему не удалось заставить этих людей служить себе. Если бы Гитлер был человеком мелкомасштабным, без особых иллюзий и идеалов, то он, возможно, был бы удовлетворен своей жизнью и быстро привык бы к постоянному заработку от продажи своих картин, который позволял ему поддерживать мелкобуржуазное существование. Но не такой он был человек – Адольф Гитлер. Месяцы тяжкой нужды научили его в случае необходимости не гнушаться любым трудом, но характер его не изменился, а лишь утвердился и окреп. Он остался самовлюбленным нарциссом, полным ненависти и зависти ко всем, кроме самого себя, и лишенным интереса к кому бы то ни было. Он жил в атмосфере раздвоения между фантазией и реальностью, но главным мотивом его жизни было стремление к власти и завоеванию мира. Конкретных представлений, целей и планов относительно реализации своего честолюбия и жажды власти у него не было.

Мюнхен

Бесцельная венская жизнь кончилась внезапно: Гитлер решил переехать в Мюнхен, чтобы пытаться снова поступить в Академию художеств. О ситуации в Мюнхене он почти ничего не знал; меньше всего он беспокоился о том, удастся ли ему там зарабатывать на жизнь продажей картин и обеспечить себе хотя бы такой же доход, какой он имел в Вене. Он просто накопил немного денег, купил билет и сел в поезд на Мюнхен. Он ничего не продумал и в очередной раз ошибся. Мечта поступить в мюнхенскую Академию художеств не могла осуществиться. Здесь было меньше шансов – мало интереса к живописи – и для продажи картин. Смит пишет, что Гитлер продавал свои картины в кафе и пивных, где демонстрировал их посетителям, переходя от столика к столику. По словам Мазера, в декларации о доходах Гитлер писал, что его заработок составлял около 100 марок в месяц (приблизительно столько же он зарабатывал в Вене). Нет сомнения, что он и в Мюнхене в основном делал копии и сам продавал свои картины. Его мечта стать великим художником окончательно разбилась, для этого у него не было ни таланта, ни образования.

Стоит ли удивляться, что начало первой мировой войны Гитлер воспринял как знамение, он благодарил небо, так как это событие сразу же избавило его от необходимости принимать самостоятельные решения. Война разразилась как раз в тот момент, когда он уже почти готов был признаться в своем поражении как художник. На место неизбежного ощущения унижения пришло чувство честолюбия, желание стать «героем». Гитлер был солдатом, сознающим свой долг, и хотя он не получил повышения в чине, но был награжден за смелость и упивался хорошим отношением командиров. Он не был больше отверженным: теперь он стал героем, он сражался за Германию, за существование Германии, за ее славу и другие ценности национализма. Он в полной мере мог отдаться своему детскому пристрастию к военным играм, только теперь речь шла о настоящей войне. Не исключено, что в течение четырех военных лет он чувствовал себя в реальной жизни увереннее, чем когда-либо. Он стал совсем другим человеком, он осознавал всю ответственность момента, был дисциплинированным и почти совсем расстался с той бесцельной жизнью, которую вел в Вене. Завершение войны он воспринял как свою собственную новую неудачу: поражение и революция. Поражение он мог бы, вероятно, пережить, но не революцию. Революционеры

покушались на все, что было свято для Гитлера, мыслящего в духе реакционного национализма, и они победили; они стали героями дня, и прежде всего в Мюнхене, где образовали «Республику Советов», просуществовавшую недолгое время.

Победа революционеров придала деструктивности Гитлера окончательную и бесповоротную форму. Революция посягала на него самого, на все его ценности и тщеславные мечты. Он отождествлял себя самого с Германией. Он чувствовал себя еще более униженным оттого, что среди участников мюнхенского путча были евреи, в которых он уже много лет видел своих заклятых врагов и которые теперь вынуждали его с горечью наблюдать за крушением его националистических, мелкобуржуазных идеалов. От ощущения столь страшного унижения можно было избавиться лишь путем физического уничтожения всех тех, кого он считал виноватыми. Он испытывал злое и мстительное чувство по отношению к союзникам, которые вынудили Германию подписать Версальский договор, но это ни в какое сравнение не идет с той ненавистью, которую он питал к революционерам, и особенно евреям.

Неудачи Гитлера обострялись постепенно: сначала это были беды ученика реального училища, затем стороннего наблюдателя венской буржуазии, художника, которому Академия отказала в приеме. Каждый провал наносил его нарциссизму еще более глубокую рану, еще более глубокое унижение; и в той же степени, в какой росли его неудачи, усиливались его мстительные фантазии, слепая ненависть и некрофилия, корни которых следует искать в его злокачественном инцестуозном комплексе. Когда началась война, казалось, пришел конец его неудачам. Но это было не так, его ждало новое унижение: разгром немецких армий и победа революционеров. На этот раз у Гитлера была возможность отождествить свое личное унижение и поражение с поражением и унижением всего общества, нации в целом: это помогло ему забыть свой личный провал. На этот раз не он был разбит и унижен, а Германия. Когда он мстил и спасал Германию, он мстил за себя самого; смывая позор Германии, он смывал и свой собственный позор. Теперь он больше не ставил перед собой цель стать великим художником, у него была другая цель – стать великим демагогом. Он открыл ту сферу деятельности, в которой обладал действительным талантом, а, следовательно, и реальным шансом на успех. До этого периода мы не располагаем достаточным конкретным материалом, чтобы продемонстрировать наличие сильных некрофильских черт в поведении Гитлера. Мы рассмотрели только характерные предпосылки, которые благотворно воздействовали на развитие

этих тенденций: его злокачественный инцестуозный комплекс, его нарциссизм, его бесчувственность, отсутствие каких-либо устойчивых интересов, привычку потакать своим желаниям, его недостаток чувства реальности – все, что неотвратимо вело к неудачам и унижениям. Начиная с 1918 г. мы располагаем богатым материалом о жизни Гитлера, и проявления его некрофилии становятся все заметнее.

Методологические замечания

Некоторые читатели, возможно, возразят и спросят: «Может быть, достаточно *только доказать* некрофилию Гитлера? Разве его деструктивность вызывает у кого-либо сомнения?»

Конечно, нам не нужно доказывать реальность чрезвычайно деструктивных *действий* Гитлера. Но деструктивное поведение не всегда является проявлением деструктивного, некрофильского характера. Обладал ли Наполеон некрофильским характером, если он, не колеблясь, жертвовал жизнью своих солдат ради своего личного честолюбия и тщеславия? Многие ли известные истории политические и военные деятели, отдававшие распоряжения о массовых разрушениях, были некрофилами? Конечно, каждый, кто одобрял разрушения или отдавал распоряжения разрушать, проявлял определенную бесчувственность. Но есть много причин и обстоятельств, при которых политический лидер или военачальник вовсе не некрофильского склада вынужден отдавать приказы, ведущие к серьезному разрушению. Мы рассматриваем в данном исследовании не *поведение,* а характер. Точнее, речь идет не о том, *вел ли себя* Гитлер деструктивно, а был ли он подвержен страсти к разрушениям и являлась ли она частью его *характера.* Это не аксиома, это требует доказательств. Когда предметом изучения является личность такого масштаба, как Гитлер, психолог должен сделать все возможное, чтобы быть предельно объективным. Даже если бы Гитлер умер в 1933 г., еще до того, как он эффективно совершил в огромном масштабе много откровенно деструктивных действий, на основе тщательного анализа всей его личности можно было бы поставить диагноз о его некрофильском характере. Масштаб разрушений, начиная с захвата Польши и заканчивая приказом об уничтожении большей части Германии и ее населения, явился бы лишь последним подтверждением этого диагноза его характера. С другой стороны, если бы мы ничего не знали о жизни Гитлера до 1933 г., многие детали его дальнейшего поведения подтвердили бы диагноз тяжелой некрофилии, и они указывали бы не только на то, что он с точки зрения бихевиоризма[19] был человеком, который совершил множество разрушений. Исходя из бихевиоризма, это различие между поведением и мотивирующими силами, конечно, не имеет значения, однако при рассмотрении динамики всей личности и особенно ее бессознательного сектора такое различие существенно. В случае с Гитлером применение психоаналитического метода тем важнее, что он самыми

невероятными способами вытеснял знание о том, что он страдает некрофилией в чудовищных размерах.

Деструктивность Гитлера[20]

Для Гитлера объектами деструктивности были города и люди. Архитектор, с воодушевлением планировавший переустройство Вены, Линца, Мюнхена и Берлина, он в то же самое время был и тем человеком, который намеревался разрушить Париж, снести с лица Земли Ленинград и в конечном счете уничтожить всю Германию. Эти его намерения не подлежат сомнению. Шпеер пишет, что Гитлер в зените своей славы после осмотра только что захваченного Парижа обратился к нему: «Разве Париж не прекрасен? Раньше я часто задумывался, а не надо ли уничтожить Париж? Но когда мы закончим наши планы в Берлине, то мы затмим Париж. Так зачем же его разрушать?» В конце концов Гитлер все-таки отдал приказ о разрушении Парижа, приказ, который немецкий комендант Парижа не выполнил.

Самым крайним выражением его мании к разрушениям зданий и городов был его секретный указ «Сожженная земля", изданный в сентябре 1944 г., где он приказывал в случае оккупации Германии врагом сделать следующее:

Необходимо полностью уничтожить не только промышленные сооружения, газовые заводы, гидро- и электростанции, телефонные станции, но и все, что необходимо для поддержания жизни: документы, продовольственные карточки, акты загсов и адресных столов, списки банковских счетов и т. д. Подлежали уничтожению запасы продовольствия, крестьянские подворья (включая и скот). Даже те произведения искусства, которые уцелели после налетов авиации, не должны были сохраниться; памятники и дворцы, крепости и церкви, театры и замки – все подлежало уничтожению.

Это, разумеется, также означало и разрушение системы водо- и электроснабжения, ликвидацию санитарных учреждений и т. д. Таким образом, по этому плану миллионы людей, не сумевших уехать, должны были стать жертвами голода, холода и болезней. Для архитектора Шпеера, который не только не был некрофильским разрушителем, но скорее всего был биофилом, этот указ стал причиной разрыва отношений с Гитлером. Шпеер попытался найти поддержку у некоторых генералов и партийных функционеров, которые не были заражены гитлеровской страстью к разрушениям. Он рисковал жизнью, саботируя приказы Гитлера. Фактически благодаря его усилиям, а также некоторым обстоятельствам гитлеровская программа «Сожженная земля» не была осуществлена.

Страсть Гитлера к разрушению зданий и городов особенно заслуживает внимания, поскольку она связана с его любовью к архитектуре. Можно было бы даже утверждать, что его планы по восстановлению городов служили оправданием того, что сначала он их разрушил. Но я все же полагаю, что было бы ошибкой пытаться объяснить его интерес к архитектуре *только* тем, что это было вытеснением его страсти к разрушению. Все же интерес к архитектуре, по всей вероятности, был настоящим. Можно предположить даже, что это был его единственный интерес, если не считать стремления к власти и победе.

Деструктивность Гитлера убедительно подтверждают оккупационные планы в отношении Польши. Поляки подлежали культурной стерилизации, они не имели права на свою культуру: преподавание в школах должно было ограничиваться небольшим курсом немецкого языка, а также изучением дорожных знаков. Преподавание географии не должно было выходить за рамки того факта, что Берлин – столица Германии. Математика считалась совершенно излишней, так же как ненужным считалось медицинское обслуживание, уровень жизни должен был быть сведен к минимуму. Польское население рассматривалось исключительно как источник рабочей силы (т. е. как рабы!). Первые *человеческие* объекты, которые Гитлер приказал уничтожить, были «умственно отсталые». Уже в «Майн кампф» Гитлер писал: «Исходя из здравого смысла, следует запретить воспроизводство людей неполноценных… все действия и меры по предотвращению дефектного потомства следует считать самыми гуманными. Неизлечимо больные должны быть изолированы. И хотя это выглядит жестоко по отношению к несчастным и страждущим, это в то же время является высшим благом для их сограждан и потомков».

Позднее эти идеи были претворены в жизнь, все «неполноценные» люди были не только изолированы, но и уничтожены. А среди ранних проявлений деструктивности Гитлера следует назвать вероломное убийство Эрнста Рема (за несколько дней до гибели Рема видели дружелюбно беседующим с Гитлером) и других руководителей штурмовых отрядов, продиктованное соображениями политической тактики (фашистам надо было успокоить промышленников и генералитет, избавившись от деятелей «антикапиталистического» крыла движения). То, что Гитлер находился в плену постоянных деструктивных идей, проявилось в его высказываниях о мерах, которые он собирался предпринять в случае путча в стране (как в 1918 г.). Он считал необходимым немедленно уничтожить всех вождей оппозиционных политических движений, включая

католических и всех узников концентрационных лагерей.

Главными жертвами должны были стать евреи, поляки и русские. Мы хотим здесь остановиться только на уничтожении евреев. Факты слишком хорошо известны, чтобы нужно было обсуждать их в частности. Однако следует подчеркнуть, что систематическая кровавая расправа над евреями началась лишь во время второй мировой войны. У нас нет свидетельств того, что до начала войны Гитлер собирался истребить евреев: политика нацистов была направлена на поддержку еврейской эмиграции из Германии, и правительство даже принимало специальные меры, облегчающие евреям выезд из страны. Но вот 30 января 1939 г. Гитлер вполне откровенно заявил министру иностранных дел Чехословакии Хвалковскому: «Мы собираемся уничтожить евреев. Они не смогут избежать наказания за то, что они сделали 9 ноября 1918 г. День расплаты настал». В тот же день, выступая в рейхстаге, он сказал по сути то же самое, но в более завуалированной форме: «Если международным банкирам-евреям, находящимся в Европе или за ее пределами, удастся вовлечь народы в новую войну, ее результатом будет не всемирный большевизм, т. е. не победа иудаизма; это будет конец евреев в Европе»[21].

Слова, сказанные Хвалковскому, особенно интересны с психологической точки зрения. Гитлер выступает здесь без всякого камуфляжа, без попыток к рационализации[22] или оправданию своих намерений (например, тем, что евреи представляют опасность для Германии). Он выдает истинный мотив – желание отомстить за «преступление», которое несколько евреев-революционеров совершили двадцать лет тому назад. Садистский характер его ненависти к евреям сквозит в словах, сказанных в кругу ближайших сотрудников по партии после партийного собрания: «Гнать их с работы, в гетто, за решетку, пусть подохнут, они того заслуживают, и немецкий народ будет смотреть на них, как разглядывают диких зверей».

Гитлеру казалось, что евреи отравляют арийскую кровь и арийскую душу. Чтобы понять, как это чувство связано со всем его некрофильским комплексом, обратимся к другой, казалось бы, совершенно не связанной с этим заботе Гитлера – к сифилису. В «Майн кампф» он говорит о сифилисе как об одной из «жизненно важных проблем нации». Он пишет:

Наряду с политическим, нравственным и моральным заражением, которому люди подвергаются уже много лет, существуют не менее ужасные бедствия, подрывающие здоровье нации. Сифилис, особенно в больших городах, распространяется все шире и шире, в то время как туберкулез снимает жатву

смерти уже по всей стране.

В действительности это было не так. Ни туберкулез, ни сифилис не представляли угрозы в таких масштабах, которые пытается приписать им Гитлер. Но это типичная фантазия некрофила: боязнь грязи, отравы и любой инфекции. Перед нами – выражение некрофильской установки, заставляющей рассматривать внешний мир как источник грязи и заразы. Скорее всего, ненависть Гитлера к евреям имела ту же природу. Инородцы ядовиты и заразны, как сифилис. Следовательно, их надо искоренять. Дальнейшее развитие этого представления ведет к идее, что они отравляют не только кровь, но и душу.

Чем более сомнительной становилась для Гитлера победа в войне, тем сильнее в нем проявлялись собственные разрушительные тенденции. Каждый шаг на пути к поражению сопровождался все новыми и новыми кровавыми жертвами. В конце концов настало время истреблять самих немцев. Уже 27 января 1942 г., т. е. более чем за год до Сталинграда, Гитлер сказал: «Если немецкий народ не готов сражаться для своего выживания, что ж, тогда он должен исчезнуть». Когда поражение стало неизбежным, он отдал приказ, приводивший в исполнение эту угрозу, – приказ о разрушении Германии: ее почвы, зданий, заводов и фабрик, произведений искусства. А когда русские были уже на подступах к бункеру Гитлера, настал момент *великого финала* разрушения. С ним вместе должна была умереть его собака. Его возлюбленная, Ева Браун, которая приехала в Берлин, нарушив его приказ, чтобы разделить с ним смерть, тоже должна была умереть. Растроганный преданностью фрейлейн Браун, Гитлер вознаградил ее, вступив с ней здесь же в законный брак. Готовность умереть за него была, пожалуй, единственным действием, которым женщина могла доказать ему свою любовь. Геббельс тоже остался верен человеку, которому он продал душу. Он приказал своей жене и шестерым малолетним детям принять смерть вместе с ним. Как всякая нормальная мать, жена Геббельса никогда бы не убила своих детей, тем более под действием дешевых пропагандистских аргументов, с помощью которых Геббельс пытался ее убедить. Но у нее не было выбора. Когда ее в последний раз пришел навестить Шпеер, Геббельс ни на минуту не оставил их вдвоем. Она только смогла сказать, что счастлива, поскольку там с ними нет ее старшего сына (от предыдущего брака)[23]. Поражение и смерть Гитлера должны были сопровождаться смертью всех, кто его окружал, смертью всех немцев, а если бы это было в его власти, то и разрушением всего мира. Фоном для его гибели могло быть только всеобщее разрушение.

Но вернемся к вопросу, можно ли оправдать действия Гитлера традиционно понимаемыми «государственными интересами», т. е. отличался ли он как человек от множества других государственных мужей и военачальников, которые объявляли войны и тем самым посылали на смерть миллионы людей. В некоторых отношениях Гитлер был совершенно таким же, как и руководители многих других государств, я было бы ханжеством считать его военную политику чем-то из ряда вон выходящим в сравнении с тем, что, как свидетельствует история, делали другие лидеры других сильных держав. Но в Гитлере поражает несоответствие между теми разрушениями, которые производились по его прямому приказу, и оправдывавшими их реалистическими целями. Многие его действия, начиная с уничтожения миллионов и миллионов евреев, русских и поляков и кончая распоряжениями, обрекавшими на уничтожение немцев, нельзя объяснить стратегической целесообразностью. Это, без сомнения, результаты страсти к разрушению, снедавшей некрофила. Этот факт часто затемняется тем, что при обсуждении действий Гитлера речь идет главным образом об истреблении евреев. Но евреи были не единственным объектом, на который он направлял свою страсть к разрушению. Гитлер, несомненно, ненавидел евреев, но мы бы не погрешили против истины, сказав, что одновременно он ненавидел и немцев. Он ненавидел человечество, ненавидел саму жизнь. Чтобы это стало яснее, попробуем взглянуть на другие проявления его некрофилии.

Давайте прежде всего посмотрим на некоторые спонтанные проявления некрофильской ориентации Гитлера. Вот Шпеер рассказывает о его реакции на финальные кадры кинохроники, посвященной бомбардировкам Варшавы: Ханфштевгль рассказывает о разговоре, состоявшемся в середине 20-х гг., в котором он пытался убедить Гитлера посетить Англию. Перечисляя достопримечательности, он упомянул Генриха VIII. Гитлер оживился: «Шесть жен – гм, шесть жен – неплохо, и двух из них он отправил на эшафот. Нам действительно стоит поехать в Англию, чтобы пойти в Тауэр и посмотреть на место, где их казнили. Это стоит посмотреть”. И действительно, это место казни интересовало его больше, чем вся остальная Англия.

Весьма характерной была его реакция в 1923 г. на фильм ‘’Fridericus Rex” (“Король Фридрих”). По сюжету фильма отец Фридриха хочет казнить своего сына и его друга за попытку бежать из страны. Еще в кинотеатре и потом, по пути домой, Гитлер повторял: “Его (сына) тоже надо убить – великолепно. Это значит: долой голову с каждого, кто погрешит против государства, даже если это твой собственный сын!” Затем он

развил эту тему, сказав, что такой метод надо применить и к французам (которые в это время оккупировали Рурскую область), и заключил: «Ну так что же, придется сжечь десяток наших городов на Рейне и в Руре и потерять несколько десятков тысяч человек!”

Не менее характерными были *шутки,* которые Гитлер любил повторять. Он придерживался вегетарианской диеты, но гостям подавали обычную еду. ”Если на столе появлялся мясной бульон, – вспоминает Шпеер, – я мог быть уверен, что он заведет речь о «трупном чае»; по поводу раков он всегда рассказывал историю об умершей старушке, тело которой родственники бросили в речку в качестве приманки для этих существ; увидев угря, он объяснял, что они лучше всего ловятся на дохлых кошек”. На *лице у* Гитлера постоянно было выражение брезгливости, словно он принюхивался к неприятному запаху. Эта мина хорошо различима на многих его фотографиях. Смех его был неестественным. На фотографиях видна принужденная, самодовольная ухмылка. Особенно ярко запечатлелась она в кадрах кинохроники, снятых, когда он был на гребне удачи, сразу после капитуляции Франции, в железнодорожном вагоне в Компьене. Выйдя из купе, он пляшет некий ”танец”, похлопывая себя руками по ляжкам и по животу, а затем гнусно улыбается, будто только что проглотил Францию[24].

Еще одной чертой, выдающей в нем некрофила, является скука. Ярким проявлением этой характерной формы безжизненности были его застольные беседы. В Оберзальцберге Гитлер и окружавшие его люди, пообедав, шли в павильон, где им подавали чай, кофе, пирожные и другие лакомства. ”Здесь, за чашкой кофе, Гитлер пускался в длиннейшие монологи. То, о чем он говорил, было в основном известно собравшимся, поэтому они почти не слушали его, а лишь изображали внимание. Иногда Гитлер сам засыпал посреди своих разглагольствований. Тогда компания продолжала беседовать шепотом в надежде, что он своевременно проснется к ужину”. Потом все шли обратно в дом, и два часа спустя подавали ужин. После ужина показывали два кинофильма. Затем какое-то время все обменивались впечатлениями от фильмов, обычно довольно банальными. Примерно к часу ночи некоторые уже не могли сдерживать зевоту, хотя делали над собой усилие, чтобы казаться бодрыми. Но все продолжали общаться. В унылой беседе проходил еще час или больше, оставляя ощущение пустоты. Наконец Ева Браун, обменявшись с Гитлером несколькими словами, получала разрешение уйти к себе наверх[25]. Через четверть часа, пожелав собравшимся доброй ночи, удалялся и Гитлер. Теперь оставшиеся

могли расслабиться, и нередко за этими часами общего оцепенения следовала веселая вечеринка с шампанским и коньяком[26].

Во всех этих чертах отчетливо проявлялась страсть Гитлера к разрушению. Однако ни миллионы немцев, ни политики всего мира не смогли этого увидеть. Наоборот, они считали его патриотом, который действует из любви к родине; немцы видели в нем спасителя, который избавит страну от унижений Версальского договора и от экономической катастрофы, великого зодчего новой, процветающей Германии. Как же могло случиться, что немцы и другие народы мира не распознали под маской созидателя этого величайшего из разрушителей?

На это было много причин. Гитлер был законченным лжецом и прекрасным актером. Он заявлял о своих миролюбивых намерениях и после каждой победы утверждал, что в конечном счете все делает во имя мира. Он умел убеждать – не только словами, но и интонацией, ибо в совершенстве владел своим голосом. Но таким образом он лишь, вводил в заблуждение своих будущих врагов. Как-то, беседуя с генералами, он заявил: ”У человека есть чувство прекрасного. Каким богатым становится мир для того, кто умеет использовать это чувство… Красота должна властвовать над людьми. Когда закончится война, я хочу посвятить пять или десять лет размышлениям и литературной работе. Войны приходят и уходят. Остаются только ценности культуры.” Он заявлял о своем желании положить начало новой эре терпимости и одновременно обвинял евреев в том, что с помощью христианства они посеяли нетерпимость.

Вытеснение деструктивности

Рассуждая таким образом, Гитлер, пожалуй, на сознательном уровне и не лгал. Он просто входил в свои прежние роли ‘’художника” и «писателя”, ибо так никогда и не признал своей несостоятельности в этих областях. Однако такого рода высказывания имели еще одну, более важную функцию, имевшую прямое отношение к «стержневым” свойствам его характера. Функция эта заключалась в вытеснении мысли о собственной деструктивности. Прежде всего в форме *рационализации.* Всякое разрушение, которое производилось по его приказу, имело рациональное объяснение: все это делалось во имя спасения, процветания и триумфа немецкого народа и с целью защиты от врагов – евреев, русских, а затем англичан и американцев. Он просто повиновался биологическому закону выживания. («Если я и верю в какую-нибудь божественную необходимость, то это необходимость сохранения видов”). Иначе говоря, отдавая разрушительные приказы, Гитлер был убежден, что намерения его благородны и что он просто исполняет свой ”долг”. Но он упорно вытеснял из своего *сознания* собственное *стремление* к разрушению, избегая таким образом необходимости глядеть в лицо подлинным мотивам своих действий.

Еще более эффективным способом вытеснения являются определенные *реактивные образования.* Явление это хорошо известно в клинической практике: человек как бы отрицает какие-то черты своего характера, развивая в себе прямо противоположные качества. Примером реактивного образования было вегетарианство Гитлера. Не всякое вегетарианство выступает в такой функции. Но у Гитлера это, по-видимому, было именно так, ибо он перестал есть мясо после самоубийства своей племянницы Гели Раубаль, которая была его любовницей. Как показывает все его поведение в тот период, событие это вызвало у него острое чувство вины. Даже если исключить высказывавшиеся в литературе предположения, что он сам убил ее в припадке ревности к одному еврейскому художнику, – для этой версии нет доказательств, – все равно есть основания винить в этой смерти Гитлера. Он держал ее взаперти, был необычайно ревнив и в то же время с увлечением ухаживал за Евой Браун. После смерти Гели он впал в депрессию и устроил своеобразный поминальный культ: ее комната оставалась нетронутой, пока он жил в Мюнхене, и он посещал ее каждое Рождество. Отказ от мясной пищи был, несомненно, искуплением вины и ‘’доказательством” его неспособности к убийству. Возможно, тем же объясняется и

его нелюбовь к охоте. Отчетливые проявления таких реактивных образований можно обнаружить в следующих фактах, которые мы почерпнули в книге В. Мазера. Гитлер не участвовал ни в каких столкновениях с политическими противниками, до того, как захватил власть (за исключением, быть может, одного случая). Он никогда не присутствовал при убийствах или казнях. (Рем знал, о чем говорит, когда перед смертью просил, чтобы его застрелил личнофюрер.) После того как некоторые товарищи Гитлера погибли при попытке осуществить переворот в Мюнхене (9 ноября 1923 г.), он всерьез помышлял о самоубийстве и у него стала дергаться левая рука – симптом, вновь появившиеся после поражения под Сталинградом. Генералам не удалось убедить Гитлера совершить поездку на фронт. «Многие военные, и не только военные, были твердо уверены, что он избегал этой поездки, потому что не мог выносить вида мертвых и раненых солдат»[27]. И дело не в отсутствии мужества, которое он продемонстрировал еще в первую мировую войну, и не в жалости к немецким солдатам – к ним он испытывал не больше теплых чувств, чем к кому-либо другому[28]. Я считаю, что эта фобия – страх увидеть мертвые тела – была защитной реакцией: на самом деле он боялся осознать собственную страсть к разрушению. Пока он отдавал и подписывал приказы – он просто говорил и писал. То есть «он» не проливал кровь, ибо избегал видеть настоящие трупы и всячески оберегал свое сознание от мысли о собственной деструктивности. Эта защитная реакция основывается, в сущности, на том же механизме, что и его мания чистоты, о которой говорит Шпеер[29]. Такой симптом как в легкой \'7by Гитлера была легкая форма), так я в тяжелой форме постоянного навязчивого мытья обычно имеет одну и ту же функцию: смыть грязь и кровь, которые символически прилипают к рукам (или ко всему телу). При этом обнаружение крови и грязи вытесняется; осознается только потребность в «чистоте». Нежелание видеть трупы похоже на эту навязчивость: то и другое суть формы отрицания деструктивности.

В конце жизни, предчувствуя наступление своего последнего поражения, Гитлер уже более не мог подавлять страсть к разрушению. Это ярко проявилось в его реакции на зрелище мертвых тел руководителей неудавшегося заговора генералов в июле 1944 г. Человек, который еще недавно не мог выносить вида трупов, теперь распорядился, чтобы ему показали фильм о пытках и казнях генералов, где были засняты их тела в тюремной одежде, висящие на крюках с мясокомбината. Фотографию этой сцены он поставил на свой письменный стол[30]. Его угроза в случае поражения разрушить Германию начинала действовать. И совсем

не его заслуга, что Германию удалось сохранить.

Другие аспекты личности Гитлера

Невозможно понять личность Гитлера, как и любого другого человека, сосредоточившись лишь на одной из его страстей, пусть даже она представляется самой главной. Чтобы ответить на вопрос, как этот человек, движимый страстью к разрушению, сумел стать самой влиятельной фигурой в Европе, вызывавшей восхищение множества немцев (и изрядного числа жителей других стран), надо попытаться представить структуру его характера в *целом,* проанализировать его способности и таланты и вникнуть в особенности социальной ситуации, в которой он жил и действовал. В дополнение к некрофилии Гитлер может служить также примером садистского типа личности, хотя черты садиста затмевает в нем всепоглощающая, неприкрытая страсть к разрушению. Поскольку я уже анализировал садо-мазохистский[31] авторитарный тип личности Гитлера, я ограничусь здесь лишь краткими выводами. Все, что писал и говорил Гитлер, выдает его стремление властвовать над слабыми. Вот, например, как он объясняет преимущества проведения массовых митингов в вечернее время:

По утрам и даже в течение дня человеческая воля гораздо сильнее сопротивляется попыткам подчинить ее другой воле и чужим мнениям. Между тем вечером люди легче поддаются воздействию, которое оказывает на них более сильная воля. В самом деле, каждый митинг – это борьба двух противоположных сил. Ораторский дар, которым обладает более сильная, апостольская натура, в это время дня сможет гораздо легче захватить волю других людей, испытывающих естественный спад своих способностей к сопротивлению, чем это удалось бы сделать в другое время с людьми, еще сохраняющими полный контроль над энергией своего разума и воли. Вместе с тем, со свойственной ему махозистской покорностью, он считал, что действует, подчиняясь высшей силе, будь то провидение или биологические законы. Как-то в одной фразе он выразил и свой садизм, и свою некрофилию: «Все, чего они (массы) хотят, это чтобы победил сильный, а слабый был уничтожен или безжалостно подавлен». Садист сказал бы просто: «подавлен». Только некрофил мог потребовать «уничтожения». Союз «или» в этой фразе указывает на связку садизма и некрофилии как разных сторон личности Гитлера. Однако у нас есть убедительные свидетельства, что страсть к уничтожению была в нем сильнее, чем страсть к подавлению.

Тремя другими чертами его характера, тесно связанными

между собой, были его нарциссизм, уход от реальности и абсолютное отсутствие способности любить, дарить тепло и сопереживать.

Нагляднее всего в этой картине проявляется *нарциссизм.* Все типичные симптомы нарциссической личности были у Гитлера налицо. Он интересовался только *собой, своими* желаниями, *своими* мыслями. Он мог до бесконечности рассуждать о *своих* идеях, *своем* прошлом, *своих* планах. Мир был для него реальным лишь в той мере, в какой он являлся объектом его теорий и замыслов. Люди что-нибудь для него значили, только если служили ему или их можно было использовать. Он всегда знал все лучше других. Такая уверенность в собственных идеях и построениях – типичная примета нарциссизма в его законченном виде.

В своих суждениях Гитлер опирался в основном на эмоции, а не на анализ и *знание.* Вместо политических, экономических и социальных *фактов* для него существовала *идеология.* Он верил в идеологию, поскольку она удовлетворяла его эмоционально, а потому верил и в факты, которые в системе этой идеологии считались верными. Это не означает, что он вообще игнорировал факты. В каком-то смысле он был очень наблюдательным и некоторые факты мог оценивать лучше, чем многие люди, свободные от нарциссизма. Но эта способность, которую мы еще обсудим, не исключала того, что многие его фундаментальные представления имели абсолютно нарциссическую основу.

Ханфштенгль описывает ситуацию, в которой весь нарциссизм Гитлера раскрывается как на ладони. Геббельс велел сделать для себя звукозапись некоторых речей Гитлера, и каждый раз, когда Гитлер к нему приходил, проигрывал ему эти речи. Гитлер «падал в огромное мягкое кресло и наслаждался звуками собственного голоса, пребывая как бы в состоянии транса. Он был, как тот трагически влюбленный в себя самого греческий юноша, который нашел свою смерть в воде, с восхищением вглядываясь в собственное отражение на ее гладкой поверхности». Обсуждая «культ Я» Гитлера, Шрамм приводит слова генерала Альфреда Йодля о его «почти мистической уверенности в собственной непогрешимости как вождя нации и военачальника». Шпеер показывает, как в строительных планах Гитлера проявлялась его «мания величия». Его дворец в Берлине должен был стать самой большой из когда-либо существовавших резиденций – в сто пятьдесят раз больше, чем резиденция канцлера, выстроенная во времена Бисмарка.

С нарциссизмом у Гитлера было тесно связано полное *отсутствие интереса* ко всему, что лично ему не могло быть

полезным, а также позиция холодного отдаления. С людьми он всегда был холоден и соблюдал дистанцию. Его абсолютному нарциссизму соответствовало полное отсутствие любви, нежности или способности сопереживания. На протяжении всей жизни рядом с ним не было никого, кого он мог бы назвать своим другом. Кубичек и Шпеер приблизились к нему больше других, но все же и их нельзя считать «друзьями». Кубичек был ровесником Гитлера, но Гитлер никогда не был с ним откровенен. Со Шпеером отношения складывались по-другому. В нем Гитлер, судя по всему, видел самого себя в роли архитектора.

Через посредство Шпеера он, Гитлер, должен был стать великим зодчим. Он, кажется, был даже по-своему привязан к Шпееру. Это – единственная привязанность, которую можно отыскать во всей его биографии, за исключением, быть может, привязанности к Кубичеку. И я допускаю, что одной из причин этого удивительного явления было то, что архитектура была единственной областью, к которой Гитлер испытывал неподдельный интерес, единственная сфера за пределами его собственной личности, где он мог по-настоящему жить. Тем не менее Шпеер тоже не был его другом. Шпеер сам хорошо сказал об этом на Нюрнбергском процессе: «Если бы у Гитлера вообще были друзья, я был бы его другом». Но у Гитлера друзей не было. Он всегда был скрытным одиночкой – и в те времена, когда рисовал открытки в Вене, и тогда, когда стал фюрером рейха.

Шпеер говорит о его «неспособности к человеческим контактам». Но Гитлер и сам сознавал свое полное одиночество. Как вспоминает Шпеер, Гитлер однажды сказал ему, что если он (Гитлер) однажды отойдет от дел, его вскоре забудут.

Люди повернутся к тому, кто придет на его место, как только поймут, что власть у него в руках… Все его оставят. Играя с этой мыслью и преисполнившись жалости к себе, он продолжал: «Возможно, иногда меня посетит кто-нибудь из тех, кто шел со мной рука об руку. Но я на это не рассчитываю. Кроме фрейлейн Браун, я никого с собой не возьму. Только фрейлейн Браун и собаку. Я буду одинок.

Почему в самом деле кто-нибудь захочет добровольно проводить со мной время? Меня просто не будут больше замечать. Все они побегут за моим преемником.

Быть может, раз в год они соберутся на мой день рождения».

Из этих слов видно, что Гитлер не только отдавал себе отчет, что его никто по-человечески не любит, но и был убежден, что единственное, что притягивает к нему людей, это его власть. Его друзьями были собака и женщина, которых он никогда не любил и не уважал, но держал у себя в подчинении.

Гитлер был холоден, сострадание было ему незнакомо. Шпеер, как и Геббельс, неоднократно пытался убедить его посетить из соображений пропаганды города, которые подверглись бомбардировке. «Но Гитлер всякий раз отметал эти предложения. Теперь во время поездок от Штеттинского вокзала в резиденцию канцлера или в свою квартиру на Принцрегентенштрассе в Мюнхене он велел шоферу ехать короткой дорогой, хотя прежде предпочитал маршруты длиннее. Поскольку я сопровождал его в нескольких таких поездках, я заметил, с каким безразличием он глядел на новые разрушения, мимо которых проезжала машина». Единственным живым существом, «вызывавшим в нем проблески человеческого чувства», была его собака.

Другие люди, не столь тонкие, как Шпеер, часто в этом отношении обманывались. То, что казалось им теплотой, было в действительности *возбуждением,* возникавшим, когда Гитлер касался своих излюбленных тем или лелеял планы мести к разрушения. Во всей литературе о Гитлере я ни разу не нашел хотя бы намека на то, что в какой-то ситуации он проникся сочувствием к кому-нибудь, ну если не к врагам, то по крайней мере к солдатам или к гражданам Германии.

Никогда, принимая во время войны тактические решения, отдавая приказы не отступать (например, во время сражения под Сталинградом), он не брал в расчет число приносимых в жертву солдат. Они были для него только определенным «количеством стволов”.

Предоставим подвести итог Шпееру: «Благородные человеческие чувства у Гитлера отсутствовали. Нежность, любовь, поэзия были чужды его натуре. На поверхности он был вежлив, обаятелен, спокоен, корректен, дружелюбен, сдержан. Роль этой весьма тонкой оболочки состояла в том, чтобы скрывать его подлинные черты». (Послесловие Шпеера к книге Ж. Бросса.)

Отношения с женщинами

В отношениях с женщинами Гитлер обнаруживал такое же отсутствие любви, нежности или сострадания, как и в отношениях с мужчинами. Это утверждение как будто противоречит факту привязанности Гитлера к матери. Однако, если предположить, что привязанность эта была злокачественной по своему типу, т. е. холодной и безличной, для нас не будет неожиданностью, что и в дальнейшем его отношения с женщинами носили такой же характер. Женщин, к которым Гитлер проявлял интерес, можно разделить на две категории, различающиеся главным образом по их социальному статусу: во-первых, «респектабельные» женщины, т. е. богатые, занимавшие высокое положение в обществе, или известные актрисы; во-вторых, женщины, стоявшие ниже него на социальной лестнице, например его племянница Гели Раубаль или Ева Браун – его многолетняя возлюбленная. Его поведение и чувства, которые он испытывал по отношению к представительницам этих групп, были совершенно различными.

Среди женщин, принадлежавших к первой группе, были немолодые богатые мюнхенские дамы, относившиеся к нему дружески и дарившие многочисленные подарки – для партии и для него лично. Что более важно, они приобщали его к великосветской жизни и обучали хорошим манерам. Он вежливо принимал их дары и их восхищение, но никогда не вступил ни с одной из них в связь и не испытывал по отношению к ним никаких эротических переживаний. Это были в его жизни фигуры материнского типа. Были и другие женщины, стоявшие в социальном отношении выше него, с которыми он был всегда робок и застенчив. Прототипом такого рода отношений послужило его юношеское увлечение (еще в Линце) привлекательной девушкой из высшего класса по имени Стефания. Как свидетельствует Кубичек, он часами бродил около ее дома и старался встретить ее на прогулках, но никогда не осмеливался с ней заговорить и не пытался сделать так, чтобы их кто-нибудь познакомил. В конце концов он послал ей письмо, в котором писал, что хочет на ней жениться, но только позже, когда чего-нибудь добьется в жизни. Письмо было без подписи. Все это поведение, отмеченное полным отсутствием чувства реальности, можно объяснять его юношеской незрелостью. Но, по свидетельству многих лиц, в частности Ханфштенгля и Шпеера, такую же застенчивость он проявлял в отношениях с некоторыми женщинами и в последующие годы. Похоже, что женщинами, которые его волновали, он восхищаются издалека. Еще в Мюнхене

он любил смотреть на привлекательных женщин. Придя к власти, он любил видеть вокруг себя красавиц, чаще всего это были киноактрисы. Нет данных, что у него с кем-нибудь из них был роман. По отношению к этим женщинам «Гитлер вел себя, как выпускник школы танцев на прощальном вечере. Он был смущенно-предупредительным, действовал строго по правилам, отпускал ровно положенное число комплиментов, встречал, провожал и на австрийский манер целовал руку».

Кроме того, были женщины, которыми он не восхищался, которых не уважал, такие как Гели Раубаль и Ева Браун. Они ему подчинялись. С женщинами этого типа он, судя по всему, обычно вступал в связь.

Половая жизнь Гитлера была предметом самых различных спекуляций. Многие авторы утверждают, что он был гомосексуалистом, но соответствующих свидетельств нет, и, кажется, это было не так[32]. С другой стороны, ничем не подтверждено, что его половая жизнь была нормальной и что вообще он не был импотентом. Основным источником сведений об этой сфере жизни Гитлера являются воспоминания Ханфштенгля, который в 20-е и в начале 30-х гг. провел с ним немало времени в Мюнхене и в Берлине[33].

Ханфштенгль передает слова, сказанные Гели Раубаль своей подруге: «Мой дядя – чудовище. Невозможно представить, чего он от меня требует!» Это косвенным образом подтверждает другая история, рассказанная Ханфштенглю Ф. Шварцем, казначеем национал-социалистской партии в 20-е гг. Как тот утверждал, Гитлера шантажировал человек, завладевший порнографическими рисунками, на которых» Гитлер изобразил Гели в таких позах, «которые отказалась бы принимать любая профессиональная натурщица». Гитлер распорядился выдать требуемую сумму, но не позволил уничтожить рисунки. Они хранились затем в его сейфе в Коричневом Доме. Никто не знает, что на них было изображено, но вряд ли это была просто обнаженная Гели, ибо в Мюнхене 20-х гг. такой сюжет не мог быть достаточно компрометирующим, чтобы шантажировать Гитлера. Вероятно, сюжеты рисунков были связаны с какими-то извращениями, и сексуальные наклонности Гитлера носили ненормальный характер. Но мы не можем с уверенностью сказать, что Гитлер был абсолютно неспособен совершать нормальный половой акт, как утверждает Ханфштенгль. Однако можно предположить, что сексуальные привычки такого холодного, внутренне скованного человека с явными садистскими и некрофильскими наклонностями, каким был Гитлер, носили извращенный характер. Впрочем, вряд ли стоит при отсутствии

данных пытаться представить детальную картину его сексуальных предпочтений. Я думаю, что, как минимум, можно быть уверенным, что с женщинами, которые в социальном плане стояли ниже его, сексуальные отношения складывались по анально-садистскому[34] типу, а с женщинами, вызывавшими его восхищение, – по мазохистскому.

Мы также ничего не знаем о его сексуальных отношениях с Евой Браун, но нам известно довольно много об их взаимоотношениях на эмоциональном уровне. Совершенно ясно, что он с ней абсолютно не церемонился. Об этом свидетельствуют, например, подарки, которые он дарил ей ко дню рождения. Он просто каждый раз приказывал своему адъютанту купить какие-нибудь дешевые украшения и дежурный букет цветов. «Вообще, Гитлер не обращал внимания на чувства. В ее присутствии он рассуждал о женщинах так, будто ее не было рядом. «У мужчины с высоким интеллектом должна быть примитивная и глупая женщина», – говорил он».

Интересным документом, свидетельствующим об отношении Гитлера к Еве Браун, является ее дневник. И хотя местами ее почерк неразборчив, там можно прочитать примерно следующее:

«11 марта 1935 г. Я хочу только одного – тяжело заболеть, чтобы не видеть его хотя бы неделю. Почему со мной ничего не случится? Зачем мне все это? Если бы я его никогда не встречала! Я в отчаянии. Я снова покупаю снотворные порошки, чтобы забыться и больше об этом не думать. Иногда я жалею, что не связалась с дьяволом. Я уверена, что с ним было бы лучше, чем здесь.

Три часа ждала я перед входом в Карлтон, чтобы увидеть, как он привез цветы… и повел ее обедать. (Приписка 16 марта: больное воображение!!!)

Он использует меня только для определенных целей, иначе это невозможно. (Позднее добавлено: чушь!)

Когда он говорит, что любит меня, это минутное настроение. Это как обещания, которые он никогда не выполняет.

1 апреля 1935 г. Вчера вечером он пригласил нас в Фиер Яресцейтен (ресторан в Мюнхене. – Э. Ф.). Я должна была сидеть с ним рядом три часа и не могла сказать ему ни слова. Прощаясь, он дал мне, как это уже однажды было, конверт с деньгами. Как было бы приятно, если бы он еще приписал несколько теплых слов, – это доставило бы мне такое удовольствие. Но он об этом не думает.

28 мая 1935 г. Я только что отправила ему письмо, которое для меня очень важно, будет ли он… (неразборчиво).

Что ж, посмотрим. Если я не получу ответа сегодня к десяти

вечера, я просто приму мои двадцать пять таблеток и незаметно. засну.

Разве это. любовь, как он меня часто уверяет, если он в течение трех месяцев не сказал мне ласкового слова?.

Господи, я боюсь, что он не ответит сегодня. Если бы кто-нибудь мне помог, все так ужасно и безнадежно. Наверное, мое письмо пришло в неподходящий момент. Может быть, я не должна была ему писать? Как бы то ни было, неизвестность сносить труднее, чем внезапный конец.

Я решила принять тридцать пять таблеток. Теперь это уже наверняка. Если бы он хотя бы попросил кого-нибудь мне позвонить".

В том же дневнике она жалуется, что он не купил ей ко дню рождения того, чего она так хотела (маленькую собачку и одежду), а лишь велел кому-то принести ей цветы. Она сама купила себе украшений примерно на двадцать марок в надежде, что ему по крайней мере будет приятно, когда она появится в них.

Есть свидетельства, что поведение Гитлера по отношению к женщинам, которые ему по-настоящему нравились, носило мазохистский характер. Ханфштенгль рассказывает, что однажды Гитлер пришел к нему в гости, и, когда хозяин на минуту вышел из комнаты, он бросился на колени перед его женой, миссис Ханфштенгль, сказал, что он ее раб, «стал корить судьбу за то, что он так поздно встретил ее в своей жизни». Главное в этом эпизоде – мазохистское поведение Гитлера – подтверждается документом, который удалось отыскать Лангеру. Известная киноактриса Рената Мюллер рассказала своему режиссеру А. Цейслеру о том, что случилось в тот вечер, когда она была приглашена в резиденцию канцлера:

Она была уверена, что он хочет с ней переспать. Они оба уже разделись и вроде бы собирались лечь, когда Гитлер внезапно повалился на пол и стал умолять, чтобы она его ударила. Она не решалась, но он просил ее, говорил, что он ни на что не годится, обвинял себя во всех грехах и униженно ползал перед ней, как в агонии. Сцена эта стала для нее невыносимой, и она в конце концов вняла его уговорам и ударила его. Это его страшно возбудило, и он просил еще и еще, бормоча, что это больше, чем он мог ожидать, что он недостоин находиться с ней в одной комнате. Она продолжала его бить, и он все больше приходил в возбуждение[35].

Вскоре после этого Рената Мюллер покончила с собой.

Были и другие женщины из высшего класса, про которых говорили, что у них был роман с Гитлером. Но мы не знаем, как

далеко заходили эти отношения. Примечательно, что многие женщины, бывшие в близких отношениях с Гитлером, покончили или пытались покончить жизнь самоубийством: Гели Раубаль, Ева Браун (дважды), Рената Мюллер, Юнити Митфорд и еще несколько более сомнительных случаев, о которых упоминает Мазер. Похоже, что деструктивность Гитлера имела отношение к этим самоубийствам.

Какой бы ни была природа извращенных сексуальных наклонностей Гитлера, какими бы ни были подробности, знание о них мало добавляет к тому, что мы уже о нем знаем. Более того, нам приходится оценивать достоверность имеющихся скудных данных об этой сфере его жизни, рассматривая их сквозь призму его характера.

Таланты и способности

В ходе анализа характера Гитлера он все более отчетливо предстает перед нами как человек замкнутый, склонный к нарциссизму, чуждый близости с другими людьми, не умевший трудиться и обладавший ярко выраженными чертами садомазохиста и некрофила. Непонятно, как он мог при этом достигать успеха, если не обладал исключительными способностями и талантами. Но был ли в действительности талантлив Гитлер?

К числу его очевидных способностей относилась способность к внушению, способность производить впечатление на людей и убеждать. Эта способность, как мы видели, была у него еще в детстве. Он обнаружил ее и стал использовать, выступая в роли лидера в играх с другими детьми в войну, затем во взаимоотношениях с Кубичеком, который был первым его реальным последователем, наконец – в гостиной Маннергайма в Вене. В 1919 г., вскоре после революции, военное начальство послало его с пропагандистской миссией, имевшей целью склонить солдат к правым идеям и возбудить в них ненависть к революционерам. Он вступил в небольшую группу Социалистической рабочей партии (50 членов), в течение года стал непререкаемым лидером этой партии, затем добился ее переименования в национал-социалистскую немецкую рабочую партию, изменил ее устав. Вскоре он стал одним из самых популярных ораторов Мюнхена. Способность Гитлера влиять на людей – главный талант всех демагогов – имела несколько корней.

Прежде всего здесь надо вспомнить о том, что обычно называли его *магнетизмом,* источником которого, по мнению большинства авторов, были его глаза. Описано много случаев, когда люди, относившиеся к нему с предубеждением, внезапно меняли свою точку зрения после его прямого взгляда. Вот как вспоминает о своей встрече с Гитлером профессор А. фон Мюллер, читавший в Мюнхене курс истории для солдат по ведомству разведки и контрразведки.

«Закончив свою лекцию, я натолкнулся в опустевшем зале на небольшую группу, заставившую меня остановиться. Слушатели стояли, как будто загипнотизированные человеком, без остановки говорившим странным гортанным голосом и со все возраставшим возбуждением. У меня возникло странное чувство, что возбуждение его слушателей тоже все время росло, и это, в свою очередь, придавало дополнительную силу его голосу. Я увидел

бледное, худое лицо… с коротко подстриженными усиками и огромными бледно-голубыми сверкающими и в то же время холодными глазами фанатика». Существует много других свидетельств, упоминающих свойственный взгляду Гитлера магнетизм. Поскольку я сам видел его лишь на фотографиях, которые именно об этом качестве могут создать превратное впечатление, задача моя облегчается тем, что у людей с сильно развитым нарциссизмом часто наблюдается специфический блеск в глазах, создающий впечатление сосредоточенности, целеустремленности и значительности (как бы не от мира сего). В самом деле, порой бывает нелегко различить по выражению глаз человека духовно развитого, почти святого и человека, страдающего сильным нарциссизмом, по сути полусумасшедшего. Единственным эффективным критерием является в таком случае присутствие (соответственно – отсутствие) теплоты во взгляде. Но все свидетели сходятся в том, что глаза Гитлера были холодными – как было холодным и выражение его лица в целом – и что ему вообще были чужды какие-либо теплые чувства. Эта черта может отталкивать – и она действительно отталкивала многих, – но может быть и источником магнетической силы. Лицо, выражающее холодную жестокость, вызывает страх.

Но некоторые страху предпочитают восхищение. Здесь лучше всего подойдет слово «трепет»: оно абсолютно точно передает возникающее в такой ситуации смещение чувств. Трепет соединяет в себе ужас и благоговение[36].

Еще одним фактором, объясняющим суггестивные[37] способности Гитлера, была его неколебимая уверенность в своих идеях, свойственная всякой нарциссической личности. Чтобы понять это явление, надо вспомнить, что во всем нашем знании есть только один непреложный факт – наша неизбежная смерть. Но сказать, что мы ничего не знаем наверняка, не значит утверждать, что мы живем лишь догадками. От обоснованной догадки к гипотезе и дальше к теории – таков путь познания; от незнания к знанию, от неопределенности к истине – посредством чувств, разума, критического мышления и воображения. Для того, кто обладает этими способностями, относительная неопределенность – вещь вполне нормальная, ибо она вызывает к жизни активизацию всех способностей. Определенность же уныла, ибо она мертва. Но если у людей этих способностей нет (особенно когда дело происходит в обстановке такой социальной и политической неопределенности, как это было в Германии в 20-е гг.), то они обращают свои взоры к фанатику, умеющему ответить на все вопросы, и готовы объявить его «спасителем».

Гитлер обладал еще одним важным для демагога даром:

простотой слога. Он никогда не утруждал слушателей тонкостями интеллектуальных или моральных суждений. Он брал факты, подтверждавшие его тезис, грубо лепил их один к другому и получал текст вполне убедительный, по крайней мере, для людей, не отягощенных критической способностью разума. Кроме того, он был блестящим актером и умел, например, очень точно передавать мимику и интонацию самых различных типажей[38]. Он в совершенстве владел голосом и свободно вносил в свою речь модуляции, необходимые для достижения нужного эффекта. Обращаясь к студентам, он бывал спокойным и рассудительным. Одна манера речи предназначалась у него для общения с грубоватыми старыми мюнхенскими дружками, другая – для разговора с немецким принцем, третья – для бесед с генералами. Он мог устроить гневную сцену, желая сломить неуступчивость чехословацких или польских министров, а, принимая Чемберлена, мог быть предупредительным и дружелюбным хозяином.

Говоря о способности Гитлера оказывать воздействие на людей, нельзя умолчать о его *приступах гнева.* Внезапные вспышки гнева сыграли большую роль в формировании ходячего стереотипа, который был особенно распространен за пределами Германии и изображал фюрера как вечно разгневанного человека, орущего, не владеющего собой. Такой образ весьма далек от того, что было в действительности. Гитлер был в основном спокойным, вежливым и сдержанным. Вспышки гнева, хотя и довольно частые, были все-таки в его поведении исключением. Но они бывали очень интенсивными. Эти приступы случались в ситуациях двух типов. Во-первых, во время его выступлений, особенно под конец. Ярость его была при этом совершенно подлинной, не наигранной, ибо ее питала настоящая ненависть и страсть к разрушению, которым он давал свободно излиться в какой-то момент своей речи. Именно подлинность делала его гневные тирады столь убедительными и заразительными. Но, будучи подлинными, они отнюдь не были бесконтрольными. Гитлер очень хорошо знал, когда приходило время подстегнуть эмоции слушателей, и только тогда открывал плотину, которая сдерживала его ненависть.

Вспышки ярости, возникавшие во время бесед, были совсем другими. Они напоминали скорее те приступы, которые случались с ним в ситуациях фрустрации в детстве[39]. Шпеер говорит, что они были сродни капризам шестилетнего ребенка, и действительно, «эмоциональный возраст” Гитлера был где-то около шести лет. Своими вспышками Гитлер наводил страх на собеседников, но он был в состоянии их контролировать, когда

это было необходимо.

Вот характерная сцена, описанная одним из выдающихся немецких военачальников, генералом Хайнцем Гудерианом:

«С красным от гнева лицом, поднятыми вверх кулаками, весь дрожа от ярости, он (Гитлер) стоял передо мной, потеряв всякое самообладание… Он кричал все громче и громче, лицо его перекосилось». Когда он увидел, что этот спектакль не произвел впечатления на Гудериана, который продолжал настаивать на своем мнении, вызвавшем всю эту вспышку гнева, Гитлер вдруг переменился, дружелюбно улыбнулся и сказал: «Продолжайте, пожалуйста, доклад. Сегодня Генеральный штаб выиграл сражение».

Оценка, которую дает поведению Гитлера Шпеер, подтверждается многими свидетельствами.

После драматических переговоров Гитлер любил высмеивать своих оппонентов. Однажды он описывал таким образом визит Шушнига 12 февраля 1939 г. в Оберзальцберг. Он сказал, что, изобразив приступ гнева, он заставил австрийского канцлера понять всю серьезность ситуации и в конце концов уступить. Вероятно, многие из его широко известных истерических сцен были хорошо продуманным спектаклем. Вообще, Гитлер на удивление умел владеть собой. В те времена он терял самоконтроль всего несколько раз, по крайней мере в моем присутствии.

Еще одним замечательным даром Гитлера была его исключительная *память.* Приведем свидетельство Шрамма:

Способность, которой он вновь и вновь удивлял окружающих, включая тех, на кого не действовали его чары, была его невероятная память. Он мог легко воспроизвести любую несущественную деталь – имена героев в романе Карла Мэя, фамилии авторов когда-то прочитанных книг, даже инструкции по изготовлению велосипедов, которые он читал в 1915 г. Он точно помнил все даты своей политической биографии, гостиницы, в которых когда-то жил, названия улиц, по которым ездил.

Известно, что Гитлер легко запоминал цифры и технические детали. Он мог назвать точный калибр и дальнобойность любого оружия, количество подводных лодок, которые находятся в данный момент в плавании или стоят в гавани, и множество других подробностей, имевших значение для ведения войны. Неудивительно, что его генералы бывали искренне поражены глубиной его знаний, хотя в действительности это было только свойство механической памяти.

Здесь мы подходим к важному вопросу об *эрудиции и знаниях*

Гитлера, вопросу, который приобретает особое звучание сегодня, когда участились попытки вновь поднять на щит образ Гитлера и воскресить атмосферу восхищения «величием» этого человека. Эта тенденция отчетливо прослеживается в широко публикуемых воспоминаниях бывших нацистов[40].

Мазер занимает в этом вопросе довольно противоречивую позицию. Он предупреждает читателя, что не следует доверять суждениям Гитлера о своей – собственной эрудиции, ибо они сомнительны и не подтверждены объективными данными. (Гитлер, например, утверждал, что каждую ночь он прочитывал одну серьезную книгу и таким образом, начиная с двадцатидвухлетнего возраста, успел серьезно изучить всемирную историю, историю искусств, культуры, архитектуры и политических наук.) Затем, игнорируя свое собственное предостережение, Мазер пишет, не ссылаясь при этом на источники, что, по словам «хорошо осведомленных" свидетелей, Гитлер начал еще в школьные годы изучать серьезные труды по науке и искусству, но более всего продвинулся в тех областях истории, в которых он и сам считал себя специалистом. Приведем лишь один яркий пример, показывающий, сколь уязвима некритичная позиция, занимаемая Мазером в оценке эрудиции Гитлера. Мазер пишет, что замечания Гитлера, приведенные в «Застольных беседах", подтверждают "то, что до этого и так неоднократно доказывал Гитлер – в публичных выступлениях и в частных беседах, – его глубокое знание Библии и Талмуда". Талмуд – большая и сложная книга. И чтобы добиться ее «глубокого знания", нужны годы. Между тем здесь нет никакой загадки: в антисемитской литературе, с которой Гитлер был прекрасно знаком, разбросано множество цитат из Талмуда, часто искаженных или вырванных из контекста, чтобы доказать порочность евреев. Гитлер запоминал эти фразы и блефовал, внушая своим слушателям, что он ‘'глубоко изучил" Талмуд. То, что ему верили его слушатели, в общем понятно. Гораздо печальнее, что тридцать лет спустя на ту же удочку попался профессиональный историк.

Гитлер действительно мог бойко рассуждать с видом компетентного человека буквально обо всем на свете, и всякий, кто прочтет ‘'Застольные беседы", может легко себя в этом убедить. Он без труда вдавался в проблемы палеонтологии, антропологии, любых областей истории, философии, религии, женской психологии и биологии. Но что показывает критический анализ эрудиции и знаний Гитлера?

В школе он был не в состоянии напрячься для серьезного чтения даже по истории, которая его интересовала. В венский

период он в основном проводил время гуляя по улицам, разглядывая здания, делая зарисовки и беседуя. Способность к упорной учебе и серьезному, глубокому чтению могла появиться у него после войны, но, кроме заявлений самого Гитлера, у нас нет об этом никаких свидетельств. (Считается, что он пронес с собой через всю войну том Шопенгауэра. Неизвестно, однако, много ли он из него прочитал.) С другой стороны, как показывает внимательною изучение ‘’Застольных бесед”, речей Гитлера и ”Майн кампф”, он был жадным читателем и обладают способностью отыскивать и запоминать факты, чтобы затем использовать их при любой возможности, подкрепляя свои идеологические посылки.

Если попытаться объективно взглянуть на ”Майн кампф”, мы ли сможем квалифицировать его как труд, написанный действительно эрудированным человеком. Это скорее умно – и очень недобросовестно – состряпанный пропагандистский памфлет. Что же касается его речей, то, несмотря на их потрясающую эффективность, они были произведениями уличного демагога, но не образованного человека. ”Застольные беседы” демонстрируют его талант в искусстве вести разговор. Но и в них он предстает перед нами как одаренный, но очень поверхностно образованный человек, не знавший ничего досконально. Это был человек, который, перескакивая из одной области знаний в другую, ухитрялся, благодаря своей удивительной памяти, выстраивать более или менее связные цепочки фактов, специально выуженных из различных книг. Порой он допускают грубейшие ошибки, свидетельствующие о недостатке фундаментальных знаний.

Но время от времени ему удавалось удивлять своих слушателей, хотя, по-видимому, и не всех.

Пытаясь определить впечатление, которое производили ”застольные беседы” на гостей Гитлера, следует помнить, что, хотя среди его слушателей были в основном образованные и интеллигентные люди, многие из них были загипнотизированы его личностью и потому готовы были не замечать существенных пробелов в его знаниях. Кроме того, их, безусловно, поражала широта его кругозора и уверенность, с которой он судил обо всем. Будучи воспитанными в традициях интеллектуальной честности, они просто не могли допустить мысли, что человек, сидящий перед ними, блефует.

Как свидетельствуют различные источники, Гитлер, за небольшим исключением, не читал ничего, что противоречило его идеологическим установкам или требовало критического и объективного размышления. Такова была структура его личности:

основным мотивом для чтения было не приобретение знаний, а добывание все новых средств для убеждения и себя, и других. Он хотел, чтобы все, что он читает, его волновало, и во всем искал и находил только то, что подтверждало его идеи, и это приносило ему огромное эмоциональное удовлетворение. Так как он не интересовался музыкой Баха или Моцарта, а слушал только оперы Вагнера, он не читал книг, которые требовали внимания и раздумий, в которых совпадали истина и красота. Он буквально пожирал печатные страницы, но с очень прагматической установкой. Подобным образом невозможно читать сколько-нибудь серьезные книги. Для этого скорее годились политические памфлеты и научно-популярные сочинения, например книги Гобино или Чемберлена по расовым проблемам или популярные брошюры по дарвинизму, где Гитлер мог вычитывать как раз то, что ему было нужно. Возможно, он читал литературу по вопросам, которые его действительно интересовали, т. е. по архитектуре и военной истории, но насколько серьезно – этого мы не знаем. В общем, чтение Гитлера сводилось, по-видимому, лишь к популярной литературе (включая памфлеты), где он отыскивал цитаты из более серьезных источников, запоминал их и воспроизводил в нужный момент, создавая впечатление, что ему известны первоисточники. Действительная проблема заключается вовсе не в том, сколько книг прочитал Гитлер, а в том, приобрел ли он фундаментальное качество образованного человека – способность объективного и осмысленного усвоения знаний. Можно часто услышать, что Гитлер всего достиг путем самообразования. Я бы сказал иначе: Гитлер был не *самоучкой,* а *недоучкой,* и та часть образования, которую он недополучил, как раз и содержала знание о том, что такое знание. Необразованность Гитлера проявлялась не только в этом. У него, безусловно, была возможность приглашать немецких ученых, работающих в любой из областей наук, чтобы с их помощью расширять и углублять свои знания. Но, по свидетельству Шрамма, равно как и Шпеера, он тщательно избегал таких ситуаций. Он неловко себя чувствовал в присутствии людей, стоявших с ним наравне или выше его, чего бы то ни касалось. Это типичное проявление нарциссического и авторитарного характера. Он должен был всегда находиться в положении, где он мог чувствовать себя неуязвимым.

Если это было не так, общение (так же как и серьезная книга) представляло угрозу всему стройному зданию его дилетантизма.

Гитлер избегал специалистов. Единственное исключение он делал для архитекторов, в особенности для профессора П. Л. Трооста. Троост не раболепствовал перед Гитлером. Когда Гитлер

приходил к нему на квартиру, Троост никогда не встречал его у входа и не провожал до дверей, когда тот уходил. Тем не менее Гитлер был в восхищении от Трооста. С ним он не был ни высокомерным, ни многословным, не вел себя как студент. Даже на фотографии, опубликованной в книге Шпеера, можно видеть, что Гитлер испытывает чувство смущения перед профессором. Я думаю, что Гитлер так вел себя по отношению к Троосту потому, что, как я уже отмечал, интерес его к архитектуре был совершенно искренним.

В музыке и живописи, так же как в истории и философии, вкусы Гитлера определялись почти исключительно его страстями. Каждый вечер после ужина в Оберзальцберге он смотрел два кинофильма. Больше всего он любил оперетты и мюзиклы. И не терпел фильмов о путешествиях, о природе или учебных фильмов. Как я уже упоминал, его приводили в восторг фильмы типа «Fridericus Rex" ("Король Фридрих"). В музыке ему были интересны только оперетты и Вагнер, который был для него своего рода эмоциональным допингом. Ханфштенгль часто играл для него Вагнера, особенно когда он был в подавленном настроении, и это действовало на него как лекарство.

Мы не знаем, интересовался ли этот "бывший художни" живописью. Он предпочитал осматривать музеи снаружи, оценивал их архитектуру, но редко заходил внутрь, чтобы познакомиться с картинами. Вот как описывает Ханфштенгль их посещение Музея кайзера Фридриха в Берлине в начале 20-х гг. Первым полотном, перед которым остановился Гитлер, был "Человек с золотым шлемом" Рембрандта. "Посмотри, – сказал он, обращаясь к юному отпрыску члена партии, которого взял с собой в музей. – Это же потрясающе! Какой героизм во взгляде солдата! Какая воинственность, решимость! Вот тут-то и видно, что Рембрандт все-таки был арийцем и германцем, хотя он иногда и выбирал модели в еврейском квартале Амстердама». Гитлер-»художник» в основном копировал открытки и старые гравюры. Главным образом это были фасады зданий («архитектурная графика»)» но также и пейзажи, портреты и иллюстрации для рекламы. Он руководствовался принципом спроса и, как мы знаем, повторял некоторые сюжеты, если они хорошо продавались. Качество его живописи и рисунков в общем соответствовало тому, что можно было бы ожидать от художника его уровня. Его произведения имели опрятный вид, но были безжизненны и не слишком выразительны. Лучше всего ему удавались архитектурные эскизы. Но даже когда он не копировал их (например, во время войны), они все равно отличались точностью, педантизмом и сухостью. В них никогда не было

ничего личного, хотя они были «неплохо исполнены». Даже сам Гитлер признал впоследствии, что он рисовал только для того, чтобы заработать себе на жизнь, и был «маленьким художником». В 1944 г. он сказал своему закадычному другу фотографу Хоффману: «Я не хочу быть художником. Я рисовал, только чтобы жить и учиться». Отсюда можно заключить, что он был коммерческим художником, копиистом-рисовальщиком и не имел настоящего таланта к живописи[41].

Впечатление, что Гитлеру недоставало оригинальности, еще усиливается, если взглянуть на более чем сотню его эскизов, которые хранятся у Шпеера. Я не эксперт в вопросах искусства, но думаю, что всякий тонко чувствующий человек отметил бы педантизм и безжизненность этих набросков. Например, одна небольшая деталь в эскизах театрального интерьера повторяется многократно и по сути без изменений. Такие же повторы есть в серии эскизов обелиска. Иногда в карандашных штрихах чувствуется агрессия. В других случаях поражает отсутствие какой-либо выразительности, личного отношения. Было очень любопытно обнаружить среди этих рисунков (выполненных между 1925 и 1940 гг.) безыскусные изображения подводных лодок, танков и другого военного снаряжения[42].

То обстоятельство, что Гитлер не проявлял интереса к живописи, не означает, что его интерес к архитектуре не был подлинным и искренним. Это очень важно для понимания личности Гитлера, ибо, по всей видимости, архитектура была единственной сферой, которая его по-настоящему интересовала в жизни. Дело в том, что интерес этот не вытекал из его нарциссизма, не был проявлением его деструктивности и не являлся блефом. Конечно, трудно судить о подлинности интересов человека, в такой степени привыкшего выдавать себя не за того, кто он есть. Тем не менее я считаю, что у нас есть свидетельства, неопровержимо доказывающие неподдельность его интереса к архитектуре. Самым знаменательным в этом отношении фактом является его готовность, о которой говорит Шпеер, без конца обсуждать архитектурные проекты. Очевидно, что при этом он был движим реальной заинтересованностью в чем-то, что лежало за пределами его персоны. И он не менторствовал, а задавал вопросы и по-настоящему принимал участие в дискуссии. Я убежден, что только в такие моменты этот властолюбивый, бесчувственный разрушитель начинал участвовать в жизни, хотя общение с ним все равно оставляло Шпеера без сил, ибо он имел дело с его личностью в целом. Я не утверждаю, что, говоря об архитектуре, Гитлер в корне менялся, но это была ситуация, в которой «чудовище» больше всего

становилось похоже на человека.

Это не означает, что Гитлер был прав, когда утверждал, что внешние обстоятельства не позволили ему стать архитектором. Как мы видели, ему надо было сделать совсем немного, чтобы достичь этой цели, но он этого не сделал, потому что стремление к власти и разрушению оказалось в нем более сильным, чем любовь к архитектуре. Вместе с тем гипотеза о подлинности его интереса к архитектуре не отрицает того факта, что у него была гигантомания и дурной вкус. Как отмечает Шпеер, Гитлер предпочитал стиль нового барокко 80-90-х гг., особенно в той декадентской форме его выражения, которую любили приветствовал сам кайзер Вильгельм П. Не следует удивляться, что в архитектуре вкусы Гитлера были такими же примитивными, как и в других областях, ведь вкус неотделим от характера. Гитлер был грубой, примитивной, бесчувственной натурой, он был слеп ко всему, что не касалось его лично, и потому вряд ли мог обладать изысканным вкусом. И все же, я думаю, важно было отметить подлинность его интереса к архитектуре, поскольку это был единственный конструктивный элемент в его характере и, быть может, единственный мостик, который связывал его с жизнью.

Маскировка

Анализ характера Гитлера будет неполным, если мы упустим из виду, что этот терзаемый страстями человек был дружелюбным, вежливым, сдержанным и почти застенчивым. Он был особенно обходительным с женщинами и никогда не забывал послать им цветы по случаю какого-нибудь торжества. Он ухаживал за ними за столом, предлагал пирожные и чай. Он стоял, пока не садились его секретарши. В предисловии к «Застольным беседам» Шрамм пишет, какое впечатление производил он на окружавших его людей. «В кругу приближенных к нему людей бытовало убеждение, что шеф проявляет заботу об их благополучии, разделяет их радости и печали, что он, например, заранее думает о том, какой подарок человеку будет приятно получить на день рождения…» Д-р Х. Пикер, молодой человек, который, до того как попал в окружение Гитлера, «видел его только издали, в роли «государственного мужа»», был чрезвычайно поражен той гуманной атмосферой, которую Гитлер создавал в своем узком кругу, покровительством, которое он выказывал к подчиненным, его готовностью смеяться вместе со всеми. Да, в этом кружке Гитлер, одинокий человек, не имевший семьи и друзей, был хорошим «товарищем», а что такое товарищество, он узнал во время первой мировой войны и принес это знание в мирную жизнь. Люди, окружавшие Гитлера, знали, как нравятся ему красивые и хорошо одетые женщины, знали о его любви к детям, видели, как он был привязан к своим собакам и как он наслаждался, наблюдая поведение этих животных.

Эту роль дружелюбного, доброго, чуткого человека Гитлер умел играть очень хорошо. И не только потому, что он был великолепным актером, но и по той причине, что ему нравилась сама роль. Для него было важно обманывать свое ближайшее окружение, скрывая всю глубину своей страсти к разрушению, и прежде всего обманывать самого себя[43].

Кто взялся бы утверждать, что в поведении Гитлера не было ни одного доброго элемента, что в нем вовсе отсутствовала благонамеренность? Мы должны допустить, что такие элементы в нем были, ибо. наверное, не бывает людей, в которых нет ни крупицы любви и добра. Вместе с тем то, что было в нем доброго, могло иметь отношение только к внешней оболочке его личности. Так, забота Гитлера о подарках к дням рождения своих сотрудников контрастирует с его поведением по отношению к Еве Браун, на которую он не собирался производить впечатление своей обходительностью. Что касается смеха Гитлера, то здесь

Пикер оказался недостаточно проницательным, чтобы правильно оценить природу этого смеха. Чтобы понять, чего стоит пресловутое чувство товарищества у Гитлера, приобретенное, по словам Пикера, на войне, процитируем вслед за Ханфштенглем рапорт офицера, командира Гитлера, где он пишет, что, хотя тот является примерным и дисциплинированным солдатом, «он был исключен из списков на присвоение очередного звания из-за высокомерного отношения к товарищам и раболепства перед начальством». Любовь к детям – замечательная черта, которую слишком часто эксплуатируют политики: в личной беседе Шпеер выразил серьезные сомнения в том, что у Гитлера воистину была такая любовь.

Столь же сомнительной оказывается и его любовь к собакам. Шрамм пишет, что Гитлер приказал соорудить в своей штаб-квартире полосу препятствий вроде тех, на которых тренируют пехотинцев. Здесь она использовалась для испытания смелости и сообразительности собак. Офицер, который был приставлен к собакам, показал Шрамму, с какой быстротой они могут реагировать на команды «стоять» и «лежать». В связи с этим Шрамм замечает: «У меня возникло впечатление, что передо мной машина, а не собака. И мелькнула мысль, что, дрессируя псов, Гитлер даже их стремится лишить воли».

Шрамм пишет, что у Гитлера было два лица – дружелюбное и внушающее ужас – и что оба были настоящими. Когда говорят, что в каком-то человеке сидят два человека, сменяющие друг друга, как Джекиль и Хайд[44], предполагается, что оба являются подлинными. Однако уже со времен Фрейда такое представление не может считаться состоятельным с точки зрения психологии. Существует различие между бессознательным ядром и ролью, которую человек играет: эта роль включает рационализации, компенсации и другие формы защиты, скрывающие настоящую глубинную реальность. Даже если не апеллировать к фрейдизму, теория двойственной личности поразительно и опасно наивна. Кто не встречал людей, которые обманывают не только словами, но всем своим поведением, манерой держаться, интонацией, жестами? Многие люди умеют искусно изображать персонаж, которым они хотят казаться. Они так мастерски играют роль, что нередко вводят в заблуждение людей проницательных и психологически искушенных. Не имея никакого внутреннего стержня, никаких подлинных принципов, ценностей или убеждений, Гитлер мог «играть» доброжелательного джентльмена и сам не сознавать того, что всего лишь играет роль.

Гитлеру нравилась эта роль не только потому, что он хотел кого-то обмануть. Она была ему навязана ситуацией, в которой он

рос. Я даже не имею в виду, что его отец был незаконнорожденным ребенком, а мать не имела образования. Социальная ситуация этой семьи была особенной и по другим причинам. Отчасти из-за работы отца, отчасти по другим соображениям семья жила в разное время в пяти разных городах. Кроме того, будучи имперским таможенным чиновником, отец держался несколько особняком в местном обществе, принадлежавшем к среднему классу, хотя с точки зрения доходов он вполне мог в него вписаться. Но где бы они ни жили, семья Гитлеров никогда не была полностью интегрирована в местную социальную ситуацию. И хотя они вполне сводили концы с концами, в культурном отношении они принадлежали к низшему слою буржуазии. Отец происходил из низов и интересовался лишь политикой и пчелами. Свободное время он проводил обычно в таверне. Мать была необразованной и занималась только семьей. Будучи тщеславным юношей, Гитлер должен был ощущать социальную незащищенность и стремиться к признанию в более обеспеченных слоях среднего класса. Уже в Линце он почувствовал вкус к элегантной одежде: он выходил прогуляться в костюме с иголочки и с тростью. Мазер пишет, что в Мюнхене у Гитлера имелась фрачная пара и что его одежда всегда была чистой, выглаженной и никогда не была потрепанной. Затем проблему одежды решила военная форма, но его манеры остались манерами хорошо воспитанного буржуа. Цветы, внимание к интерьеру своего дома, поведение – все это указывало на несколько назойливое желание продемонстрировать, что он «принят» в хорошем обществе. Он был настоящим Bourgeois-Gentilhomme, нуворишем, стремящимся доказать, что он джентльмен[45].

Он ненавидел низший класс, потому что ему надо было доказывать, что он к нему не принадлежит. Гитлер был человеком без корней, и не только потому, что он был австрийцем, изображавшим немца. У него не было корней ни в каком социальном классе. Он не был рабочим, не был буржуа. Он был одиночкой в социальном, а не только в психологическом смысле. Единственное, что он смог в себе обнаружить, это самые архаические корни – корни расы и крови.

Восхищение, которое вызывал у Гитлера высший класс, – явление довольно распространенное. Такая установка – обычно глубоко вытесненная[46] – встречается и у других социалистических деятелей того периода, например у Д. Р. Макдональда. Будучи выходцами из низших слоев среднего класса, эти люди в глубине души мечтали быть «принятыми» в высший класс – класс промышленников и генералов. Мечты

Гитлера были еще более нескромными: он хотел заставить власть имущих поделиться с ним властью и даже встать выше их и командовать ими. Гитлер, бунтарь, лидер *рабочей* партии, обожал богатых и их образ жизни, несмотря на то, что произнес в их адрес немало нелестных слов, пока не пришел к власти. Гитлер играл роль доброго и предупредительного человека. Реальностью было только желание быть «джентльменом», быть «принятым», «принадлежать». Гитлер был в определенном смысле гротескной фигурой: человек, одержимый жаждой разрушения, человек без жалости и сострадания, вулкан, кипящий исконными страстями, и в то же время человек, старающийся казаться благовоспитанным, милым, безвредным джентльменом. Неудивительно, что ему удалось обмануть многих, кто по различным причинам не хотел противиться обману (был «сам обманываться рад»).

Гротескным символом этой мешанины корректного буржуа и убийцы стало его бракосочетание с Евой Браун в бункере, незадолго до их смерти. Законный брак – высшее отличие, которое мог предложить мелкий буржуа Гитлер своей подруге. И для нее, воспитанной в традициях буржуазной морали, это тоже было высшим достижением. Надо было соблюсти все формальности. Для совершения церемонии нужен был чиновник, ведающий актами гражданского состояния, найти которого оказалось непросто в той маленькой части Берлина, которая еще не была занята советскими войсками. Но глава государства не чувствовал себя вправе изменить бюрократическую процедуру, назначив таким чиновником кого-нибудь из присутствующих. Пришлось ждать несколько часов, прежде чем его отыскали. Церемония прошла по всем правилам, подавали шампанское. Гитлер-джентльмен вел себя безукоризненно, но было ясно, что только неотвратимость близкой смерти могла заставить его узаконить отношения со своей подругой. (Если бы у него была хоть крупица здравого смысла, не говоря уж о любви, он мог сделать это несколькими неделями раньше.) Вместе с тем Гитлер-убийца не переставал действовать. Женитьба на Еве не стала препятствием для вынесения смертного приговора ее шурину, которого он заподозрил в предательстве. Незадолго до этого он приговорил к смерти своего врача, д-ра Карла Брандта, лечившего его с 1934 г. Приговор был вынесен трибуналом в составе Геббельса, генерала СС Бергера и молодежного лидера Аксманна. Сам Гитлер выступил одновременно в роли прокурора и верховного судьи. Причиной смертного приговора, на котором настаивал Гитлер, было то, что Брандт оставил свою семью в Тюрингии, где уже были американцы, вместо того чтобы привезти

ее в Оберзальцберг. Гитлер заподозрил Брандта в том, что он использует свою жену для связи с американцами. (Жизнь Брандту спас Гиммлер, который в ту пору сам пробовал снискать доверие американцев.)

Какими бы психологическими и социальными причинами ни объяснялись особенности оболочки личности Гитлера, надо признать, что она играла важную роль. С ее помощью он успешно обманывал тех лидеров немецкой промышленности, армии и националистического движения (равно как и многих политиков в других странах мира), которых могла оттолкнуть его грубая и разрушительная натура. Конечно, многие видели в нем не только этот фасад. Но остальные позволили себя обмануть и тем способствовали созданию условий, позволивших Гитлеру беспрепятственно следовать по пути разрушения.

Недостаток воли и реализма

Сам Гитлер считал своим главным достоинством несгибаемую волю. Был ли он прав, зависит от того, что понимать под «волей». На первый взгляд вся его карьера свидетельствует о том, что он и в самом деле обладал исключительной силой воли. Он хотел стать великим и, начав с нуля, в течение всего лишь двадцати лет осуществил это намерение, достигнув таких высот, о которых даже сам, наверное, не мечтал. Разве это не характеризует его как волевого человека? Вместе с тем у нас есть серьезные основания сомневаться в его качествах, ибо, как мы видели, в детстве и в юности Гитлер был существом абсолютно безвольным. Он был ленив, не умел трудиться и вообще был не готов совершать какие-либо усилия. Все это не очень вяжется с представлениями о волевой личности. На мой взгляд, дело здесь совсем в другом: то, что Гитлер называл «волей», на самом деле было связано с теми страстями, которые сжигали его изнутри и заставляли искать пути их утоления. Воля его была сырой и неоформленной, как у шестилетнего ребенка (по точному замечанию Шпеера). Ребенок, не знающий, что такое компромисс, капризничает и закатывает истерику. Конечно, можно сказать, что он проявляет так свою волю. Но правильнее все-таки взглянуть на это иначе: он слепо следует своим побуждениям, не умея направить фрустрацию в нужное русло. Когда Гитлер не видел возможностей для достижения своей цели, он просто топтался на месте и работал только для того, чтобы сводить концы с концами. До начала первой мировой войны у него не было ни малейшей идеи, ни плана, ни направления в сторону какой-то цели. И если бы не политическая ситуация, сложившаяся после войны, он скорее всего продолжал бы плыть по течению, может быть, стал бы где-то работать, хотя при его недисциплинированности это было мало реально. Пожалуй, ему бы подошла роль торговца товарами сомнительного качества, успех которого зависит от умения уговорить покупателя. Но ожидание Гитлера было вознаграждено. Его фантастические устремления и его дар убеждать неожиданно соединились с социальной и политической реальностью. Он стал агентом реакционного крыла армейского командования, который должен был не только шпионить за солдатами, но и вести среди них пропаганду милитаристских идей. Так, начав с малого, Гитлер постепенно стал монополистом в торговле товаром, который пользовался огромным спросом у разочарованных и смятенных «маленьких людей” и в реализации которого были кровно заинтересованы сначала армия, а затем и

другие влиятельные группы, – таким товаром были идеи национализма, антикоммунизма и милитаризма. Когда он доказал на этом поприще свою состоятельность, немецкие банкиры и промышленники оказали ему финансовую поддержку настолько щедрую, что он получил возможность захватить власть.

Слабость воли Гитлера проявлялась в его нерешительности. Многие из тех, кто наблюдал его поведение, отмечают, что в ситуации, требующей принятия решения, его вдруг начинали одолевать сомнения. У него была привычка, свойственная многим слабовольным людям, дожидаться в развитии событий такого момента, когда уже не надо принимать решения, ибо его навязывают сами обстоятельства. Гитлер умел манипулировать обстоятельствами, чтобы нагнетать обстановку: он подбрасывал в топку побольше дров, перекрывал все пути к отступлению и доводил ситуацию до точки кипения, когда уже нельзя было действовать иначе. Таким образом, мобилизуя всю свою изощренную технику самообмана, он избегал необходимости принимать решения. Его «решения» в действительности не были «волевыми», они были скорее принятием неизбежности fait accompli[47]. Приведем только один пример. Представляется сомнительным, что он заранее вынашивал идею завоевания Польши, ибо с симпатией относился к стоявшему во главе польского правительства реакционному полковнику Беку. Но когда Бек отверг сравнительно мягкие требования Гитлера, тот пришел в ярость и стал нагнетать напряженность в отношениях с Польшей. В конце концов единственным выходом из положения оказалась война.

Избрав ту или иную линию, Гитлер проводил ее с непоколебимым упорством, которое *можно* было бы назвать «железной волей». Чтобы разобраться в этом кажущемся противоречии, остановимся коротко на понятии воли. Прежде всего, я бы предложил различать «рациональную волю» и «иррациональную волю». Под рациональной волей я понимаю энергичные усилия, направленные на достижение некоторой рациональной цели. Такое целеустремленное поведение требует реализма, дисциплины, внимания и умения не предаваться сиюминутным влечениям.

С другой стороны, иррациональная воля – это побуждение, в основе которого лежит иррациональная по своей природе страсть. Действие иррациональной воли можно уподобить разливу реки, прорвавшей плотину. Она заключает в себе огромную силу, но человек – не хозяин ей: он ею захвачен, подчинен, является ее рабом. У Гитлера была сильная воля, если понимать под этим волю иррациональную. Но его рациональная воля была слабой.

Кроме слабой воли у Гитлера было еще одно качество, которое не давало в полной мере раскрыться его способностям, – нарушенное чувство реальности. Мы уже видели, как это проявилось в его затянувшемся до шестнадцатилетнего возраста увлечении игрой в войну. Мир фантазии был для него более реальным, чем сама реальность. Никак не соотносилось с реальностью и его намерение стать художником. Это была просто мечта. И его деятельность в качестве коммерческого художника ни в коей мере не была ее осуществлением. Люди тоже не были для него реальными. Он видел в них только инструменты. Но настоящих человеческих контактов у него не было, хотя порой он бывал достаточно проницательным[48]. Впрочем, не будучи в полной мере реалистом, он в то же время не жил целиком и в мире фантазии. Его мир складывался из реальности и фантазий, смешанных в определенной пропорции: здесь не было ничего до конца реального и ничего до конца фантастического. В некоторых случаях, особенно когда он оценивал мотивы своих противников, он бывал удивительным реалистом. Он почти не обращал внимания на то, что люди *говорили,* и принимал во внимание только то, что считал их подлинными (даже не всегда осознанными) побуждениями. Это хорошо видно на примере его оценки англо-французского политического курса. В определенном смысле победы Гитлера начались с нежелания Великобритании выполнять решение Лиги наций о блокаде Италии после того, как Муссолини напал в 19351936 гг. на Эфиопию. Используя самые разнообразные отговорки, англичане продолжали поставлять в Италию нефть, необходимую ей для ведения военных действий, в то время как Эфиопия с огромным трудом могла получать из-за границы оружие. Еще одним окрылившим Гитлера событием была гражданская война в Испании 1936–1939 гг. Великобритания не давала законному правительству Испании возможности импортировать оружие, необходимое для его защиты, а французское правительство, которое в то время возглавлял социалист Блюм, не осмеливалось действовать вопреки англичанам. При этом международный комитет демократических стран, задачей которого было воспрепятствовать интервенции в Испании, не сделал ничего, чтобы предотвратить военное вмешательство Гитлера и Муссолини, выступавших на стороне Франко[49].

Кроме того, французы и англичане не оказали никакого сопротивления, когда Гитлер оккупировал рейнскую демилитаризованную зону. В то время Германия была еще совершенно не готова к войне, и, как заметил позднее в «застольных беседах” Гитлер, если бы во Франции тогда были

настоящие политики, ему бы не удалось этого сделать. И наконец, визит в Германию Чемберлена, который приехал, чтобы уговорить Гитлера смягчить политический курс. Все это лишь окончательно подтвердило то, в чем Гитлер уже и так был уверен: что Великобритания и Франция не собираются действовать в соответствии со своими обещаниями. Гитлер проявил себя настоящим реалистом и раскусил поведение Чемберлена: как продувной барышник, он сразу увидел, что его партнеры блефуют. Чего не смог увидеть Гитлер, так это более *широкой политической и экономической реальности,* составлявшей контекст тех событий. Он не учел традиционной заинтересованности Великобритании в поддержании равновесия сил на континенте; он не понял, что Чемберлен и его окружение не представляют интересов всех консерваторов, не говоря уже об общественном мнении населения Великобритании в целом. В своих оценках он слишком доверился мнению Риббентропа, человека безусловно умного, но поверхностного, неготового к пониманию политических, экономических и социальных тонкостей британской системы.

То же отсутствие реализма в суждениях отличало и отношение Гитлера к США.

Он, по сути, ничего не знал об этой стране и, главное, не пытался узнать. Как считают эксперты, его мнение о Соединенных Штатах определялось исключительно предрассудками. Он, например, считал, что американцы слишком слабы, чтобы быть хорошими солдатами, что в Америке всем заправляют евреи и что американское правительство не рискнет вмешиваться в войну, поскольку эту страну разрывают такие внутренние конфликты, что там может произойти революция.

Как военачальник Гитлер тоже далеко не всегда был в состоянии учитывать объективные стратегические и тактические факторы. П. Шрамм в своем глубоком анализе деятельности Гитлера во время войны определенно указывает на этот дефект его стратегического мышления. Не умаляя его заслуг в этой области, он приводит (опираясь на свидетельства генерала А. Йодля) три примера дерзких и изобретательных военных планов, предложенных Гитлером в первый период войны. Но начиная с 1942 г. его суждения в военной области становятся крайне уязвимыми. Он действовал здесь так же, как и при чтении книг: выуживал в военных рапортах информацию, которая подкрепляла его намерения, и не обращал внимания на то, что ставило под сомнение его планы. Его приказ не отступать, который привел к катастрофе под Сталинградом и тяжелым потерям на других участках Восточного фронта, Шрамм характеризует как

проявление «прогрессирующей потери здравого смысла”. Планируя последнее контрнаступление в Арденнах, он упустил из виду ряд важнейших тактических моментов. Шрамм пишет, что стратегия Гитлера была стратегией «престижа» и «пропаганды». Недостаток реализма не позволил ему понять, что ведение войны и ведение пропаганды должно строиться на совершенно различных принципах. Свидетельством уже полной потери чувства реальности стал его приказ от 24 апреля 1945 г. (когда весь сценарий его самоубийства уже был разработан). Он приказывал «доводить до сведения фюрера все важные решения *за тридцать шесть часов до их исполнения”*. Это было подписано им за двое суток до запланированной смерти.

Вглядываясь в это характерное для личности Гитлера сочетание слабой воли с недостаточным чувством реальности, мы неизбежно приходим к вопросу, действительно ли он стремился к победе или бессознательно[50], вопреки очевидным его усилиям, действия, которые он предпринимал, были направлены к катастрофе? Некоторые весьма проницательные исследователи склонны отвечать на этот вопрос утвердительно. Вот что пишет, например, К. Буркхардт: «Мы не выйдем за границы здравого смысла, предположив, что сидевший в нем мизантроп нашептывал ему то, в чем он был всегда бессознательно абсолютно уверен: что его, причем именно его лично, ожидает ужасный, бесславный конец. 30 апреля 1945 г. это опасение стало реальностью».

Как вспоминает Шпеер, когда еще перед войной Гитлер с увлечением обсуждал с ним свои архитектурные планы, у него было смутное ощущение, что по-настоящему Гитлер не верит в их реализацию. Это не было уверенностью, но на интуитивном уровне Шпеер это чувствовал[51].

Примерно так же рассуждает и Ж. Бросс, пытаясь ответить на вопрос, верил ли Гитлер в окончательную победу и, более того, желал ли он ее в глубине души.

Я и сам, анализируя личность Гитлера, пришел к аналогичным выводам. Мой вопрос заключался в том, мог ли человек, снедаемый сильнейшей, всепоглощающей страстью разрушению, по-настоящему стремиться к созидательной деятельности, которая стала бы необходимой в случае победы. Конечно, и Буркхардт, и Шпеер, и Бросс, и я говорим не о сознательной части личности Гитлера. Предположение, что он не верил в осуществление своей мечты – будь то в области искусства или политики – и не стремился ее реализовать, относится исключительно к его бессознательным побуждениям. Если не делать такой поправки, мысль, что Гитлер не стремился к победе,

звучит просто абсурдно[52].

Гитлер был игрок. Он играл жизнями всех немцев, играл и со своей собственной жизнью. Когда все было потеряно и он проиграл, у него не было особых. причин сожалеть о случившемся. Он получил то, к чему всегда стремился: власть и удовлетворение своей ненависти и своей страсти к разрушению. *Этого удовольствия* он не лишался в связи с поражением. Маньяк и разрушитель не проиграл. Кто действительно проиграл, так это миллионы людей – немцев, представителей других наций и национальных меньшинств, – для которых смерть в бою была зачастую самой легкой формой страдания. Но поскольку Гитлеру было неведомо чувство сострадания, муки этих людей не принесли ему ни боли, ни малейших угрызений совести.

Анализируя личность Гитлера, мы обнаружили в ней ряд сугубо патологических черт. Вначале мы выдвинули гипотезу о наличии у него признаков детского аутизма[53], затем выявили в его поведении ярко выраженный нарциссизм[54], неконтактность, недостаточное чувство реальности и тяжелую некрофилию.

Можно не без основания заподозрить у него наличие психотических, а возможно, и шизофренических[55] черт. Но означает ли это, что Гитлер был «сумасшедшим», что он страдал тяжелым психозом или определенной формой паранойи[56] (как это нередко считают)? Ответ на такой вопрос, я думаю, должен быть отрицательным. Несмотря на все ненормальности[57], несомненно присутствовавшие в его характере, он был все-таки достаточно здоровым человеком, чтобы действовать целеустремленно, а иногда и успешно. Хотя из-за своих нарциссических и деструктивных наклонностей он порой неверно воспринимал и оценивал реальность, тем не менее нельзя отказать ему в том, что он был выдающимся демагогом и политиком. Когда он действовал в этой области, он вовсе не выглядел психопатом. Даже в последние дни, будучи уже физически и душевно сломленным человеком, он все-таки владел собой. Что же касается его параноидальных черт, надо признать, что подозрительность его имела основания. Об этом свидетельствуют многочисленные заговоры, которые и в самом деле имели место, а не были плодом его паранойи. Нет сомнения, что, если бы Гитлер предстал перед судом, даже перед самым беспристрастным, его бы ни за что не признали невменяемым. Но хотя с клинической точки зрения он не был безумцем, с точки зрения человеческих взаимоотношений он, безусловно, не был и здоровым. Различия между психотическими чертами характера и тяжелым психозом как таковым могут иметь значение для суда, решающего, направить ли человека в тюрьму или в

психиатрическую лечебницу. Но по большому счету, когда мы имеем дело с человеческими взаимоотношениями, психиатрические ярлыки не работают. Нельзя использовать клинический диагноз для затемнения моральной проблемы. Как среди «здоровых» встречаются порочные и порядочные люди, так есть они и среди сумасшедших. Порок надо судить сам по себе, и клинический диагноз не должен влиять на эти суждения. Но и самый порочный человек, оставаясь человеком, взывает к нашему состраданию.

В заключение я должен сказать, что помимо очевидной академической задачи, которую я ставил в этом исследовании, пытаясь проиллюстрировать понятия садизма и некрофилии, я имел в виду и еще одну цель. Я хотел указать на распространенное заблуждение, которое не позволяет нам распознавать в своей среде потенциальных фюреров до того, как они покажут свое настоящее лицо. Мы почему-то считаем, что порочный, склонный к разрушению человек должен быть самим дьяволом и выглядеть как дьявол. Мы убеждены, что у него не может быть никаких достоинств и что лежащая на нем каинова печать должна быть очевидной и различимой для каждого. Такие дьявольские натуры существуют, однако они чрезвычайно редки. Как мы уже имели возможность убедиться, деструктивная личность демонстрирует миру добродетель: вежливость, предупредительность, любовь к семье, любовь к детям, любовь к животным. Но дело даже не в этом.

Вряд ли найдется человек, вообще лишенный добродетелей или хотя бы благих порывов. Такой человек находится на грани безумия или, что в принципе то же самое, является «моральным уродом». *Пока мы не откажемся от лубочного представления о пороке, мы не научимся распознавать реальное зло.*

Наивная уверенность, что порочного человека легко узнать, таит в себе величайшую опасность: она мешает нам определить порок еще до того, как личность начнет свою разрушительную работу. Я считаю, что в большинстве своем люди редко обладают столь сильными разрушительными наклонностями, какие были у Гитлера. Но, даже если такие люди составляют всего десять процентов, этого вполне достаточно, чтобы, приобретая власть и влияние, они представляли реальную угрозу для общества. Конечно, не всякий разрушитель способен стать Гитлером, если у него нет соответствующих талантов. Но он может стать усердным эсэсовцем. С другой стороны, Гитлер не был гением, и способности его не были сверхъестественными. По-настоящему уникальной была социально-политическая ситуация, в которой он мог подняться до таких высот. Не исключено, что среди нас живут

сотни потенциальных фюреров, которые смогут прийти к власти, если пробьет их исторический час.

Рассматривать такую фигуру, как Гитлер, объективно, без гнева и пристрастия заставляет нас не только научная честность, но и желание усвоить исторический урок, который может оказаться полезным и сегодня, и завтра. Всякая попытка внести в портрет Гитлера искажения, лишив его человечности, чревата в дальнейшем неспособностью распознать потенциальных гитлеров в тех людях, которые вовсе не похожи на чертей, а просто спокойно прокладывают свой путь к власти.

Перевод М. Б. Гнедовского.

notes

Примечания

1

Инстинкт – в физиологии безусловный рефлекс. В психоанализе используется в основном в англоязычной литературе как синоним влечения. Фрейд обычно употреблял последний термин, но применял и некоторые другие сходные понятия: побуждение, импульс, стремление и пр. (см. пояснения Фромма к термину «инстинкт» в начале главы IV).

2

Сопротивление – в психоанализе обозначение силы, которая мешает человеку осознать вытесненные влечения. Задача психоаналитика – преодолеть сопротивление и помочь пациенту осознать бессознательные содержания своей психической жизни.

3

В основу настоящего перевода книги Э. Фромма положено ее первое издание: Fromm E. The Anatomy of Human Destructiveness. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973.

4

Некрофилия – любовь к мертвому. Обычно этим термином обозначается половое извращение, проявляющееся в половом влечении к трупам. Фромм трактует некрофилию расширительно как стремление к разрушению жизни, к разложению ее на части и как пристрастие ко всему омертвленному, в том числе к механическому (см. пояснения Фромма к этому термину в начале главы XII). Биофилия – любовь ко всему живому.

5

В этом описании я опираюсь на две важнейшие работы – Б. Смита и В. Мазера. Кроме того, я использовал данные Кубичека и самого А. Гитлера. Но книга Гитлера писалась в пропагандистских целях, и потому в ней много лжи. А к Кубичеку тоже надо относиться с большой осторожностью, ибо он был другом юности Гитлера, обожал его и восхищался им, когда тот уже был у власти. Мазер не очень точен в использовании источников. Зато Смита можно считать весьма объективным и надежным источником данных о юности Гитлера.

6

Некоторые исследователи проблемы детского аутизма (заостренность своем “Я”) установили, что вмешательство извне обусловливает развитие аутизма.

7

Садист – человек, способный получать удовольствие или даже удовлетворение полового влечения, причиняя страдания – моральные или физические – другому человеку. Термин образован от фамилии французского писателя маркиза де Сада (XVIII в.), красочно описавшего это явление и считавшего возможность удовлетворять подобные наклонности необходимым элементом свободы. В психоанализе садизм трактуется расширительно как активная сторона влечений.

То, что обычно понимается под садизмом, в психоанализе рассматривается как извращение. Фромм осмысливает садизм как патологическое стремление к неограниченной власти над другими существами, причем наличие сексуального момента возможно, но не обязательно.

8

Как известно, психоаналитики не раз пытались найти объяснение жестокости Гитлера. Во-первых, существует ортодоксальный анализ В. Лангера, который первоначально создавался как секретный отчет для Службы стратегической разведки. Во-вторых, известно исследование Ж. Бросса.

Лангер приводит несколько важных аргументов, но у него в то время было все же мало материалов, да и теоретические установки его мешают объективному анализу. Он особо подчеркивает, что привязанность к матери в раннем детстве сформировала у Гитлера очень сильный Эдипов комплекс (т. е. желание убить отца). Кроме того, Гитлер якобы оказался свидетелем сексуальных отношений своих родителей, которые он интерпретировал как “жестокость” отца и “предательство” матери. Однако в семьях, где недостаточно много комнат, мальчики очень часто бывают “наблюдателями” половых сношений, и потому трудно согласиться, что столь распространенное явление может явиться причиной возникновения экстраординарного характера, не говоря уже о таком анормальном типе, как Гитлер.

Исследование французского психоаналитика Ж. Бросса “Гитлер перед Гитлером” отличается большей глубиной и убедительностью. Бросс обнаруживает и пытается объяснить гитлеровскую ненависть к жизни – и в этом отношении его выводы созвучны тем, которые читатель встретит на страницах нашей книги. Но недостаток Бросса состоит в том, что он пытается втиснуть результаты своих исследований в терминологические рамки теории либидо. Главное подсознательное влечение Гитлера, пишет он, «состояло в том, чтобы убить не только отца, но и мать, т. е. убить родителей, соединенных половым актом… Объектом вытеснения у Гитлера было не столько его рождение, сколько зачатие, т. е., другими словами, половое сношение родителей; причем речь идет не о той сцене, свидетелем которой он мог оказаться в детстве, а о той, которая имела место в прямом смысле слова до него. о сцене, которая ему была отвратительна, которую он в своем воображении отвергал, но от которой не мог «избавиться*, ибо потенциально он сам в ней участвовал – ведь это было его зачатие. Его ненависть к жизни – это не что иное, как ненависть к акту, в котором его родители дали ему жизнь.» Это образное описание имеет смысл лишь как сюрреалистическая, символическая зарисовка тотальной ненависти к жизни. Однако

никакого анализа причин этой ненависти оно не дает.

Я сам в свое время пытался создать психоаналитический портрет Гитлера, определив его как тип авторитарного садо-маэохиста. При этом я не обращался к материалам его детства (см.: Э. Фромм). Я думаю, что мои выводы и сейчас не утратили своей силы, только теперь я считаю, что садизм Гитлера – всего лишь вторичное явление по отношению к некрофилии, изучением которой я занялся значительно позже.

Конечно, нам могут возразить, что мы ничего не знаем о его неосознанных разочарованиях и бессознательных печалях. Но поскольку у нас нет никаких данных об этом, нам нет нужды притягивать за уши широко распространенные клише, согласно которым якобы рождение братьев, и сестер обязательно вызывает негативную реакцию.

10

Эдипов комплекс – с точки зрения психоанализа совокупность переживаний мальчика, вызванных его отношениями с родителями: влечением к матери и отношением к отцу как к сопернику. Название получил по имени героя древнегреческих мифов и трагедий царя Эдипа, который в силу стечения обстоятельств и сам того не зная убил своего отца и женился на собственной матери.

11

Я, Оно, Сверх-Я – части психики с точки зрения структурного подхода в психоанализе. Функции Я заключаются в обеспечении связи психики с внешним миром и выработке представлений человека о самом себе. Содержит преимущественно осознанные побуждения, но включает в себя и бессознательные механизмы защиты, и инстинкты самосохранения (инстинкты Я).

Сверх-Я – часть психики, выступающая своего рода моральным цензором в процессе осознания бессознательных влечений. Функционирует отчасти сознательно (совесть), отчасти бессознательно (система ценностей и установок). Формируется в результате усвоения предписаний родителей и других авторитетов. Фрейд считал Сверх-Я порождением Эдипова комплекса.

12

Поскольку Кубичек обожал Гитлера, трудно поверить в объективность его информации, если она не подтверждена каким-либо дополнительным источником. Его же собственные “впечатления” всегда выдают его неравнодушное отношение.

13

Принцип реальности – термин Фрейда, означающий, что при удовлетворении влечений человек руководствуется требованиями внешнего мира, особенно социального, и вытесняет асоциальные желания.

14

Его учитель Хумер сказал о своем бывшем ученике, когда выступал в качестве свидетеля после неудавшегося путча Гитлера в Мюнхене: “Гитлер был несомненно одарен, хотя и односторонне. Но он не мог держать себя в руках и пользовался славой строптивого, самодовольного, своенравного, несдержанного ученика, и, разумеется, ему было трудно подчиняться школьным правилам. Он не был и прилежен, иначе он мог бы при своих неоспоримых способностях достичь очень даже хороших успехов”.

15

Эскапизм – стремление человека избавиться от действительных проблем, уйдя в мир иллюзий.

16

Пытаясь подчеркнуть серьезное отношенне Гитлера к изучению искусства, Мазер пишет, что Гитлер брал уроки у скульптора, профессора гимназии Панхольцера. Единственным доказательством этого служит письмо матери хозяйки дома, где Гитлер снимал комнату, адресованное художнику-декоратору, профессору Роллеру, в котором она просит того, принять Гитлера и проконсультировать его. Мазер предполагает, что именно Роллер посоветовал Гитлеру брать уроки у Панхольцера, но не может этого доказать и не пытается документально подтвердить тот факт, что Гитлер действительно занимался у Панхольцера. Он лишь упоминает о тон, что Гитлер 30 лет спустя назвал его своим учителем, что звучит малоправдоподобно. Но откуда Мазер мог знать, что Гитлер должен был “настойчиво и упорно” работать в ателье Панхольцера, остается тайной, как и то, почему начинающий художник и архитектор хотел брать уроки у скульптора.

17

Психозы – серьезные нарушения психики, связанные с утратой человеком способности адекватно воспринимать внешний мир. Внутриличностный конфликт (разорванность собственной психики) воспринимается человеком как конфликт между ним и внешним миром. Различаются органические психозы, связанные с мозговой патологией, и функциональные, к числу которых относятся меланхолия, паранойя и шизофрения.

В дальнейшем я главным образом ссылаюсь на исследование Смита.

19

Бихевиоризм – направление в психологии, считающее поведение подлинным предметом психологической науки

20

Из всей обширной литературы о Гитлере н его времени с 1914 по 1946 гг. я главным образом использовал книги А. Шпеера и В. Мазера, правда, последнего с определенной осторожностью, как уже было отмечено. Я очень благодарен Альберту Шпееру за обширную информацию и сведения, за личные сообщения. (Шпеер искренне раскаялся в том, что поддерживал нацистский режим, и я верю, что он стал совершенно другим человеком.) Другими заслуживающими внимания источниками являются П. Е. Шрамы, Х. Краусник и другие, которые потому важны, что они цитируют многие важные источники, а также «Застольные разговоры» Гитлера (Х. Пикер) с введением Шрамма, которые во всяком случае являются отличными источниками. Кроме того, я использовал с большой осторожностью Ханфштенгля. «Майн кампф» Гитлера вряд ли можно использовать как исторический документ. Сверх того я черпал информацию и из многих других книг.

21

Рукописные заметки бывшего начальника канцелярии, а затем адъютанта Гитлера генерала (в отставке) Фрица Видемана. Почти в тот же день, когда Гитлер произносил эти речи, Геринг основал в рейхсканцелярии спецслужбу по вопросам еврейской эмиграции во главе с Эйхманом, который к тому времени уже разработал план высылки евреев. Гитлеру могло не нравиться такое решение, но он согласился, «поскольку в то время это был единственный практический выход”.

22

Рационализация – в психоанализе понимается как бессознательное оправдание поведения, при котором истинные, но неприемлемые для сознания личности мотивы или причины заменяются на приемлемые для него.

23

Сообщено А. Шпеером в личной беседе. Клубы дыма застилали небо. Пикирующие бомбардировщики, наклонившись, устремлялись к цели. Мы могли видеть полет сброшенных бомб, самолеты, выходящие из пике, облака дыма от взрывов, расширявшиеся до гигантских размеров. Эффект усиливало то, что фильм крутили в замедленном темпе. Гитлер был в восторге от этого. В конце ленты были смонтированы кадры, где самолет пикировал на фоне карты, изображавшей очертания Британских островов. Затем следовал сноп пламени, и острова, взлетая на воздух, разрывались на кусочки. Восторг Гитлера был безграничен. «Вот что с ними будет! – кричал он в необыкновенном воодушевлении. – Вот как мы их уничтожим!»

Весьма красноречивое проявление его «орально-садистского», эксплуататорского характера.

25

По свидетельству Шпеера, в Берлине застольные разговоры были столь же скучными и тривиальными. Гитлер «даже не пытался избегать частых повторов, которые ставили слушателей в неловкое положение».

26

В 1941–1942 гг. в застольных беседах с генералами, происходивших в его штаб-квартире, Гитлер всеми силами старался произвести на своих гостей впечатление своей эрудицией. Беседы эти состояли из его длиннейших монологов, касавшихся буквально всего на свете. Это был тот же Гитлер, который в свое время разглагольствовал перед подонками в Маннергайне. Теперь его слушали руководители немецкой армии. К этому времени он стал более уверен в себе, его кругозор в результате многолетнего чтения, несомненно, расширился. Но суждения не стали глубже. И в принципе изменения эта были вполне поверхностными.

27

Мнение Мазера мне стало известно от Шпеера в личной беседе с ним.

Утверждение Мазера основано на свидетельстве генерала В. Варлимонта.

29

Сообщено А. Шпеером в личной беседе.

Сообщено А. Шпеерон в личной беседе.

31

Садист – человек, способный получать удовольствие или даже удовлетворение полового влечения, причиняя страдания – моральные или физические – другому человеку. Термин образован от фамилии французского писателя маркиза де Сада (XVIII в.), красочно описавшего это явление и считавшего возможность удовлетворять подобные наклонности необходимым элементом свободы. В психоанализе садизм трактуется расширительно как активная сторона влечений.

То, что обычно понимается под садизмом, в психоанализе рассматривается как извращение. Фромм осмысливает садизм как патологическое стремление к неограниченной власти над другими существами, причем наличие сексуального момента возможно, но не обязательно. Мазохизм – способность человека испытывать удовольствие от причиненного ему страдания – морального или физического. Психоанализ истолковывает мазохизм расширительно как пассивную сторону влечений.

В. Мазер. Ж. Бросс хотя и признает, что не располагает прямыми данными, тем не менее настаивает, что у Гитлера были устойчивые гомосексуальные наклонности, поскольку в его личности присутствуют параноидальные тенденции. Это утверждение основывается на фрейдовском допущении тесной связи между паранойей и бессознательной предрасположенностью к гомосексуализму.

33

К сожалению, Ханфштенгль – ненадежный свидетель. В своей автобиографии он пытается представить себя человеком, который старался, как мог, оказать благотворное влияние на Гитлера, а затем, после разрыва с ним, стал «советником» президента Рузвельта. Все это, конечно, преувеличение. Тем не менее приводимые им сведения об отношениях Гитлера с женщинами в основном, наверное, заслуживают доверия, ибо эта тема впрямую не связана с его попытками представить себя как важную политическую персону.

34

Анальный характер – характер, сложившийся в результате фиксации либидо, т. е. задержки или приостановки его развития, в анальной фазе

35

А. Цейслер. Интервью в Голливуде 24.06.1943 г.

Такое же двойственное значение имеет на иврите слово «норах». В иудейской традиции им обозначается атрибут Бога, выражающий архаическую установку сознания, в которой одновременно присутствуют ужас и восхищение – страх Господень.

Суггестия – внушение. В чем-то сходную, но еще более радикальную и методологически последовательную критику этих направлений дал независимо от Фромма отечественный философ В. М. Володин в работе ”К вопросу о природе агрессии”.

Сообщено А. Шпеером в личной беседе.

Мы оставляем в стороне вопрос, были ли такие приступы результатом действия органических, нейрофизиологических факторов, или же эти факторы только снижали порог возбудимости.

40

См.: Х. С. Циглер. А в ближайшее время в США и Англии готовится целый ряд работ о Гитлере как политическом лидере.

41

Мазер, стремясь доказать, что у Гитлера был талант, так объясняет его метод копирования: «Гитлер занимался копированием не потому, что ему не хватало таланта… но потому, что он был слишком ленив, чтобы идти куда-то и рисовать». Это еще одна тенденциозная попытка Мазера приподнять Гитлера в глазах читателя, не говоря о том, что само утверждение ложно, по крайней мере, в одном отношении: единственное, что Гитлер действительно любил, это как раз «идти куда-нибудь», т. е. гулять по улицам. Другим примером тенденциозности Мазера в оценке художественных способностей Гитлера является его утверждение, что доктор Блох (врач-еврей, лечивший мать Гитлера), сохранивший акварели, подаренные ему Гитлером, «конечно, не стал бы хранить их до 1938 г., поскольку Гитлеры лечились у него только до 1907 г.». Таким образом, Мазер как бы указывает на тот факт, что доктор хранил акварели, потому что они представляли художественную ценность. Но почему бы доктору не хранить их по той причине, что Гитлеры когда-то были его пациентами? Он был бы не первым врачом, сохранившим сувениры, свидетельствующие о благодарности пациентов. А после 1933 г. любой подарок Гитлера был уже безмерной ценностью, особенно для человека в том положении, в каком находился Блох.

42

Я чрезвычайно благодарен господину Шпееру за возможность увидеть эти рисунки. Для меня они послужили ключом к характеру Гитлера, педантичному я безжизненному.

Как отмечает Шрамм, Гитлер в этих застольных беседах никогда не упоминал тех чудовищных приказов, которые он отдавал в тот период, пока эти беседы происходили.

44

Персонажи романа Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда» (1886). – Прим. перев.

45

Здесь можно усмотреть некоторое сходство с месье Вердо, персонажем Чаплина, – добропорядочным представителем среднего класса, семьянином, который зарабатывает на жизнь, убивая богатых дам.

46

Вытеснение – введенный Фрейдом термин для обозначения механизма, с помощью которого бессознательные влечения, неприемлемые для сознания личности, не допускаются до осознания и удерживаются в области бессознательного. Вытеснению в бессознательное могут подвергаться также неприятные переживания, мысли, воспоминания реальной жизни.

47

Уже случившееся, свершившиеся факт, нечто бесспорное (фр.). – *Прим. ред.*

Шпеер, интуитивно ощущавший неумение Гитлера воспринимать и правильно оценивать реальность, пишет об этом так: «Сейчас в нем было что-то как будто нематериальное. Впрочем, это, наверное, было его постоянным качеством. Оглядываясь назад, я иногда спрашиваю себя, не была ли такая зыбкость всегда ему свойственна – с ранней юности и до момента самоубийства? Иногда мне даже кажется, что приступы насилия, которым он был подвержен, были тем более необузданными, что в нем не было никаких человеческих эмоций, способных им противостоять. Он не мог никому позволить приблизиться к себе, потому что внутри у него не было ничего живого. Там была одна пустота».

49

Блестящее и чрезвычайно подробное описание действий английского правительства в ходе гражданской войны в Испании дает сэр А. Кэдоган, бессменный заместитель министра иностранных дел Великобритании, консерватор, сам немало сделавший для формирования британского внешнеполитического курса в тот период. В частности, он пишет, что политика правительства во многом определялась симпатией консерваторов к Муссолини й Гитлеру, их неспособностью оценить намерения Гитлера и тем, что они были склонны позволить Германии напасть на Советский Союз.

50

Бессознательное – в психоанализе сфера влечений, в принципе неприемлемых для сознания. Бессознательное является и источником влечений, и системой психики, включающей в себя первичные и вытесненные влечения.

51

Сообщено А. Шпеером в личной беседе.

Существует богатый клинический материал, демонстрирующий, что люди могут стремиться к саморазрушению, несмотря на то что их сознательные цели являются прямо противоположными. Впрочем, такие примеры можно найти не только в психоанализе, но и в классике драматургии.

53

Аутизм – стремление замкнуться в себе, отгородившись от внешнего мира.

Нарциссическая личность – личность, психосексуальная энергия которой направлена на самое себя (от имени греческого юноши Нарцисса, влюбившегося в собственное отражение). Подробнее см. главу IX раздела «Агрессия и нарциссизм». Фрустрация – состояние тревоги или напряжения, возникающее в результате расстройства планов, неосуществленных надежд. В психоанализе понимается как задержка в удовлетворении влечений или препятствие на его пути.

55

Шизофреник – человек, страдающий серьезным нарушением психики, что выражается в расщеплении личности в разрыве между мыслью и чувством, а также в отрыве психики от внешнего мира.

56

Паранойя – серьезное психическое нарушение, связанное с деформацией восприятия внешнего мира и характеризующееся устойчивым бредом, манией преследовании, манией величия и пр.

57

Патология нормальности – термин, введенный Фроммом в работе «Здоровое общество». Им обозначается социально-психологическое явление, когда человек старается быть таким, как все, и в этом смысле «нормальным», т. е. соответствующим общепринятым нормам, но сами нормы – патологичны, ибо мешают самореализации человека.